

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ
ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ЮНЦ РАН)**

Научный журнал **КАЗАКОВЕДЕНИЕ** (16+)

Сетевое издание

**Том 1, №1
2025**

ISSN – (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Матишов Геннадий Григорьевич, академик РАН

Редакционный совет:

Баранов Андрей Владимирович д.и.н. (Краснодар)
Бритвин Николай Николаевич, общественный деятель,
генерал-полковник (Ростов-на-Дону)
Венков Андрей Вадимович, д.и.н. (заместитель главного редактора) (Ростов-на-Дону)
Волвенко Алексей Александрович, к.и.н. (Таганрог)
Колесников Владимир Александрович, к.и.н. (Ставрополь)
Колесникова Марина Евгеньевна, д.и.н. (Ставрополь)
Лукьяшко Сергей Иванович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Малов Александр Витальевич, к.и.н. (Москва)
Матвеев Олег Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Матвеева Наталья Сергеевна, к.и.н. (Москва)
Мининков Николай Александрович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Очиров Уташ Борисович, д.и.н. (Элиста)
Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна, д.и.н. (Новочеркасск)
Ратушняк Олег Валерьевич, д.и.н. (Краснодар)
Рвачева Ольга Владимировна, д.и.н. (Волгоград)
Рыблова Марина Александровна, д.и.н. (Волгоград)
Сень Дмитрий Владимирович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Скорик Александр Павлович, д.и.н., д.филос.н. (Новочеркасск)
Тюменцев Игорь Олегович, д.и.н. (Волгоград)
Худобородов Александр Леонидович, д.и.н. (Оренбург)
Шадрина Алла Валерьевна, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Яровой Андрей Викторович, д.филос.н., к. соц.н. (Зерноград)
Бевза Татьяна Гарриевна (ответственный секретарь), (Ростов-на-Дону)

Утвержден к печати Ученым советом ЮНЦ РАН

Сетевое издание «Казаковедение»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-88811 от 02 декабря 2024 г.

Адрес: 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; e-mail: kazak@ssc-ras.ru

Адрес сайта: <http://kazak.ssc-ras.ru>

© ЮНЦ РАН, 2025

**FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
"FEDERAL RESEARCH CENTRE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES" (SSC RAS)**

Scientific journal KAZAKOVEDENIE (16+)

Online Media

**Volume 1, Issue 1
2025**

ISSN - (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief:

Matishov Gennadij Grigor'evich, D.Sc. (Geography), the academician of RAS

Editorial Council:

Baranov Andrej Vladimirovich, D.Sc. (History) (Krasnodar, Russia)
Britvin Nikolaj Nikolaevich, Public figure, Colonel-General (Rostov-on-Don)
Venkov Andrej Vadimovich, D.Sc. (History), editor-in-chief (Rostov-on-Don, Russia) Volvenko
Aleksij Aleksandrovich, Cand. Sc. (History) (Taganrog, Russia)
Kolesnikov Vladimir Aleksandrovich, Cand. Sc. (History) (Stavropol', Russia)
Kolesnikova Marina Evgen'evna, D.Sc. (History) (Stavropol', Russia)
Luk'yashko Sergej Ivanovich, D.Sc. (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Malov Aleksandr Vital'evich, Cand. Sc. (History) (Moscow, Russia)
Matveev Oleg Vladimirovich, D.Sc. (History) (Krasnodar, Russia)
Matveeva Natal'ya Sergeevna, Cand. Sc. (History) (Moscow, Russia)
Mininkov Nikolaj Aleksandrovich, D.Sc. (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Ochirov Utash Borisovich, D.Sc. (History) (Elista, Russia)
Pankova-Kozochkina Tat'yana Viktorovna, D.Sc. (History) (Novocherkassk, Russia)
Ratushnyak Oleg Valer'evich, D.Sc. (History) (Krasnodar, Russia)
Rvacheva Ol'ga Vladimirovna, D.Sc. (History) (Volgograd, Russia)
Ryblova Marina Aleksandrovna, D.Sc. (History) (Volgograd, Russia)
Sen' Dmitrij Vladimirovich, D.Sc. (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Skorik Aleksandr Pavlovich, D.Sc. (History), D.Sc. (Philosophy) (Novocherkassk, Russia)
Tyumencev Igor' Olegovich, D.Sc. (History) (Volgograd, Russia)
Hudoborodov Aleksandr Leonidovich, D.Sc. (History) (Orenburg, Russia)
Shadrina Alla Valer'evna, D.Sc. (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Yarovoj Andrej Viktorovich, D.Sc. (Philosophy), Cand. Sc. (Sociology) (Zernograd, Russia)
Bevza Tat'yana Garrievna, assistant editor (Rostov-on-Don, Russia)

Address: 41 Chekhov ave., Rostov-on-Don, 344006; mail: kazak@ssc-ras.ru

URL: <http://en.kazak.ssc-ras.ru>

Содержание

Вводная статья главного редактора, заместителя Президента РАН, академика <i>Г.Г. Матишова</i>	5
--	---

Вступительная статья директора ЮНЦ РАН д.г.н. <i>С.В. Бердникова</i>	8
---	---

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Рыблова М.А.</i> Олень на казачьей печати: поиск возможных путей интерпретации символа	9
---	---

<i>Яровой А.В.</i> «Стрела его сагайдашная, как по меточке, в грудь вонзается»: Сагайдак-лук в культуре донских казаков: историко-культурологический аспект	16
--	----

<i>Венков А.В.</i> Казаки в 1-й конной армии в годы гражданской войны	28
--	----

<i>Скорик А.П.</i> Научный семинар как историографический источник (анализ опыта донских казаковедов)	42
---	----

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

<i>Тюменцев И.О.</i> Воспоминания заместителя начальника Штаба обороны Царицына Т.М. Серегина о первых боях гражданской войны во Втором Донском округе Всевеликого Войска Донского	92
---	----

ИЗЫСКАНИЯ КРАЕВЕДОВ

<i>Федичев В.В.</i> Старобельский фронт (1918–1919 гг.): Борьба в Старобельском уезде	118
--	-----

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Правила для авторов	137
---------------------------	-----

Content:

Introductory article by the Editor-in-Chief, Deputy President
of the Russian Academy of Sciences, Academician *G.G. Matishov*.....5

Introductory article by the Director of the SSC-RAS, Doctor
of Geographical Sciences S.V. Berdnikov8

SCIENTIFIC ARTICLES:

Ryblova M.A.

Deer on the Cossack seal:
a search for possible ways of interpreting the symbol9

Yarovoy A. V.

“His Sagaidak arrow, as if on a mark, plunges into the chest”:
Sagaidak bow in the culture of the Don Cossacks: historical
and cultural aspect” 16

Venkov A. V.

Cossacks in the 1st Cavalry Army during the Civil War.....28

Skorik A.P.

Scientific seminar as a historiographical source (analysis of the
experience of Don Cossacks)”42

PUBLICATION OF DOCUMENTS:

Tyumentsev I.O.

Memoirs of the Deputy Chief of the Tsaritsyn Defense Staff, T.M. Seregin,
about the first battles of the Civil War in the Second Don District
of the All-Great Don Army.....92

RESEARCH BY LOCAL HISTORIANS:

Fedichev V.V.

The Starobilsk Front (1918-1919): The struggle in the Starobilsk district 118

OFFICIAL SECTION

Author Guidelines 136

**ВВОДНАЯ СТАТЬЯ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,
ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕЗИДЕНТА РАН, АКАДЕМИКА Г.Г. МАТИШОВА**

Introductory article by the Editor-in-Chief, Deputy President of the Russian
Academy of Sciences, Academician G.G. Matishov

Мы начинаем издание журнала, который посвящен экзистенциальной для нашей Родины теме – проблемам казачества.

Внимание политиков к казакам не ослабевает. Казачество на протяжении сотен лет олицетворяло державность, православную веру, служение отечеству. Казачество оказало заметное влияние на развитие не только нашей страны, но и оставило заметный след в истории многих стран мира: от Ирана до Франции. В памяти народа навсегда остались драматичные вехи отечественной истории, неотделимые от казачества: покорение Сибири, освоение Дальнего Востока и Камчатки. Уместно будет еще подчеркнуть, что в XIX веке и в начале XX века казаки в массе своей были носителями имперской идеологии, опорой самодержавия, надежной и проверенной силой царя.

А лично для меня – потомственного казака – проблема казачества еще и глубоко личная тема. Я родился в семье военнослужащего – потомственного донского казака. В жизни захватил восемь лет эпохи И.В. Сталина. В школьные годы жил и воспитывался в семье дедушки и бабушки. От них и близких родственников и впитывал взгляды, понимание исторических событий прошлых столетий.

Опираясь на свой жизненный опыт донского казака и ученого, могу сказать: кровопролитные войны и революции, масштабные стройки и преобразования природы – все это наложило отпечаток на жизнь казачьего населения, их восприятие окружающего мира. Воды Цимлянского водохранилища затопили 168 хуторов и станиц, а с ними исторические корни Всевеликого Войска Донского. Несмотря на все обстоятельства и невзгоды, где бы ни находился коренной житель Дона, даже за тысячи километров от отчего дома, он всегда будет вспоминать донские рассветы и закаты, пение камышовок и соловьев, шелест рогоза и камыша (как говорят казаки, «чакана» и «куги»), вкус знаменитой донской рыбы, сладкий запах разнотравья донской степи с горькими нотками полыни. Но... живо казачество! Есть еще порох в пороховницах, и, как показали военные действия СВО, не гнутся казаки.

В современной повседневной жизни крайне важно заострить внимание на комплексе методов воспитания в казачьем сообществе. На протяжении столетий казаку прививались навыки трудового и боевого воспитания. В родной семье, церковно-приходской школе, гимназии, духовной семинарии, военно-учебном заведении детей казаков учили любить свою малую родину и Великую Россию. Мальчики с раннего детства (с 3 - 4 лет) осваивали навыки верховой езды, ухода за скотом и лошадьми, сенокоса, кулачных боев, учились почитать старших. Всю свою жизнь они поддерживали физическую форму, чтобы быть в постоянной боевой готовности. В XVIII веке и в первой половине XIX века казачьи сотни часто были семейные: вместе служили отцы, братья, сыновья, соседи. На фронте самые малые потери были у казаков. Все этому надо учиться и сейчас.

Существует безграничное число вопросов по казачьей проблематике, требующих глубокого академического исследования.

В приоритете будут статьи, посвященные участию казаков в событиях в Крыму и на Донбассе (2014 - 2021 гг.), участию их в СВО (с 2022 г.). Ждет осмысления судьба донских казаков Луганской и Донецкой областей, отрезанных в прошлом советской властью от Области Войска Донского. Сегодня в Новороссии и Малороссии - атмосфера борьбы не на жизнь, а на смерть. За укронацистами стоит мощь США в всего коллективного Запада. Так что борьба предстоит тяжелая, до полной победы. И объективная информация об участии казаков в этой борьбе жизненно необходима.

Военная служба казачества, участие его в войнах России широко освещены в красочных, многотомных изданиях. Но семейная, хозяйственная, духовная повседневная жизнь казака изучены гораздо скромнее. Поэтому мы ждем на страницах журнала работы этнографов и культурологов, чтобы и дальше изучался диалект населения бывших казачьих областей, казачье образование, быт казаков, песенная культура казаков Дона, Кубани, Терека, Урала, Сибири, Дальнего Востока, место ансамблей песни и пляски казаков в сфере сохранения культуры.

Наш журнал предоставит свои страницы исследователям различных религиозных течений в казачьих областях и, в первую очередь, исследователям истории православия. Церковь всегда играла важную роль в жизни казаков. Казачьи станицы были славны украшением своих храмов, и яркий пример тому – история Войскового собора в столице казачества Новочеркасске. Далеко не все войсковые и станичные храмы выявлены, далеко не все они имеют историческое описание. А это очень важно для воспитания подрастающей казачьей молодежи.

Журнал предполагает публиковать методические материалы для юных казаков, кадетов по сохранению старых (XX века) станичных и хуторских кладбищ, их каталогизации, по созданию системы охраны памятников старины на местах.

Предполагается публикация историографических работ, анализирующих многочисленные публикации, затрагивающие разнообразные аспекты истории казачества. Редакция журнала оставляет за собой право согласиться с ними или аргументировано оспорить их, как это принято в академической среде. Системный анализ научной, околонучной и публицистической литературы о казачестве дает основание разделить существующие взгляды и концепции условно на три подхода: левый (прокоммунистический), правый (националистический) и академический (взвешенно-объективный).

Наш журнал планирует охватить своим вниманием малоизученные и скрытые вопросы отечественной и военной истории, прошлое и настоящее казачества. Это противоречия в среде самих казаков, суть «казачьего национализма» и феодальных пережитков в казачьей жизни, эпизоды несения жандармской службы и прочие явления, которые в историческом процессе привели к трагедии служилого сословия и населения казачьих областей. При осмыслении событий ленинского и сталинского периодов поучительны описания революционной агрессии по отношению к политическим оппонентам. Продолжением и параллельным процессом гражданской войны стало рассказывание. Ясно, что не только профессиональные историки, но и простые люди, жители казачьих областей России, должны вникнуть и понять причины и обстоятельства

братоубийственной войны. Гражданский мир надо искать в истории, культуре и традициях народов.

Для образного представления реальных процессов и фактов, воздействовавших на историю казачества, воссоздания атмосферы ушедших эпох, необходимо наполнение журнала сотнями оригинальных фотографий, архивных документов, карикатур, репродукций картин известных художников прошлого и настоящего времени. Разносторонний и многогранный охват разных по природе и времени написания источников наряду с архивными материалами позволит по-новому посмотреть на судьбы российского казачества, яснее представлять процесс зарождения, расцвета и гибели мощной военно-политической силы, которая до конца была предана родному Отечеству и стала своеобразным брендом воинской доблести российской армии.

Для этого есть все необходимое. Профессиональным историкам, краеведам, этнографам, культурологам хорошо известны материалы архивных хранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Волгограда, Краснодара, Ставрополя, Оренбурга, Читы. Много материалов хранится в фондах музеев: Ростовского областного музея краеведения (директор Г.Н. Куликова), Новочеркасского музея истории донского казачества (директор С.А. Сединко) и его филиала – Дома-музея М.Б. Грекова, культурно-исторического туристического комплекса «Казачий Дон», Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника, музея-заповедника «Сталинградская битва» и его филиала – Мемориально-исторического музея «Военная история Царицына начала XX века», Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника, Волгодонского историко-исторического музея, музея краеведения Волгодонского района (ст. Романовская), Новочеркасского музея истории донского казачества, Раздорского этнографического музея-заповедника, Ростовского областного музея краеведения, Цимлянского районного краеведческого музея. Здесь перечислены лишь музеи родной мне Ростовской области, но и в других областях и краях России созданы целые комплексы, хранящие образцы материальной культуры и многочисленные документы, относящиеся к истории российского казачества.

Надеюсь, что дружная и слаженная работа нашей команды внесет свой вклад в святое дело возрождения российского казачества.

*Донской казак,
академик Г.Г. Матишов*

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ ДИРЕКТОРА ЮНЦ РАН, Д.Г.Н. С.В. БЕРДНИКОВА

Introductory article by the Director of the SSC RAS,
Doctor of Sciences in Geography S.V. Berdnikov

Казачество на протяжении нескольких веков играло важную роль в жизни Юга России. Возникнув на рубежах и форпостах Российского государства, казаки сразу же стали «активными игроками» на данной территории. Из небольших сообществ, занимавшихся охотой, рыбной ловлей и «походам за зипунами» (то есть, морскими и сухопутными разбоями), выросли мощные военные, а затем и военно-хозяйственные организации, которые со временем стали элитными войсками Российской империи.

Казачество прошло трудный и трагический путь. В конце XX века произошли радикальные изменения социально-политической системы нашей страны. В ней появились новые и стали восстанавливаться традиционные для дооктябрьской России, но утраченные в советский период институты гражданского общества, такие, как казачество.

Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН) открывает новый научный журнал «Казачество», и он призван внести свой вклад в изучение прошлого казачества, его истории и культуры, исследование его современного состояния и постарается спрогнозировать и методически поддержать путь дальнейшего развития этого уникального российского сообщества.

Своими материалами и рекомендациями журнал будет снабжать сеть кадетских корпусов, ведущих работу под эгидой возрождения казачьего образования, проводящих военно-спортивное и трудовое воспитание определенной части молодежи казачьих территорий.

Гуманитарии, обществоведы ЮНЦ РАН вместе с ведущими казачеоведами России будут исследовать археологию казачества, его материальную культуру, весь спектр истории и вспомогательных исторических дисциплин, имеющих отношение к казачеству – историографию, источниковедение и археографию. Журнал намерен поспособствовать сохранению казачьей культуры через привлечение исследований в области этнологии, фольклора, лингвистики.

Журнал предполагает публикацию стандартных научных статей и кратких научных сообщений. Необходима публикация и введение в научный оборот новых ценных источников по проблемам казачества. Надо быть в курсе современной научной жизни, а это предполагает обзоры, рецензии, материалы и рекомендации конференций. Журнал будет собирать материалы для казачьего биографического словаря. Мы приветствуем на его страницах статьи по самым актуальным темам современного казачеоведения, дискуссии, обсуждение сложных и спорных тем с авторским развернутым обоснованием, исследования по истории отдельных казачьих регионов (социальные отношения, экономика и т.д.), статьи об интересных источниках по культуре казачества, о примечательном отдельном небольшом сюжете в казачьей жизни, статьи, посвященные определенной (юбилейной) дате, связанной с казачеством. На страницах журнала открывается поле деятельности для серьезных краеведов, начинающих авторов.

Искренне надеемся, что все задуманное сбудется, и научная общественность обретет еще один качественный, высококвалифицированный орган печати.

Директор ЮНЦ РАН, д.г.н. С.В.Бердников

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 39

ОЛЕНЬ НА КАЗАЧЬЕЙ ПЕЧАТИ: ПОИСК ВОЗМОЖНЫХ ПУТЕЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛА¹

© 2025 г. Рыблова М.А.

Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону),
Волгоградский государственный университет (Волгоград), Россия.

Аннотация: Автор статьи обращается к образу пронзенного стрелой оленя, изображавшегося на старинных регалиях (печатах и гербах) донских и запорожских казаков. В статье выявляются возможные пути поиска интерпретации этого образа и выявления причин, как появления, так и исчезновения оленя из казачьей символики. В качестве основных направлений дальнейших научных штудий определяются: осуществление поиска в первую очередь в рамках мужской воинской традиции (индоиранской, европейской, русской и собственно казачьей); обращение к русской крестьянской традиции, где образ оленя/тура фигурирует как в фольклорных источниках, так и в обрядовых практиках; осмысление связи образа оленя/тура с воином высокого статуса/предводителем, а также с темой жертвы и воинской доли, отличной от доли-судьбы земледельца; выявление того, как в казачьей традиции образ оленя заменялся образом коня и исследование его символики. В итоге автор высказывает гипотезу, согласно которой олень был символом казачьих братств того времени, когда они представляли собой воинско-охотничьи сообщества, а переход их к всадничеству и служению Российской империи привел к появлению новых символов, отраженных не только в образе двуглавого орла, но и в образе всадника Георгия Победоносца.

Ключевые слова: герб и печать казаков, образ оленя, интерпретация символа, направления научного поиска.

DEER ON A COSSACK SEAL: SEARCHING FOR POSSIBLE WAYS TO INTERPRET THE SYMBOL

Ryblova M.A.

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don),
Volgograd State University (Volgograd), Russia.

Abstract: The author of the article refers to the image of a deer pierced by an arrow, depicted on the ancient regalia (seals and coats of arms) of the Don and Zaporozhe Cossacks. The article identifies possible ways to find an interpretation of this image and identify the reasons for both the appearance and disappearance of the deer from Cossack symbolism. The main directions of further scientific studies are defined as: carrying out a search primarily within the framework of the male military tradition (Indo-Iranian, European, Russian and Cossack proper); an appeal to the Russian peasant tradition, where the image of a deer/tour appears both in folklore sources and in ritual practices; understanding the connection between the image of a deer/tour and a warrior of high status, a leader, as well as with the theme of sacrifice and the military share, which is different from the fate of the farmer; identifying how in the Cossack tradition the image of a deer was replaced by the image of a horse and its symbolism. Ultimately, the author puts forward a hypothesis according to which the deer was a symbol of the Cossack brotherhoods of the time when they were military-hunting communities, and their transition to horsemanship and service to the Russian Empire led to the emergence of new symbols, reflected

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2024 год, № гр. проекта 124012200178–4.

not only in the image of a double-headed eagle, but and in the image of the horseman St. George the Victorious. The revival of the deer as a symbol of the Cossacks occurred at key moments in Cossack history, associated with the proclamation of their own independence and originality.

Key words: coat of arms and seal of the Cossacks, image of a deer, interpretation of the symbol, directions of scientific research.

Исследователи казачьей истории считают, что самым древним символом сообществ донских и запорожских казаков был пронзенный стрелой олень, изображавшийся на войсковых регалиях (на печати, а потом на гербе). А.И. Ригельман так писал о печати донских казаков: «От начала же оное Войско или правительство оного имело и ныне имеет небольшую печать с изображением оленя, пораженного стрелою и с надписью вокруг оного: Печать Войсковая, олень поражен стрелою. Оную употребляли, да и ныне употребляют по Войску своему. Есть ли что малое какое повеление следует послать, то от Канцелярии, за печатью оной, дъяк на полулисте, то есть в четверть писанное, повеление без закрепы посылает, что приемлется за повеление Войсковое» [1, 142–143].

На печати Запорожского войска был изображен бегущий олень и летящая (догоняющая его) стрела. По свидетельству Е.П. Савельева, в начале XX в. изображения донской печати можно было видеть на старинных донских грамотах, хранящихся в Донском музее [2].

Впоследствии печать донских казаков была изменена. В 1704 г. Петр I утвердил (даровал) донцам печать с изображением сидящего на бочке голого по пояс казака с фузеей в руке. В указе предписывалось: «Вырезать во всем так, как у них водится на печати – казака¹, сидящего на бочке, держа в одной руке кальян², и в сабле препоясана, только прибавить и вырезать в другой руке фузею и взять для того из оружейной палаты мастера Левкина, который печати резал» [3, 57]. Как видно, в указе Петра I говорится, что такое изображение на казачьей печати уже «водилось» ранее; царь велел лишь прибавить изображение фузеи.

Образ оленя, как казачьего символа, по всей видимости, со временем был подзабыт, во всяком случае, Е.П. Савельев считал, что только «старое казачество» понимало смысл этого символа, а новое забыло «ея значение и только на старых актах оно видит непонятную для него эмблему» [2].

В XIX в. на принятых в разное время казачьих гербах появится изображение главного символа Российской империи – двуглавого орла (а также подаренных царями войсковых регалий: пернача, насок, булав и пр.) Однако впоследствии об олене вспомнят дважды и поместят его на казачьем гербе. Первый раз это произойдет в 1918 г., когда было создано казачье государство Всевеликое Войско Донское, и утверждалась его новая символика. Изображение на голубом поле белого оленя, пронзенного черной стрелой, также сопровождалось надписью «Елень пронзен стрелою». Следующее возрождение старого символа произошло в 1991 г. с принятием на первом Большом казачьем Круге символики возрождающегося российского казачества [4, 277–278].

Как видим, образ оленя был дорог казакам и появлялся на их регалиях всякий раз, когда происходило утверждение/возрождение их самобытности и самостийности. Меж

¹ Авторы, опубликовавшие этот документ, слухавили: в первоисточнике вместо слова «казак» стояло – «мужик».

² Отмечу, что по поводу того, какой именно предмет держал казак в другой руке (помимо фузеи) – ведутся споры.

тем вызывает некоторое удивление их приверженность именно образу оленя, при том, что наиболее распространенным и известным символом казака-воина был сокол [5, 290 – 314; 6]. Соотнесение воина с хищной птицей или хищным зверем (например, волком) – явление, известное и в других воинских традициях, объясняется особым (маргинальным) статусом воина в традиционной культуре, где он предстает в качестве нарушителя главного запрета – на пролитие крови. Что касается оленя, то это мирное животное в традициях многих народов часто предстает в качестве жертвенного, и, как представляется, не отражающего характер мужчины-воина. Как же тогда объяснить изображение пораженного стрелой оленя на казачьих регалиях?

Некоторые исследователи предлагали версии происхождения этого символа. Так, Е.П. Савельев связывал его с древними народами, жившими когда-то в Приазовье и поклонявшимися богине Диане, символом которой и был олень [2]. Исследователь обратил внимание на значимость в традиции донских и запорожских казаков такого качества (сильно его преувеличив), как целомудрие, а также храбрость, отсылающие якобы к богине Диане. При этом он исходил из собственной теории о древнем происхождении донских казаков, связывая их с некими «гетами-руссами» (или народом «ас-саки»), которые, обитали в Приазовье и по берегам Черного моря и поклонялись богине целомудрия Диане, бывшей также покровительницей лесов и диких зверей. Далее Е.П. Савельев приводил легенду, повествующую о том, как «девственная богиня, купаясь в реке, была потревожена одним чужестранным охотником, неким Актеоном, сыном Аристея, увидевшим ее наготу». Далее приведу цитату из статьи: «Разгневанная Диана вмиг своим пламенным взором обратила дерзкого нахала в оленя и пустила в него свою губительную стрелу. Этот миф о Диане и наказанном нарушителе ее целомудрия Актеоне древнее казачество знало и изобразило в эмблеме на своей печати, гласящей: „Блуди целомудрие, казак, иначе будешь наказан, как дерзкий Актеон“. Таково значение древних донской и запорожской печатей [2].

Представленная Е.П. Савельевым версия отличается, как оригинальностью, так и абсолютной недоказуемостью, к тому же опирается на его весьма зыбкую (если не фантастическую) теорию происхождения донских казаков.

С преданиями «глубокой старины» связывал оленя на печати казаков и Г. Губарев. В «Казачьем историческом словаре-справочнике» он писал: «Легенда о таинственном олене, уходящем от охотников, была известна в Подонье (Танаиде) уже в первые века нашей эры и относилась историками к Киммерийцам, Гуннам и Готам. Она записана Прокопием из Кесарии (Война с Готами), Иорданом (Гетика), Созоном (История церкви) и некоторыми другими древними авторами. Может быть, не случайно иранское понятие «сака» — «олень» вошло в состав нашего первоначального имени Кос-сака. Кос-сака на скифском языке означало «белый олень» [7].

И.Г. Губарев и Е.П. Савельев были сторонниками версии древнего происхождения донских казаков (причем, связывали их с разными народами), а потому искали корни происхождения этого символа также в глубокой древности. Ни в коем случае не соглашаясь с этногенетическими построениями этих исследователей, я все же предлагаю иметь в виду возможность обращения к индоиранской традиции (в частности, к так называемому «звериному стилю») в поисках истоков символики оленя.

Однако главная задача настоящей статьи заключается в определении основных возможных путей в поиске ответа на сформулированный выше вопрос: почему

именно олень был символом ранних казачьих сообществ и какие смыслы скрывались за этим образом. В качестве таких путей (направлений исследований) я предлагаю следующие:

1. Обращаясь к символу казачьих войск, стоит четко осознавать, что речь должна идти именно о воинской традиции, а значит нужно рассматривать образа оленя, представленный в разных, но именно воинских, культурах. В поисках аналогий можно начать и со скифской, тем более что в настоящее время имеется блестящее исследование скифского звериного стиля, осуществленное В.Ю. Михайлиным. Анализируя изображения на пекторали из Толстой Могилы, он пришел к выводу о том, что олень был не только жертвенным животным, но и соотносился также с понятием доли (иранский «фарн»), поступающей в раздел между членами воинского сообщества [8, 122–123].

2. Стоит обратиться и к русской воинской традиции, представленной, например, в героическом эпосе. Богатыри русских былин нередко оказываются связанными с образом оленя или дикого быка – тура. К настоящему времени имеются исследования образа былинного тура [9; 10; 11; 12; 13], однако представляя его как сложный и многоплановый образ, исследователи не рассматривают его в качестве специфического воинского символа. Между тем есть основания полагать, что олень/тур символизировал не просто воина, а воина высокого статуса, скорее всего – предводителя. Так в былинах часто упоминается золото и серебро на турьих рожках и ножках. В исторических, фольклорных и литературных текстах с туром соотносятся: князь Всеволод, атаман Мишка Черкашенин, воевода и др.

3. Развить идею о связи жертвенного животного с понятием «доли» – ключевой в русской народной традиции – с пониманием того, что применительно к пронзенному стрелой оленю речь должна идти о доле воина, кардинально отличающейся от доли-судьбы, например земледельца.

4. Несмотря на явную принадлежность оленя, пронзенного стрелой, к воинской культуре, обратиться к образу оленя/тура/быка, представленного в русской крестьянской традиции. Он фигурирует здесь и в фольклорных текстах, и в обрядовых практиках, наиболее яркими из которых являются так называемые мольбы-жертвоприношения. Этот обряд известен по материалам Русского Севера и связан с коллективным вкушением мяса закланного животного (первоначально, оленя, замененного впоследствии быком). Представляется, что имеющие на сегодня исследования этой традиции [14] (приуроченной, к тому же к мужскому празднику – Петрову дню) могут быть продолжены и дополнены в контексте именно мужской традиции.

6. Поскольку северорусские мольбы осуществлялись в рамках пиров-братчин, устраиваемых мужскими сообществами – братствами, рассмотреть внимательнее эту традицию и дополнить разработанную Д.К. Зелениным их классификацию. Исследователь выделял следующие категории русских братств: скотоводческие (с обязательным закланием жертвенного животного); земледельческие (с приготовлением пива и каши), братчины пчеловодов и рыболовов [15]. Представляется, что эта классификация может быть дополнена братствами воинскими, к числу которых, кстати, относились казачьи братства. Если олень был одним из ключевых символом мужского воинского братства, то возвращение казаков к его образу в значимые моменты своей истории (когда требовалось консолидироваться и сплотиться) становится и понятным, и символическим.

7. Именно в рамках казачьей традиции искать образы оленя и других копытных животных, обратив внимание на то, как в общерусской традиции происходила постепенная замена образа оленя/тура – конем, на что в свое время указывал Б.А. Рыбаков [16]. Представляется возможным соотнесение коня в традиции донских казаков с воином высокого статуса, скорее всего – с атаманом (см. например, казачью былинку «Спор сокола с конем» и ее анализ, предпринятый исследователями [17; 5, 314–316]).

8. Попытаться соотнести образ оленя не только с календарными обрядами, но и с обрядами жизненного цикла, в первую очередь, имеющими инициационный характер. Основания для этого дает связь оленя с мотивом «переправы через водное пространство», или его погружения в воду, представленное в традициях разных народов, а также связь «переправы» с обрядами переходного типа, выявленная В.Я. Проппом [18, 202] (ср. также: так называемое «водное» испытание былинных богатырей, по терминологии Т.А. Бернштам [19, 21–30]).

Представив в данной статье основные возможные пути поиска символики оленя в казачьей традиции и намереваясь в будущем посвятить этой проблеме отдельную большую статью, выскажу в качестве гипотезы такую мысль: олень был символом казачьих братств того времени, когда они представляли собой воинско-охотничьи сообщества (связанные также и с речным и морским военным промыслом), а переход их к всадничеству и служению Российской империи привел к появлению новых символов, отраженных не только в образе двуглавого орла, но и в столь почитаемом казаками всадника Георгия Победоносца. При этом многие символические смыслы и функции образа оленя вполне могли быть перенесены на образ строевого коня, ставшего у казаков животным поистине сакральным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Ригельман А.И.* История или Повествование о донских козаках, отколы и когда они начало свое имеют, и в какое время, и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч. М.: Университетская типография, 1846. 154 с.
3. *Савельев Е.П.* Печать Всевеликого Войска Донского // Донские областные ведомости. 1918. № 59. С. 3.
3. Материалы для донской истории // Часовой. Донской сборник. Труды любителей донского прошлого и современного быта. Вып. I. Новочеркасск, 1876. С. 5761.
4. *Рвачева О.В.* Возрождение казачества Юга России в конце XX – начале XXI века. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 390 с.
5. *Рыблова М.А.* Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVII – первой трети XIX в. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 542 с.
6. *Рыблова М.А.* «Взвейтесь, соколы, орлами»: орнитоморфная символика в восточнославянской воинской традиции // Этнографическое обозрение. 2007. №2. С. 86–106.
7. *Губарев Г.В.* Казачий словарь-справочник. Т. 1. Вып. 2. Кливленд, 1966. URL: <http://www.cossackdom.com/enciclopedic/e.htm>.
8. *Михайлин В.Ю.* Золотое лекало судьбы // Судьба. Власть. Интерпретация культурных кодов. Саратов: Научная книга, 2003. С. 6–169.
9. *Лилец Р.С.* Образ древнего тура и отголоски его культа в былинах // Славянский фольклор. Сборник статей. М.: Наука, 1972. С. 82–107.
10. *Бернштам Т.А.* Туры, Богородица и богатырь-пьяница (расследование одной «эпической» загадки) // Русский Север: Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции. СПб., 2004. Вып. 6. С. 133–199.
11. *Петрова Л.И.* Туры в эпической традиции Западного Поморья // Традиционная культура 2016. Том 17. № 3 (63). С. 22–30.

12. *Марченко Ю.И.* Напевы старины «Турь» в традиции Западного Поморья // Традиционная культура 2016. Том 17. № 3 (63). С. 31–40.
13. *Рейли М.В.* Некоторые мифологемы в зачине «Турь» и их связь с образом богатыря-пьяницы // Традиционная культура. 2016. Том 17. № 3 (63). С. 41–56.
14. *Шаповалова Г.Г.* Севернорусская легенда об олене // Фольклор и этнография русского Севера. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1973. С. 209–223.
15. *Зеленин Д.К.* Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая (Краткое изложение большого исследования) / Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 130–136.
16. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. URL: <https://timpa.ru/rybakov/16.php>.
17. *Рудиченко Т.С.* Об архаических мотивах в былинном эпосе донских казаков // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межнациональных отношений. Ростов-на-Дону: Издательство РГК им. С.В. Рахманинова, 1999. С. 184–203.
18. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство ЛенГУ, 1986, 370 с.
19. *Бернштам Т.А.* Добрый молодец и река Смородина // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб.: МАЭ РАН, 1993. Вып. I. С. 17–33.

REFERENCES:

- Rigelman A.I.* Istorija ili Povešt'ovanie o donskih kozakah, otgol' i kogda oni nachalo svoje imeyut, i v kakoe vremya, i iz kakih lyudej na Donu poselilis', kakie ih byli dela i chem proslavilis' i proch. [The story or Narrative of the Don Cossacks, the breakaway, and when they began, and at what time, and from what people they settled on the Don, what their deeds were and what they became famous for, etc]. Moscow: University Printing House, 1846. 154 p.
- Savelyev E.P.* Pechat' Vsevelikogo Vojska Donskogo [The Seal of the All-Great Army of the Don] // *Donskie oblastiye vedomosti* [Don Regional Gazette]. 1918. No. 59. p. 3.
- Materialy dlya donskoj istorii [Materials for the Don history] // Chasovoj. Donskoj sbornik. Trudy lyubitelej donskago proshlago i sovremennago byta [Sentry. The Donskoy collection. The works of lovers of Don past and modern life]. Issue I. Novocherkassk, 1876. p. 5761.
- Rvacheva O.V.* Vozrozhdenie kazachestva Yuga Rossii v konce XX – nachale XXI veka [The revival of the Cossacks in Southern Russia at the end of the XX – beginning of the XXI century]. Volgograd: Volga Publishing House. 390 p.
- Ryblova M.A.* Donskoe bratstvo: kazach'i soobshchestva na Donu v XVII – pervoj treti XIX v. [The Don Brotherhood: Cossack communities on the Don in the XVII – first third of the XIX century]. Volgograd: Volga Publishing House, 2006. 542 p.
- Ryblova M.A.* «Vzvejtes', sokoly, orlami»: ornitomorfnyaya simbolika v voštochnoslavjanskoj voinskoj tradicii [“Soar, falcons, with eagles”: ornithomorphic symbolism in the East Slavic military tradition] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2007. No. 2. pp. 86-106.
- Gubarev G.V.* Kazachij slovar'-spravochnik [The Cossack dictionary]. Vol. 1. Issue 2. Cleveland, 1966. URL: <http://www.cossackdom.com/enciclopedia/e.htm>.
- Mikhailin V.Y.* Zolotoe lekalo sud'by [The golden pattern of fate] // Sud'ba. Vlast'. Interpretaciya kul'turnyh kodov [Fate. Power. Interpretation of cultural codes]. Saratov: Scientific Book, 2003. pp. 6-169.
- Lipets R.S.* Obraz drevnego tura i otgoloski ego kul'ta v bylinah [The image of ancient Tours and the echoes of his cult in the epics] // Slavyanskij fol'klor [Slavic folklore]. Collection of articles. Moscow: Nauka, 1972. pp. 82-107.
- Bernshtam T.A.* Tury, Bogorodica i bogatyr'-p'yanica (rassledovanie odnoj «epicheskoj» zagadki) [Tours, the Virgin and the drunkard hero (investigation of one “epic” riddle)] // Russkij Sever: Aspekty unikal'nogo v etnokul'turnoj istorii i narodnoj tradicii [Russian North: Aspects of the unique in ethnocultural history and folk tradition]. SPb., 2004. Issue. 6. Pp. 133-199.
- Petrova L.I.* Tury v epicheskoj tradicii Zapadnogo Pomor'ya [Tours in the epic tradition of Western Pomerania] // Tradicionnaya kul'tura [Traditional culture] 2016. Volume 17. No. 3 (63). pp. 22-30.
- Marchenko Yu.I.* Napevy štariny «Tury» v tradicii Zapadnogo Pomor'ya [Ancient tunes “Tours” in the tradition of Western Pomerania] // Tradicionnaya kul'tura [Traditional culture] 2016. Volume 17. No. 3 (63). pp. 31-40.
- Reilly M.V.* Nekotorye mifologemy v zachine «Tury» i ih svyaz' s obrazom bogatyrya-p'yanicy [Some mythologems at the beginning of the “Tour” and their connection with the image of the drunken hero] // Tradicionnaya kul'tura [Traditional Culture]. 2016. Volume 17. No. 3 (63). pp. 41-56.

Shapovalova G.G. Severnorusskaya legenda ob olene [The Northern Russian legend of the deer] // Fol'klor i etnografiya russkogo Severa [Folklore and ethnography of the Russian North]. L.: Nauka. Leningr. Department, 1973. pp. 29-223.

Zelenin D.K. Drevnerusskaya bratchina kak obryadovyy prazdnik sbora urozhaya (Kratkoe izlozhenie bol'shogo issledovaniya / Sbornik statej v chest' akad. A. I. Sobolevskogo [Ancient Russian bratchina as a ceremonial harvest festival (Summary of a large study) / Collection of articles in honor of Academician A. I. Sobolevsky]. L., 1928. pp. 13–136.

Rybakov B.A. Yazychestvo drevnih slavyan [Paganism of the ancient Slavs]. URL: <https://timpa.ru/rybakov/16.php>

Rudichenko T.S. Ob arhaicheskikh motivah v bylinnom epose donskih kazakov [On archaic motifs in the epic of the Don Cossacks] // Istoriya i kul'tura narodov stepnogo Predkavkaz'ya i Severnogo Kavkaza: problemy mezhetnicheskikh otnoshenij [History and culture of the peoples of the steppe Pre-Caucasus and the North Caucasus: problems of interethnic relations]. Rostov-on-Don: Publishing House of the S.V. Rachmaninov Russian State Pedagogical University, 1999. pp. 184-23.

Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Historical roots of a fairy tale]. L.: Publishing House of Leningrad State University, 1986, 37 p.

Bernshtam T.A. Dobryj molodec i reka Smorodina [Good fellow and the river Currant] // Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi [Kunstkamera. Ethnographic notebooks]. St. Petersburg: MAE RAS, 1993. Issue I. pp. 17-33.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Марина Александровна Рыблова – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация.

ryblova@mail.ru <http://orcid.org/0000-0003-1451-2579>. 2024.

Marina Aleksandrovna Ryblova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation; Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation.

ryblova@mail.ru <http://orcid.org/0000-0003-1451-2579>. 2024.

УДК 39

**«СТРЕЛА ЕГО САГАЙДАШНАЯ, КАК ПО МЕТОЧКЕ,
В ГРУДЬ ВОНЗАЕТСЯ»: САГАЙДАК-ЛУК В КУЛЬТУРЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

© 2025 г. Яровой А.В.

Азово-Черноморский инженерный институт ФГБОУ ВО Донской ГАУ, Зерноград, Россия
Институт истории международных отношений Южный Федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена месту и роли лука и стрельбы из лука в культуре донских казаков. В работе уделяется внимание историографическому аспекту использования луков казаками. На историческом материале с привлечением опубликованных и малоизвестных источников даются типы луков и способы стрельбы из них, виды состязательных и игровых практик, использование лука в промысловой охоте и в военной практике. С привлечением фольклорного и этнографического материала определяется значение лука в мировоззрении донских казаков, его знаково-символический и ритуальный аспекты.

Ключевые слова. Стрельба из лука, донские казаки, саадашный комплекс, саадак, подъемец саадашный, казацкие стрелы, обряды казаков.

**“HIS SAGAI DASH ARROW, AS IF BY A MARK, PLUNGES INTO THE CHEST”:
SAGAI DAK-BOW IN THE CULTURE OF THE DON COSSACKS:
HISTORICAL AND CULTURAL ASPECT**

Yarovoy A.V.

Azov-Black Sea Engineering Institute, Donskoy State Agrarian University, Zernograd,
Russia Institute of the History of International Relations, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article is devoted to the place and role of the bow and archery in the culture of the Don Cossacks. The work pays attention to the historiographical aspect of the use of bows by Cossacks. Based on historical material, using published and little-known sources, types of bows and methods of shooting from them, types of competitive and gaming practices, the use of bows in commercial hunting and in military practice are given. Using folklore and ethnographic material, the significance of the bow in the worldview of the Don Cossacks, its symbolic and ritual aspects are determined.

Keywords. Archery, Don Cossacks, saadashny complex, saadak, lifting saadashny, Cossack arrows, rites of the Cossacks.

Строка из «Сказов» Исаака Быкадорова, поставленная нами в заглавие работы [1, с.6], как нельзя лучше характеризует использование лука донскими казаками. Стрела, слетающая с лука-сагайдака, метко, точно вонзается в цель, а стрелок, умеющий так пускать стрелу, пользуется неизменным авторитетом среди воинов. Известно, что лук и стрелы на территории Подонья имеют древнюю историю. Их военное и промысловое значение обеспечили им достойное место в мировоззрении и культуре донцов. В настоящее время наблюдается возросший интерес к старому оружию, проходят пешие и конные состязания в стрельбе из традиционного лука, в которых принимают участие донцы и калмыки, проявляют интерес черкесы и ногай-

цы. Все это вызывает и научную рефлексию историков и этнографов, относительно истории, техники стрельбы, видов состязаний, которые имели место быть в среде казаков Дона.

Литература, посвященная данной теме не столь обширна, как могло бы показаться вначале. Специальные работы, посвященные луку и стрелам, связанные с именами Д.Н. Анучина, [2, с.337-411] А.Ф. Медведева [3], Е.Е. Тевяшова [4, с.142-147], В.Е. Маркевича [5], М. Ладса [6] а также Л.А. Боброва [7], не уделяют внимания непосредственно донским казакам, но дают представление о лучном деле. Можно предположить, что теме лучного дела у донцов не особенно повезло в силу устойчивой литературной традиции XIX в. противопоставлявшей казаков и татар, вооружавших одних ружьями, а других луками. Обычно лук фигурировал при описании вооружения и внешнего облика донцов, отрывочно на лук обращают внимание бытописатели XIX- начала XX века, научно-популярные издания 90-х гг, но в очень ограниченном объеме. Например, отмечалось, что «оружие казаков первоначально составляли лук со стрелами, бердыши» и прочее. И давалось рисованное изображение лука с налучем и колчана со стрелами [8, с.133; 138].

В собрании известного фольклориста Б.С. Лащилина среди записанных им сказов и преданий, есть рассказ о луке атамана Платова. В этом сказе собирателем отмечается, что донские казаки с XVI в. пользовались луком, в XVIII в. лук был вытеснен огнестрельным оружием в полках, а в быту они продолжали использовать лук на промысловой охоте. Лащилин останавливается на способах изготовления лука казаками и его использовании [9, с. 20-21].

В работе А.В. Черной, посвященной этнопсихологическому аспекту традиционных игр Дона, замечается, что «большой популярностью у казаков пользовался так называемые «башкирский» лук, в комплекте к которому прилагалось четыре стрелы. Особое искусство владения таким луком заключалось в том, что все четыре стрелы должны были быть в ходу: одна – наготове в зубах, две – особым образом зажаты между пальцами левой руки и одна – стреляет. Выпустив стрелу, казак должен был мгновенно закладывать в лук следующую, зажатую в зубах и одновременно следить за полетом уже выпущенной, замечая, куда она упадет. После боя казак поднимал стрелы, оставшиеся после падения» [10, с.14]. К сожалению, автор не указывал источников приводимой информации.

Лучше всего тема лука была освещена в богато иллюстрированном альбоме «Холодное оружие донских казаков», где в разделе «Метательное оружие» давался краткий, на три абзаца очерк. В нем отмечалось, что лук использовался донцами вплоть до наполеоновских войн, когда сам атаман Платов демонстрировал мастерское владение данным оружием в 1807 г. Потом утверждалось, что, как правило, у донцов были кавказские луки достаточно сложной конструкции, склеенные из рога, варенных сухожилий и дерева. Рог при натягивании тетивы оказывался на внутренней стороне лука, что обеспечивало сильное натяжение. Варенные сухожилия животных, приклеенные рыбьим клеем вдоль рога, делали лук эластичней: тонкий слой дерева составлял внешнюю сторону. Концы, на которые одевалась тетива делали из кости. Деревянная спинка лука была оклеена кожей [11, с.8-12]. Впрочем, обращалось внимание и на то, что у донцов были луки турецкого производства.

Целью нашей работы является исследование роли и значения стрельбы из лука в культуре донских казаков. Для этого необходимо решить следующие задачи: во-первых, выяснить, что собой представлял лук (его виды), который донцы

использовали в повседневной практике; во-вторых, рассмотреть его функциональные характеристики, манеру стрельбы, время и место его использования; в-третьих, обратить внимание на обрядовую функцию лука, его место в мировоззрении донских казаков.

В качестве основного метода исследования будет использоваться функциональный метод, полагающий, что место артефакта в культуре определяется его функциональностью.

Лук представляет собой метательное оружие для производства стрельбы стрелами. Луки, которые использовали донцы были турецкого, кавказского, крымского, калмыцкого и местного производства. Географически местами изготовления таких луков служили ремесленные центры Османской империи, Крыма, Кавказа, Средней Азии, Китая и Подонья. Оправданной является и классификация луков по месту изготовления: турецкие, татарские, калмыцкие, кавказские. Представляется, что если лук был произведен казаками, то его следует классифицировать как казачий (донской), но в этом вопросе последнее слово остается за археологами и музейоведами.

Луки попадали на Дон в результате торговли, взаимных набегов, военных столкновений, или дарения. Например, в 1622 году казаки, возвратившиеся из морского похода, проносили мимо станов турецких посланников, находившихся возле Монастырского городка, «погромную всякую рухлядь, сафьяны дорогие, киндяки, бязи и луков немало» [12, с. 28]. По наблюдению русских послов И. Кондырева и Т. Бормосова, казаки атамана Исаия Мартемьянова вернувшись из похода на Коровьев Яру, который располагался на Ногайской стороне, дуванили добычу, «доставалось де им на всякого человека добычи по сту двадцати бязей да по два киндяка да по два сафьяна, да луков доставалось в делу на десять человек по два лука» [12, с.30]. В. Сухоруков упоминает турецкий сайдак, в комплексе вооружения донцов XVII-XVIII в. [13, с.5]; «в саадаках и с самопалы» выходили встречать в 1630 году казаки из городков посольство Ивана Карамышева [12, с.32]; в 1659 году при разгроме татарского отряда на р. Самаре «захватили платьев и луков, и сабель добре много» [14, с. 664] некоторые казаки выходили на царскую службу в 1656 г. на коне с саадаком или «агодаком» [15, с.181-183].

Интересно замечание полковника Мартынова А.А. о том, что среди калмыков и ногайцев у казаков очень много было кунаков, а кунак к кунаку без подарка ехать не мог. Поэтому появление дорогого лука, украсившего стену хозяйского куреня, и помещенного под легкую занавеску, чтобы его не засиживали мухи, могло быть связано также и с подарком [16, Л.10].

Собственно, хороший лук можно было и «переменить», так в ведомостях от Войска Донского 22 ноября 1732 г. относительно казаков, посланных на Царицынскую линию, отмечен казак Черкасской станицы Иван Виноровский, который «будучи в походе за Бохты Гиреем у своей братии казаков украл лук за что по изобличению был наказан плетью», впрочем, после проведенного расследования выяснилось, что этот казак «переменил лук», без ведома походного атамана [15, с.77]. В 1686 году в жалобах донских казаков встречается «турский лук с позолоченной кибитью», который валуйский воевода Мелентий Лупандин отобрал у казака Бесергенева городка Анисима Яковлева – «коня ногайской породы, да лук турский, кибить золотная» [17, с.75].

Конструктивно турецкий лук представлял собой рефлексивный тип лука, это сложносоставной, изготавливавшийся из разных материалов (клен, береза, ясень).

Его «плечи» или «кибить» специально искривлялись, обжигались, высушивались. Затем они склеивались с «майданом» или «рукоятью», на концы приклеивались костяные или роговые наконечники, на концах «плечей» прикрепляли деревянные накладки под тетиву – «мадьяны» [18, с.192]. Для ношения и предохранения лука и стрел от дождя и повреждений применялись специальные футляры – налучье и колчан. Лук в налучье, а стрелы в колчане принято называть саадаком или сагайдаком, как писала Эмма Аствацатурян [19, с.39], но, кажется, было бы правильнее эти элементы называть саадашным комплексом. На Дону, например, лук сам по себе назывался сагайдаком, садаком, а к его принадлежностям часто добавлялся прилагательное «саадашный». Стрелы находились в колчане, их было от 30 до 40 штук. Колчаны украшались, как писал полковник А.А. Мартынов, «на азиатский манер серебряным, а иногда с позолотой, покрытыми чернью (чернявыми) бляхами и убором» [16, л.36]. Красивый колчан являлся украшением казачьего дома, частью его меблировки, в котором по стенам были развешены оружие, как то «сабель, шашек, пистолетов, ружей, патрониз, **колчана** (выделено мной), конских уборов и всего к службе надлежащего, что было закрываемо от мух прозрачным занавесом» [16, л.11об].

Сверху колчана одевался чехол – тахтуй, который перечислялся в описи рухляди посольства атамана Наума Васильева 1630 г. [20, с. 330]. В саадашном комплексе имела и еще одна деталь, называемая «подъемец саадашный», что «стрелы поднимает, оправленный серебром с камушки бюрузы и простыя» [21, с. 212]. Этот подъемец представлял собой таволжанную палочку, с наконечником (утолщением), с петелькой на конце, с помощью которой можно было поднимать стрелы с земли, не спускаясь с седла [22, с. 78]. Поднять стрелу в седлу можно было также и с помощью лука, что демонстрировали, например, китайские средневековые рисунки.

Казачьи стрелы неоднократно встречаются в документальных источниках и археологических находках XVII-XVIII вв. Так, в описи вещей посольства Наума Васильева упоминаются «железцы стрельные» в количестве ста штук, которые находились в медном луженом турецком котелке. В деле о подавлении восстания Кондратия Булавина 1708 г. фигурируют «три воза стрельев», который, якобы, «афицер Игнатъев в орду повес» [23, с.14]. Судя по публикациям археологов, казачьи наконечники стрел были железные, черешковые. Согласно О.В. Двуреченскому, позднесредневековые железные наконечники выполняли исключительно боевую функцию, в то время как для охоты и промыслов использовались костяные, деревянные и бронзовые. Этим же исследователем разработана типология таких наконечников для XV–XVII вв. по весоразмерным и конструктивно-морфологическим параметрам [24, с. 277-331]. Встречаются бронебойные с прокалывающим действием и универсальные ромбовидные и линзообразные, которые в XVIII в. еще не утратили своего значения. По замечанию Ю. Каргина, исследовавшего городки некрасовских казаков на Кубани, «в это время метательное оружие в казачьей среде еще не было вытеснено огнестрельным, поскольку обеспечивало более высокую скорострельность, точность и скрытность, отличалось дешевизной в изготовлении и простотой в использовании» [25, с. 126-127].

Обратимся теперь к функциональности саадашного комплекса. Основная функция стрельбы из лука военно-промысловая. Мы не стали разделять ее на военную и промысловую в силу их тесной связи, и поскольку промысел в те времена рассматривался казаками как поход за добычей (охота и набег).

О том, что казаки метко и скоро стреляют из луков, писал адмирал К. Крюйс, замечая, что в этом они упражняются с детства [26, с. 68]. Ранее в XVI ст., о искусстве конной стрельбы из лука у казаков писали польские источники: «Вооружены они очень легко, так как татары. Кони у них очень подвижные и пригодны для мелких стычек. Седла у них (казаков) устроены так, что на них легко поворачиваться во все стороны и стрелять из лука. В сражениях они пользуются более всего луком, поражая неприятельских всадников и их коней дождем стрел» [27, с. 6]. О вооружении казаков «короткими ружьями или луками и стрелами» писал в донесении 1705 г. английский посланник Витворт, замечая, что они способны более к легким перестрелкам и нечаянным нападениям, нежели к правильным битвам [28, с.216].

Можно предположить, что от боевого использования луков у казаков осталось название первой части конного сражения – перепалки, перестрелка, которая ранее велась стрелами, а позже огненным боем. Всадники выскакивали из лавы, неслись на полсотни шагов вперед, делали выстрел и возвращались назад. При отступлении лавой, всадники из десятка выскакивали на врага, бросали стрелу и возвращались в строй. Сосредоточение перепальщиков на флангах, как доброконных казаков, предполагало и обстрел врага с флангов, и вызов на поединок и заманивание противника ложной атакой. На флангах такие отряды возглавлялись особыми командирами – которых Е. Кательников именует царскими слугами [29, с. 31-34].

В начале XIX века автор географического словаря А. Щекотаев отмечал, что лук и стрелы упоминаются как используемые «редко и почти вовсе не в употреблении» [30, с.626]. А историк В. Броневский мимоходом заметил, что «в 1738 году часть Донского войска, служа под командою Фельдмаршала Миниха, особенно отличилась в сражениях при Кодиме и Савране, и во всех других битвах на Буге и Днестре, бывших с Белгородскими Татарами и Турецкою армиею. В сем походе Казаки в первый раз явились с пиками, а лук и стрелы были оставлены» [31, с25]. Однако этой информации сложно найти документальное подтверждение.

При этом лук продолжает встречаться при упоминании и изображении донцов вплоть до первой четверти XIX столетия. О чем говорят, например, лубочные картинки, хранящиеся в фондах Старочеркасского музея, на которых казаки атакуют французских кавалеристов лучшим боем [32].

Следующая функция, проистекающая из первой, обучающая. Она предполагает передачу знаний и умений, связанных с владением луком от старших к младшим. Здесь следует отметить, что обучение выростков и малолеток начинается после 30-х годов XVIII в., когда, после 1721 г., Войско Донское вошло в подчинение Военной коллегии, проводятся смотры атаманов малолеток, однако регламентация его наступила гораздо позже, после 1835 года. Как отмечал В. Сухоруков, с луками прибывают на атаманские смотры малолетки, также в мае на сборах всего Войска на меже казаки стреляли из луков и ружей [13, с.279].

Эти упражнения в стрельбе носили как частный характер, так и общественный. Так, в Черкасске в XVIII столетии лучная стрельба проходила возле станичной избы. Здесь «на беседах общественных, за спором, молодые люди стреляли в цель из ружей и луков до ужина» [16, Л.18-18об]. Спор между молодыми казаками в этом случае приводил к повышению социального статуса победителя.

Обучение стрельбе из лука описано в художественном автобиографическом произведении П.С. Полякова «Смерть Тихого Дона», В нем урядник Африкан Гаврило-

вич Алатырцев использовал лук для обучения казачат стрельбе, говоря, что глаз и руку надо «набивать сыздетства». «Цель, говорит он, великая вещь. На цели надо осерчать, будто нет у тебе в жизни ничаво, окромя этой цели. Будто ненавидишь ты иё, как волка бешенного. Озлись ты на нее до последнего... вот тогда и угодишь в самую сердцевину» [33, с.48-49]. Стрельба из лука развивала твердость руки, зоркость глаза, что также необходимо при стрельбе из ружья и винтовки, и была своего рода подготовкой молодых казаков к военной службе [9, с. 21].

Обрядовая функция стрельбы из лука реализовывалась посредством ее общественного характера (это были не частные споры за первенство, не призовая стрельба на смотрах). В основном это были календарные праздники казачьей общины, в которых мужская часть задавала тон основному обрядовому действию. Стрельбы были пешие и конные, часто совпадающие с наездничеством, шермичными состязаниями (демонстрацией сражения). Мишенью при такого рода стрельбе служили предметы с высоким семиотическим статусом (яйцо, шапка, глиняные бутылки [34, с. 28], камышовый сноп, специальные целики, поставленные на высоких опорах или сделанные из кожи мешки). Стрельба из лука велась тремя способами: «елевацией» (стреляли вверх или навесом), «парально», то есть настильно и цельно - стреляли в целик – специальную мишень, [16, л. 36об.]. Местом проведения стрельбы из лука в Черкасске обычно являлась какая-нибудь пустошь, как например «Ратное поле» при Преображенской церкви, на которую стрелки приходили в сопровождении мальчиков-оруженосцев, собиравших стрелы, не попавшие в цель [16, л.36 об.]. Также, местами для стрельб могли быть место за городским полисадом, сады, возле речки Варгунки, выше Черкаска или Монастырское урочище, на котором казаки, после обряда поминовения предков в субботу Сырной недели, устраивали состязания в наездничестве и скачку.

Стрельба на масленицу начиналась в день мясного заговенья. На буграх возле Черкаска ставили две мишени для луков и пистолетов с ружьями, иногда ставили прямо на льду Дона и в течении всей недели стреляли и устраивали скачку. Проявлением высшего мастерства при стрельбе из лука являлся выстрел в подброшенную вверх шапку [16, л.36 об.]. В записках английской путешественницы Э. Крейвен, которая наблюдала примерное сражение казачьего полка стоявшего в Крыму, приводится описание состязаний калмыков и казаков в стрельбе из лука, в которых мишенью служили гусь за сто шагов и яйцо за 50 шагов [35, с.283].

Рассмотрение лука и стрел в знаково-символическом ракурсе неоднократно предпринималось исследователями, работы Н.И. Веселовского [36, с.288], Р.С. Липец [37, с.69-77], Ю.С. Худякова [38, с.42-43], И.Л. Кызласова [39, с.37-50], внесли существенный вклад в этот вопрос, при этом донские казаки остались на периферии исследований [40, с.102-113].

В мировоззрении донцов лук являлся сосредоточием сакральной силы, охраняющей человека и отгоняющей нечистую силу. В былинных, мамайских, песнях Илюшунька, идущий по степной дороге, держит в правой руке копьё длинное, а в левой руке – тугой сагайдак. Ложась спать на кургане, богатырь кладет сагайдак под голову и когда на него наезжают разбойники, желающие сагайдак отнять, то он накладывает на тятивушку калину стрелу. Тугой сагайдак словно лев ревет, калены-то стрелы ровно змеи свищут [41, с.63-64]. Лук, ревуший как лев, пускает стрелы – змеи и поражает врагов. При этом образы и льва, и змеи являются охранительными в казачьем мировоззрении. Достаточно

вспомнить, что, по поверьям казаков, змея живет под куренем-домом и охраняет его от вредителей, в прямом и переносном смысле. Стрела-змея может «укусить» казака и на поле брани, в поздних песнях стрела ассоциируется с пулей, удар которой также соотносится с укусом змеи. Также образ спящего богатыря на кургане с луком и стрелами под головой указывает на остаточные поверья, что на том свете предстоит битва, и лук является защитой души умершего. Потеря лука и колчана со стрелами ассоциируется в народном мировоззрении с предстоящей бедой и даже гибелью казака

«Ой да, лук с колганом, ай да, оторвался...

Скоро-скоро быть тебе убитому...» [42, с. 47].

Опирается на тугой лук может, согласно песенному фольклору, раненный казак [13, с.54]. Интересно, что в песнях раненный казак идет пешком, опираясь на свой лук, который служит ему и проводником, и опорой. В дороге он встречает персонажей, говорящих, что путь казака завершается, поскольку напоили его смертным пойлом [43, с.334-335].

В других песнях стрелы служат ему топливом для огня, разведенного для согревания и исцеления ран [43, с. 347]. Стрела, вырастающая из куста, под которым похоронен казак, выступает и вестником жене о его смерти (с нее слетают три сокола и несут домой весть) [43, с. 399].

Лук и стрелы увязываются в картине мира донцов с образами власти и народа. Так, в колчане у Дюка Степановича тридцать стрел и еще три стрелы, которые ночью горят, потому их удобно подбирать в темноте («по дням стрелы стрелять, по ночам собирать»), от того и цены им нет, так как набиты стрелы мелким жемчугом и чистым золотом. Где стрела лежит, там свеча горит (огонь в степи у жилища, собравшихся после дневного набега воинов) [41, с.66].

С другой стороны, Codex Cumanicus дает нам в загадке образы колчана и стрел, как неба и звезд: «Колчан у меня один, стрелы мои бесчисленны». Тридцать стрел иносказательно сравниваются с тридцатью туменами, которые разделившись направо-налево возносятся ввысь [44, с77]. Существует поверье, что в колчане специально хранились богато выделанные стрелы (стрела) на удачу, чтобы не переводились стрелы в колчане. Сакральное значение трех стрел известно из сказаний тюркских народов, где они символизируют власть над разделенными на три части народами (центр и два крыла) [45, с.18-20]. Лук и стрелы, как символы власти, часто изображались на казачьих печатях, так и стрела, поразившая еленя на Войсковой печати, имеет, прежде всего, тоже значение, что и стрела на печати одной из Запорожских паланок – летящая над оленем.

В обрядах жизненного цикла лук и стрелы являлись первыми подарками новорожденному. Восприемник и прочие мужчины приносили новорожденному лук и стрелы, конские уборы, седла, а иногда и лошадей приводили [16, л.36]. Обладая священной силой, они охраняли комнату рожаницы, их развешивали на стены. Стрелы и лук дарили на первый зубок мальчику, что должно было придать ему мужество и силу [13, с.51-52]. В этом отношении интересно изображение мальчика с луком и стрелой, хранящаяся в фондах Старочеркасского музея, сделанное как полагают местным богомазом. На портрете изображен богато одетый мальчик с луком в левой руке и стрелой в правой. Обращает на себя размер лука, который может быть детским и довольно большая с боевым наконечником стрела [46].

Функции охранительные и репродуктивные проявлены в фольклорном материале донских казаков, с помощью стрелы можно нанести вред (как змея наносит вред ядом, значит и стрела обладает таким ядом), поэтому в песенных текстах для приготовления зловредного зелья используется стружка со стрелы [47, с.372; 428], в фольклорных текстах она символизировала и оплодотворяющее начало, герой пускает ее во двор девице, пытается убить голубя или змея [41, с.107], мотив стрелы и лука звучит в свадебных донских песнях.

Охранительная функция проявляется и в заговорах донцов. Так, стрела калиновая должна унести болезни и порчи, ангел с одной стрелой обороняет и изгоняет болезни; «из дуба плина из лука стрела» – зачин заговора, удаляющего занозу-пику [48, с. 92], от стрелы из караича – иленевой стрелы [48, с.242]. В многократных перечислениях разного рода древесины, перьев птиц, жил, можно видеть и то, из чего делали лук, стрелы, тетиву, так, в заговоре от 1000 луков и от стрел, сделанных из березы, липы, чинары, жимолости, и от жилы сухожилия – тетивы лука.

В другом заговоре XVII века, лук ассоциируется с именем святого евангелиста Луки, и тем обеспечивает защиту от вражеских стрел: «утеши всякое стреляние встречу, святой евангелист Христов Лука, неверных людей моих супостатов. Пади-те железа в свою мать-землю! Ты же береза в свою ж мать-землю, а вы перья в свою птицу пернату, а птица в бонт и сыню, а рыба в море – от меня р.б. всегда и ныне» [48, с.244]. Интересно, что при перечислении стрел, заговор упоминает оперения птиц, которым могли быть перенесены стрелы: «Как жернова вертятся, так не приходила бы ко мне стрела, вертелась бы от всех стрел переных пером орловым и лебединым и гусиным, и журавлиным и дергуновым, и вороновым» [48, с.252]. Заговор при набеге, приводимый М.А.Шолоховым в романе «Тихий Дон», содержит информацию о технологии изготовления стрел, при котором использовался рыбий клей: «подите вы стрела древоколкова в лес, а перо во свою мать-птицу, а клей в рыбу» [49, 289-290].

Таким образом, значение лука в казачьей жизни нельзя сводить только к прагматическому аспекту. Он, естественно, выполнял военную и промысловую функцию, подготовкой к которым служили ежедневные состязания в стрельбе. По праздничным дням они приобретали обрядовый характер, выявляя лучшего стрелка и наездника, возможно в прошлом производя таким образом отбор участников набег или похода. Игровая функция лука мало чем отличалась от состязательной и промысловой, условно ее можно отнести к детской возрастной группе, когда тупыми стрелами сбивали глиняные бутылки, поставленные друг на друга айданчики, или стреляли в поплавок, позже в эту мишень стреляли из ружей, при судействе стариков. Лук, как было показано, обладал в казачьей культуре и огромным символическим значением, являясь оружием священным, выполняющим обрядовую функцию с репродуктивным и охранительным значением.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Быкадоров И.Ф.* Казак Тимофей Разин (Сказы про старобытье казачье). Прага: [б. и.]1930. 89 с.
2. *Анучин Д.Н.* О древнем луке и стрелах // Труды V-го Археологического Съезда в Тифлисе, 1881. М.: Типография А.И.Мамонтова и К0, 1887. С. 337-411.
3. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. / Археология СССР. Свод археологических источников СССР. Под общей редакцией академика Б.А.Рыбакова. Вып. 31-36; Институт археологии АН СССР. М.: Издательство «Наука», 1966. 182 с.

4. *Тевяшов Е.Е.* К вопросу о происхождении русского лука // Советская этнография. Вып. IV. М.^А [Б.и], 1940/С. 142-147.
5. *Маркевич В.Е.* Ручное огнестрельное оружие. История развития от возникновения до середины XX века. СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2005. - 496 с.
6. *Лоадс М.* Боевые луки: История. Эволюция. Искусство владения. М.: Колибри, 2022. 464 с.
7. *Бобров Л.А.* Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. II. — С. 210-388.
8. Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 2. Ростов-на-Дону. Издательство Ростовского облИУУ, 1995 – 208 с.
9. *Лащилин Б.* Донские родники. Казачий фольклор (обряды, сказы, былины, песни, частушки, пословицы и загадки). Очерки. Воронеж: Серебряная гора, 2008. — 286 с..
10. *Черная А.В.* Традиционные игры Дона: этнопсихологический феномен. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2003 (Тип. РПУ РГПУ). - 116 с.
11. *Кулаков О., Сарычев М., Воронцов М., Гвоздевич А.* Холодное оружие донских казаков. Альбом. Воронеж: Казачий стан, 2013. — 260 с.
12. Служба донских казаков XVII век: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.сост. В.А.Гусев. Волгоград, 2015. Вып.5. 312 с.
13. *Сухоруков В.Д.* Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Исторический очерк. Новочеркасск: редакция газеты «Донская речь» 1892. 93 с.
14. Акты Московского государства. Т. 2. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1894. - 819 с.
15. О происхождении донских казаков XVII-XVIII века. Материалы по истории и генеалогии казачества. Автор-составитель В.А.Гусев. Вып.2. Волгоград: Панорама, 2013. – 264 с.
16. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.697. Оп.2. Д.70.
17. Донские казаки и раскольщики на Дону, XVII век. Отставные казаки Войска Донского 1780-1781 годов: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. XVII. Волгоград: Панорама, 2023. 232 с.
18. *Аствацатурян Э.* Турецкое оружие. СПб: ТПГ «Атлант», 2002. - 335 с.
19. *Аствацатурян Э.* Оружие народов Кавказа. Москва: Хоббикнига ; Нальчик : «Эль-Фа», 1995. – 191 с.
20. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической Комиссией: Т.18. Донские дела. Кн.1. СПб.: Типография главного управления уделов, 1898. - 1006 с.
21. Дополнения к Актам историческим собранным и изданным археографическою комиссиею. Т. XII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1872. – 469 с.
22. Словарь русского языка XI-XVII веков. Вып.16. М.: Наука, 1990. – 298 с.
23. Служба донских казаков. Отставные казаки Войска Донского 1777 год: материалы по истории и генеалогии казачества. Волгоград: Панорама, 2019. 400 с.
24. *Деуреченский О. В.,* 2007. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV– XVII веков // Археология Подмоскovie. Вып. 3 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. 2007. С. 277-331.
25. *Каргин Ю. Ю.* Казаки-некрасовцы на правом берегу старой Кубани (по материалам охранных раскопок поселения Белое Юго-Восточное в 2014 г.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Вып. 8. – Симферополь-Тюмень-Нижневартовск, 2016. С. 93-191.
26. *Крюйс К.* Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове // Отечественные записки. №54, 1824. 564 с.
27. Цит. по: Стороженко А.В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев: типография Г.Л. Фронцевича, 1904. 327 с.
28. Записки английского посланника в России при Петре Великом // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, Том 65. № 262. 1847. С. 215-221.
29. *Кательников Е.Н.* Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице. Новочеркасск: Обл. Войска Дон. стат. ком., 1886. - 63 с.
30. *Щекотаев А.* Географический словарь Российского государства. Ч.3. М.: в Университетской типографии, у Хр. Клаудия, 1801-1809, 1804. — 1238 стб.
31. *Броневский В. Б.* История Донского войска. Описание Донской земли и Кавказских Минеральных вод: монография, Ч. 2. Санкт-Петербург: Тип. Экспедиции заготовления Гос. Бумаг, 1834. – 324 с.
32. Старочеркасский историко-архитектурный музей-заповедник (СИАМЗ) КП 27/1. Фо-4291; Фо-4292
33. *Поляков П.С.* Полное собрание сочинений: Т.1. Смерть Тихого Дона. Роман в 4-х частях. Подольск: Подольск: Музей-Мемориал “Донские казаки в борьбе с большевиками, 2020. – 640 с.

34. Краснов П.Н. Исторические очерки Дона. Ч.1. Кн.1. Берлин: издание журнала «На Казачьем посту», 1943. – 47 с.
35. Крэйвен Э. Путешествие в Крым и Константинополь в 1788 году. Москва: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1795. – 524 с.
36. Веселовский Н.И. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XXV. Вып. 1-4. Пг., 1921. С. 273-292.
37. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. – 263 с.
38. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука : Сиб. отд-ние, 1986. – 266 с.
39. Кызласов И.Л. Камень дыроватый (символика пещерных святилищ и культовой стрельбы из лука) // Этнографическое обозрение. 1999. №4. С. 37-50.
40. Худяков Ю.С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2004, №1. С. 102-113.
41. Листопадов А.М. Песни донских казаков. Т.1. М.: Музгиз, 1949. – 245 с.
42. Народное творчество Дона. Кн.1. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1952. – 292 с.
43. Листопадов А.М. Песни донских казаков Т.2. М.: Музгиз, 1950.- 588 с.
44. Codex Cumanicus: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII-XIV вв. М.: Русская деревня, 2005.- 87 с.
45. Агаев Ю.Ш. Лук и стрелы как символ власти и элементы ритуального обряда у тюркских народов // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2015. С. 18-21.
46. СИАМЗ КП 1734
47. Листопадов А.М. Песни донских казаков. Т.3. М.: Музгиз, 1951. – 484 с.
48. Проценко Б.Н. Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов-на-Дону: Изд-во института массовых коммуникаций, 1998. – 322 с.
49. Шолохов М.А. Тихий Дон // Соб. соч. в 8 т. Т.1. М.: Правда, 1980. – 414 с.

REFERENCES:

1. Bykadorov I.F. Kazak Timofej Razin (Skazy pro štarobyť'e kazach'e) [The Cossack Timofey Razin (The Legend of the Old Russian Cossacks)]. Prague: [w.p.h.] 1930. 89 p.
2. Anuchin D.N. O drevnem luke i štelah // Trudy V-go Arheologicheskogo S"ezda v Tiflise, 1881 [On the Ancient Bow and arrows // Proceedings of the V-th Archaeological Congress in Tiflis, 1881]. Moscow: Printing house of A.I.Mamontov and K., 1887. pp. 337-411.
3. Medvedev A.F. Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII-XIV vv. [Hand throwing weapons (bow and arrows, crossbow) of the VIII-XIV centuries] / Archeology of the USSR. The collection of archaeological sources of the USSR. Under the general editorship of Academician B.A.Rybakov. Issue. pp. 36-36; Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences. Moscow: Nauka Publishing House, 1966. 182 p.
4. Tevyashov E.E. K voprosu o proiskhozhdenii russkogo luka [On the origin of the Russian language] // Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]. Vol. IV. M. ^ [B.I., 1940. Pp. 142-147.
5. Markevich V.E. Ruchnoe ognestrel'noe oruzhie. Istoriya razvitiya ot vzniknoveniya do serediny XX veka [Hand-held firearms. The history of development from the Renaissance to the middle of the XX century]. St. Petersburg: "Polygon Publishing House", 2005. 496 p.
6. M. Loadsa. Boevye luki: Istoriya. Evolyuciya. Iskustvo vladeniya [Battle bows: A History. Evolution. Mastery of art]. Moscow: Kolibri, 2022. 464 p.
7. Bobrov L.A. Takticheskoe iskustvo krymskih tatar i nogaev konca XV – serediny XVII vv. [The tactical art of the Crimean Tatars and Nogais of the late XV – mid XVII centuries]. [Electronic resource] / Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki [History of military affairs: research and sources]. — 2016. - Special issue V. Stoyanie na reke Ugre 1480-2015 [Parking on the Ugra River 1480-2015]. - Part II. — Pp. 210-388.
8. Kazachij Don: Oчерki istorii [Cossack Don: Essays on history]. Part 2. Rořtov-on-Don. Publishing House of the Rořtov Regional Executive Committee, 1995 – 208 p.
9. Lashchilin B. Donskie rodniki. Kazachij fol'klor (obryady, skazy, byliny, pesni, chařtushki, poslovicy i zagadki). Oчерki [The Don springs. Cossack folklore (rituals, fairy tales, epics, songs, ditties, proverbs and riddles). The essays]. Voronezh: Silver Mountain, 2008. - 286 p.

10. *Chernaya A.V.* Tradicionnye igry Dona: etnopsihologicheskij fenomen [Traditional games of the Don: an ethnopsychological phenomenon]. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov State Pedagogical University, 2003 (Type. RPU IM. - 116 p.
11. *Kulakov O., Sarychev M., Vorontsov M., Gvozdevich A.* Holodnoe oruzhie donskih kazakov [Cold steel of the Don Cossacks]. Album. Voronezh: Kazachiy stan Publ., 2013. 260 p.
12. Sluzhba donskih kazakov XVII vek: materialy po istorii i genealogii kazachestva [The service of the Don Cossacks of the XVII century: materials on the history and genealogy of the Cossacks] / author.comp. V.A.Gusev. Volgograd: Panorama, 2015. Issue 5. 312 p.
13. *Sukhorukov V.D.* Obshchezhitie donskih kazakov v XVII i XVIII stoletiyah [Dormitories of the Don Cossacks in the XVII and XVIII centuries]. A historical sketch. Novocherkassk: editorial office of the newspaper "Don Speech", 1892. 93 p.
14. Akty Moskovskogo gosudarstva [Acts of the Moscow State]. Vol. 2. St. Petersburg,: Type. Imperial Academy of Sciences, 1894. 819 p.
15. O proiskhozhdenii donskih kazakov XVII-XVIII veka. Materialy po istorii i genealogii kazachestva [On the origin of the Don Cossacks of the XVII-XVIII centuries. Materials on the history and genealogy of the Cossacks]. The author is compiled by V.A.Guseva. Issue.2. Volgograd: Panorama, 2013. 264 p.
16. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (GARO) [The State Archive of the Rostov region (SARR)]. F.697. Op.2. D.70.
17. Donskie kazaki i raskol'shchiki na Donu, XVII vek. Otstavnye kazaki Vojska Donskogo 1780-1781 godov: materialy po istorii i genealogii kazachestva [Don Cossacks and schismatics on the Don, XVII century. Retired Cossacks of the Donskoy Army of 1780-1781: materials on the history and genealogy of the Cossacks]. Issue XVII. Volgograd: Panorama, 2023. 232 p.
18. *Astvasaturyan E.* Tureckoe oruzhie [Turkish weapons. St]. Petersburg: TPG "Atlant", 2002. - 335 p.
19. *Astvasaturyan E.* Oruzhie narodov Kavkaza [Weapons of the peoples of the Caucasus]. Moscow: Hobby ; Nalchik: "EI-FA", 1995. 191 p.
20. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arheograficheskoy Komissiej: T.18. Donskie dela [Russian Historical Library, published by the Archeographic Commission: vol. 18. Donskiye dela]. In the Book.1. St. Petersburg,: Printing house of the main directorate of the estates, 1898. - 1006 p.
21. Dopolneniya k Aktam istoricheskim sobrannym i izdannym arheograficheskoyu komissieyu [Additions to the Acts were collected and published by the Archeographic Commission]. Vol. XII. St. Petersburg,: Type. 2nd edition of the Office of E. I. V., 1872. - 469 p.
22. Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vekov [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. Issue 16. Moscow: Nauka Publ., 1990. 298 p.
23. Sluzhba donskih kazakov. Otstavnye kazaki Vojska Donskogo 1777 god: materialy po istorii i genealogii kazachestva [The service of the Don Cossacks. Retired Cossacks of the Donskoy Army in 1777: materials on the history and genealogy of the Cossacks]. Volgograd: Panorama, 2019. 400 p.
24. *Dvurechenskiy O. V.* Nakonechniki strel Moskovskoj Rusi i Russkogo gosudarstva XV– XVII vekov [Arrowheads of Moscow Rus and the Russian state of the XV–XVII centuries] //Arheologiya Podmoskov'ya [Archeology of the Moscow region]. Issue 3 / Ed. by A.V. Engovatov. Moscow: IA RAS. 2007. Pp. 277-331.
25. *Kargin Yu. Y.* Kazaki-nekrasovcy na pravoberezh'e staroj Kubani (po materialam ohrannyh raskopok poseleniya Beloe Yugo-Vostochnoe v 2014 g.) [Nekrasov Cossacks on the right bank of the Staraya Kuban (based on the materials of the security excavations of the settlement of Beloe yugo-vostochnoye in 2014)]// Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya [Materials on archeology and history of the ancient and medieval Black Sea region]. Issue 8. Simferopol-Tyumen-Nizhnevartovsk, 2016. pp. 93-191.
26. *Kruis K.* Razyskaniya o Done, Azovskom more, Voronezhe i Azove [Research on the Don, the Sea of Azov, Voronezh and the Sea of Azov] // Otechestvennye zapiski [Otechestvennye zapiski]. No. 54, 1824. 564 p.
27. Quote. in: Storozhenko A.V. Stefan Batorij i dneprovskie kazaki [Stefan Batory and the Dnieper Cossacks]. Kiev: printing house of G.L. Frotskevich, 1904. 327 p.
28. Zapiski anglijskogo poslannika v Rossii pri Petre Velikom [Notes of the English envoy to Russia under Peter the Great] // Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnyh zavedenij [Journal for reading to pupils of military educational institutions] vol. 65. No. 262. 1847. Pp. 215-221.
29. *Katelnikov E.N.* Istoricheskoe svedenie Vojska Donskogo o Verhne-Kurmoyarskoj stanice [Historical information about the Village of Verkhne-Kurmoyarskaya]. Novocherkassk : Region. Donskoy's troops. stat. com., 1886. - 63 p.
30. *Shchekotaev A.* Geograficheskij slovar' Rossijskogo gosudarstva [Geographical dictionary of the Russian state]. Part 3. Moscow: in the University Printing House, vol. Claudia, 1801-1809, 1804. — 1238 p.

31. *Bronevsky V. B.* Istoriya Donskogo vojska. Opisanie Donskoj zemli i Kavkazskih Mineral'nyh vod [The History of the Don Army. Description of the Don land and Caucasian Mineral Waters]: monograph, part 2. St. Petersburg: Typ. of the expedition to prepare the State papers., 1834. - 324 p.
32. Starocherkasskij istoriko-arhitekturnyj muzej-zapovednik (SIAMZ) [Starocherkassk Historical and Architectural Museum-Reserve (shamr)] KP 27/1. Fo-4291; Fo-4292
33. *Polyakov P.S.* Polnoe sobranie sochinenij: T.1. Smert' Tihogo Dona [The Complete Works: vol. 1. The Death of the Quiet Don]. A novel in 4 parts. Podolsk: Museum-Memorial "Don Cossacks in the fight against the Bolsheviks, 2020. - 640 p.
34. *Krasnov P.N.* Istoricheskie ocherki Dona [Historical sketches of the Don]. Part 1. In the Book.1. Berlin: publication of the magazine "at the Cossack post", 1943. -47 p.
35. *Craven E.* Puteshestvie v Krym i Konstantinopol' v 1788 godu [Journey to the Crimea and Constantinople in 1788]. Moscow: Univ. tip., by Ridiger and Claudia, 1795. - 524 p.
36. *Veselovsky N.I.* Rol' strely v obryadah i ee simbolicheskoe znachenie [The role of arrows in rituals and their symbolic meaning] // Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arheologicheskogo obshchestva [Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society]. Vol.XXV. Issues 1-4. Pg., 1921. pp. 273-292.
37. *Lipce R.S.* Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol'skom epose [The image of batyr and his horse in the Turkic-Mongolian epic]. Moscow: Nauka, 1984. - 263 p.
38. *Khudyakov Yu. S.* Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii [Armament of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka : Sib. Publishing house, 1986. - 266 p.
39. *Kyzlasov I.L.* Kamen' dyrovatyj (simvolika peshchernykh svyatilishch i kul'tuovoj strel'by iz luka) [Holey stone (symbolism of cave sanctuaries and cult arrows from a bow)] // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. 1999. No. 4. Pp. 37-50.
40. *Khudyakov Yu. S.* O simbolike strel drevnih i srednevekovykh kochevnikov Central'noj Azii [On the symbolism of arrows of ancient and medieval nomads of Central Asia] // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]. 2004, No. 1. pp. 102-113.
41. *A. Listopadov.M.* Pesni donskih kazakov [Songs of the Don Cossacks]. Vol. 1. Moscow: Muzgiz, 1949. - 245 p.
42. Narodnoe tvorchestvo Dona [Folk art of the Don]. In the Book.1. Rostov-on-Don: Rostizdat, 1952. 292 p.
43. *A. Listopadov.M.* Pesni donskih kazakov [Songs of the Don Cossacks] vol. 2. Moscow: Muzgiz, 1950.- 588 p.
44. Codex Cumanicus: Poloveckie molitvy, gimny i zagadki XIII-XIV vv. [Codex Cumanicus: Polovtsian prayers, hymns and riddles of the 13th-14th centuries]. Moscow: Russian Village, 2005.-87 p.
45. *Agaev Yu.Sh.* Luk i strely kak simbol vlasti i elementy ritual'nogo obryada u tyurkskikh narodov [Bow and arrow as a symbol of power and elements of ritual among the Turkic peoples] // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2015. pp. 18-21.
46. Starocherkasskij istoriko-arhitekturnyj muzej-zapovednik (SIAMZ) [Starocherkassk Historical and Architectural Museum-Reserve (shamr)]. KP 1734
47. *A. Listopadov.M.* Pesni donskih kazakov [Songs of the Don Cossacks]. Vol. 3. Moscow: Muzgiz, 1951. - 484 p.
48. *Protsenko B.N.* Duhovnaya kul'tura donskih kazakov. Zagovory, oberegi, narodnaya medicina, pover'ya, primety [The spiritual culture of the Don Cossacks. Spells, charms, traditional medicine, beliefs, omens]. Rostov-on-Don: Publishing House of the Institute of Mass Communications, 1998. 322 p.
49. *M. Sholokhov.* Tihij Don [Tikhy Don] // Sob. soch. v 8 t. [Collected works in 8 vols]. Vol.1. Moscow: Pravda, 1980. - 414 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Яровой Андрей Викторович доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Азово-Черноморский инженерный институт ФГБОУ ВО Донской ГАУ, научный сотрудник Институт истории и международных отношений Южный Федеральный университет, jarovoj2005@yandex.ru

© 2024

УДК 94

КАЗАКИ В 1-Й КОННОЙ АРМИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

© 2025 г. Венков А.В.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена росту казачьей составляющей в 1-й конной армии в ходе гражданской войны. Рассматривается соотношение белых и красных казаков на Юге России в ходе гражданской войны, мотивация большинства казаков к переходу на сторону Красной армии по мере того, как белые войска терпели поражения, непосредственно этапы перехода и распределения бывших белых по частям Красной армии. Показано, в каких частях 1-й конной армии и в каком количестве были собраны бывшие белые казаки, какие посты занимали в этой армии представители казачества. Отмечены случаи перехода бывших белых казаков из Конной армии на сторону поляков.

Ключевые слова: казаки, 1-я конная армия, поляки, командный состав, переход.

COSSACKS IN THE 1ST CAVALRY ARMY DURING THE CIVIL WAR**Venkov A.V.**

Federal state budgetary institution of science "Federal research center southern scientific center of the Russian Academy of Sciences "(SSC RAS), Roŝtov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the growth of the Cossack component in the 1st Cavalry Army during the Civil War. The article examines the ratio of white and red Cossacks in the South of Russia during the Civil War, the motivation of the majority of Cossacks to defect to the Red Army as the white troops suffered defeats, the stages of transition and the distribution of former whites among the units of the Red Army. It shows in which units of the 1st Cavalry Army and in what numbers the former white Cossacks were assembled, and what positions representatives of the Cossacks held in this army. There have been cases of former white Cossacks defecting from the Cavalry Army to the side of the Poles.

Keywords: Cossacks, 1st Cavalry Army, Poles, commanding staff, transfers.

Если мы говорим о казачестве в гражданской войне, то общее впечатление, что большинство казаков в 1918 году, с разрастанием социального противостояния, выступило против Советской власти, соответствует действительности.

В ноябре 1918 г., по подсчетам белых, красные казаки составляли примерно 20 отрядов [1, с.3]. При этом уточнялось: «Эти изменники представляют собою лучшие боевые части красных» [1, с.2]. В это же время в белой Донской армии в 1918 году было сформировано 98 полков [2]. Получается, что к концу 1918 года примерно 18 % боеспособных донских казаков поддержали большевиков. Из среды казаков выдвинулись видные красные военачальники – Ф.К. Миронов, М.Ф. Блинов, К. Ф. Булаткин.

На Кубани нарастание классовой и межсословной борьбы сдерживалось угрозой внешнего нашествия (немцев и отчасти грузин). Командующий советскими

войсками Автономов заявлял: «Теперь не может быть ни Красной, ни Белой армии, а может быть только армия спасения Родины» [3, с. 206].

В июне 1918 года Кубано-Черноморский фронт выставляет против немцев 52 тысячи человек [4, л. 13 об.]. «Наиболее серьезные силы представляет, несомненно, мобилизованное казачество» [5, с. 284].

Советские структуры приводили зачастую гораздо более скромные цифры. Советский комиссар по казачьим делам М. Макаров признавал, что «в 1-й год Октябрьской революции было организовано четыре красных казачьих полка из донцов, три – из оренбуржцев, три – из кубанцев и две сотни уральцев» [6, с. 1]. Эти красные казачьи полки состояли из добровольцев.

Казачи понесли в боях огромные потери. По их станицам (особенно на севере Донской области) фронт прокатился по 6–8 раз. Боевые действия сопровождались масштабными репрессиями (в том числе, «расказачиванием») и эпидемическими заболеваниями, и это стало причиной массовой гибели населения. Дон опустел. Из казачьего населения в 1,5 миллиона человек донцы в годы гражданской войны убитыми потеряли 260 тысяч [7, с. 119]. Каждый третий мужчина (а если без детей и стариков – почти каждый взрослый мужчина) пал в борьбе с большевиками. Население Хоперского округа сократилось наполовину. Та же картина была в Верхне-Донском, в Усть-Медведицком и во 2-м Донском округах. Уходившие с отступающими частями беженцы на Кубани лишились имущества и скота. Их обобрали и красные, и кубанцы. Появилась поговорка: «Кубань сына женила, а Дон приданое давал» [8, л. 184]. Впрочем, и сами кубанцы потеряли не меньше, чем донцы. По данным В.Н. Ратушняка, людские потери на Кубани в ходе Гражданской войны составили 331 тыс. человек [9, с. 529].

Во избежание окончательного разорения казаки начали переходить на сторону большевиков, чтобы хотя бы так закончить войну. «Если крестьянство пришло к Советской власти через те положительные приобретения, которые оно получило от октябрьского переворота, то трудовое казачество приходит к Советской власти через те потери, которые оно понесло в гражданской войне», – писали «Известия ВЦИК» [10, с. 1].

Казачи пополнили части Красной армии, ранее сформированные из неказачей. В октябре 1919 г. кавалерийская бригада 36-й стрелковой дивизии – Камышинский, Саратовский и Заамурский конные полки – состояла из «добровольцев кубанцев, донцов, прибывших на собственных лошадях» [11, л. 5–5 об.].

Красные кавалеристы вспоминали: «Пополнения людей проводились, главным образом, за счет добровольцев из казаков и, зачастую даже, бывших белых» [12, с. 64].

Пленных и перебежчиков ставили в ряды Красной армии. Они соглашались, поскольку отправляться вглубь голодающей России на принудительные работы было для этих казаков не лучшим выходом. Так, из 1041 пленного и перебежчика, зарегистрированных в штабе 8-й Красной армии с 1 по 14 декабря 1919 года, 763 вступили в Красную армию и лишь 272 отправились на принудительные работы [13, л. 1].

С 1 ноября 1919 по 15 февраля 1920 количество конницы в рядах 1-й Конной армии, 8, 9, 10 армий выросло с 12029 до 19299 сабель [14, с. 10–22].

На политику по отношению к перебежчикам и пленным казакам большое влияние оказала надвигающаяся война с поляками. 11 марта 1920 года В.И. Ленин

телеграфировал на Юг: «Поляки, видимо, сделают войну с нами неизбежной. Поэтому главная задача сейчас не Кавтрудармия, а подготовка быстрейшей переброски максимума войск на Запфронт. На этой задаче сосредоточьте все усилия. Используйте пленных архи энергично для того же» [15, с. 159].

Чтобы использовать пленных на законном основании, 28 марта 1920 года 1-й съезд казачества ходатайствовал амнистировать и освободить из концентрационных лагерей военнопленных трудовых казаков [16, л. 52]. И в апреле 1920 г. «Президиум ВЦИК постановил утвердить ходатайство Первого Всероссийского казачьего съезда об амнистии военнопленных трудовых казаков» [17, с. 118].

Вторая половина марта 1920 года прошла под знаком массовых сдач казаков и переходов их на сторону красных. Колебались донцы. По воспоминаниям донского генерала М.А. Моисеева в Новороссийске разыгрывались целые трагедии. «Много случаев было, когда казак, попросившись со своим другом – конем, тут же его пристреливал. Но были случаи, когда казак, выбрав среди оставленных хорошую лошадь, уезжал к зеленым» [18, с. 21]. «Многие казаки бросали оружие или целыми полками переходили к «зеленым»» [19, с. 426].

Кубанцы сдавались целыми полками большевикам или уходили к «зеленым». «Из кубанцев одни только шкуринские отряды, запятнавшие себя неслыханными грабежами, необычными даже для Добрармии, сочли за лучшее перебраться в Крым» [20, с. 12].

Сдавшиеся кубанские полки первое время не расформировывали.

В Новороссийске красные взяли 22 тысячи пленных [21, с. 329]. Многие донские части в полном составе были брошены в порту.

Местом сосредоточения сдавшихся казаков стала все та же дивизия Екимова, сформированная 27 марта 1920 г. в районе Новороссийска из казаков, перешедших на сторону Красной армии, в составе трех бригад:

1-я кавалерийская бригада: 1-й, 2-й Уманские кубанские казачьи полки, Закубанский полк;

2-я кавалерийская бригада: 1-й, 2-й Запорожские кубанские казачьи полки, 21 Си-бирский кавалерийский полк;

3-я кавалерийская бригада 1-й, 2-й, 3-й Сводные Донские казачьи полки, созданные из донских казаков, перешедших из Донской армии к «зеленым», а затем уже к красным.

Они сдались на условиях предоставления свободы всем казакам, кроме уголовных преступников. Даже инициаторам и руководителям восстаний «в виде особой милости» разрешалось вступить в Красную армию [22, с. Л. 354 -355 об.].

Пленных предупреждали, что они будут посланы против поляков. На переговорах 1 мая 1920 г. член советской делегации Сутин сказал казакам: «Выход вашему патристическому чувству будет дан на польском фронте» [23]. Впрочем, один из комиссаров разъяснил пленным ситуацию несколько иначе: «"Советская власть" это теперь "Интернационал", что никакой Родины больше нет, и мы должны бороться за освобождение пролетариата» [24, с. 17].

Таким образом, пленные казаки, целыми полками, были отправлены на польский фронт прямо с Черноморского побережья, но большинство было «распылено» по полкам Красной армии, либо направлено на «филътрацию».

Как вспоминали бывшие белые, «своим чередом работала "Проверочная комиссия" и назначала, помимо нашего желания: на Лубянку, в Москву, в Красную Армию

на Врангелевский фронт, а тем, кому доверяли, отправляли на Польский фронт или в Трудовую армию» [25, с. 22].

После этих мероприятий казаки, по мнению Казачьего отдела ВЦИК, составляли большинство красной кавалерии на польском и врангелевском фронтах и служили основным источником ее пополнения, причем среди красных казаков преобладали донцы [26, л. 119].

Естественно, не все казаки попали в кавалерию. Тех, у кого на Черноморском побережье отобрали лошадей, в большинстве зачислили в пехоту. Есаул Атаманского полка П.С. Лосев вспоминал, что из его сдавшегося полка всего одна сотня попала в кавалерию, а казаков пяти остальных сотен распределили в пехотные роты [27, с. 22].

Таким образом, мы не можем назвать число казаков в Красной армии в 1920 году, поскольку часть из них служила в полках, которые изначально не были казачьими. Нам достаточно точно известно лишь количество казаков, сдавшихся Красной армии весной 1920 года, и мы считаем, что большинство из них было включено в состав красной кавалерии.

Исследователи уверяют, что, например, во 2-й конной армии прослойка казаков достигала 60 процентов [28, с. 100].

Включение бывших пленных казаков в ряды Красной армии внесло свою лепту в патриотические оборонительные настроения, отразилось на самом облике революционных событий. «Это не марксистская революция, это казацкий бунт...», – отмечал в своих дневниках того времени И. Бабель [29, с. 178]. В целом же настроение у этих казаков было сложное, колеблющееся.

Естественно, их хотели вовлечь в поход на Запад, воплощать в жизнь идею мировой революции. Знаменитый пролетарский поэт Демьян Бедный в стихотворении «Казак Бубнов» писал:

Бубнов, чрез месяц-два с тобой
Я обнимусь в Советской Польше [30, с. 1].

Н.С. Присяжный писал: «Так случилось, что с течением времени сформировалось ложное представление о Конармии как казачьей и преимущественно донской. Этому в значительной мере способствовали характер армии, основу которой составляла кавалерия, а также пропаганда ее бывших руководителей и военачальников, волею судеб оказавшихся впоследствии тесно связанными с высшим военно-политическим руководством страны (К. Ворошилов, С. Буденный, Е. Щаденко, О. Городовиков, С. Тимошенко, И. Апанасенко и др.). Эти упрощенные представления не выдерживают научной критики» [31, с. 20].

Действительно, Конная армия в момент возникновения имела 16465 бойцов, 16583 лошади, 27 орудий, 237 пулеметов [32, с. 402]. И состояла она из 62% крестьян, 20% рабочих, около 14% казачьей бедноты, 4% интеллигенции [33, с. 3].

М. Корчин писал, что в 1-й конной армии было 2 полка донских казаков [34, с. 32].

Но это было к моменту создания Конной армии. При этом мы помним, что, наступая осенью-зимой 1919 года и особенно весной 1920 года, Конная армия пополнялась казаками

Вопрос, сколько казаков было в Конной армии Буденного, до сих пор до конца не изучен. И. Бабель, служивший в этой армии на польском фронте, бойцов называет по-разному. В его «Конармейском дневнике» 24 раза встречается название «солдаты». В основном, когда он упоминает тыловые части. Из этих 24 раз трижды

«солдатами» он называет поляков. 7 раз встречается нейтральное «красноармейцы», 10 раз – «буденовцы» и 33 раза – «казаки», «казацкая», «казачье», «казачество». Из этих 33 раз 4 раза упоминаются казаки на польской службе. Описывая казаков, И. Бабель 9 раз называет их «кубанцами», 1 раз упоминает «донцов» [29, с.124–207]. В сборнике рассказов «Конармия», написанном на основании дневника, слов «солдат» вообще нет, есть «солдатня» и «по-солдатски», 9 раз упоминаются «бойцы», 1 раз встречаются «буденовцы» и 1 раз «красноармейцы». Зато «казаки» встречаются 64 раза, кроме того, 6 раз мы находим «казацкий», 2 раза «казачью» и 2 раза «казачонок». 1 раз уточняется, что казаки – «кубанцы» [29, с. 3–123]. То есть, всех бойцов Конной армии И.Бабель называл казаками.

Л.И. Футорянский со ссылкой на «Директивы командования фронтов Красной армии» заявил, что на польском фронте «1-я конная армия более чем наполовину состояла из казаков» [32, с. 426].

Штабист Конной армии Л.Л. Ключев в характеристике армии на первое место ставит казаков: «В Конной армии мы встречаемся с представителями трудящихся масс самых разнообразных национальностей. Кроме донских и кубанских казаков – в большинстве своем кавалеристы старых царских полков – донских и ставропольских крестьян, украинцев, крестьян центральных губерний, немцев Поволжья и других представителей нац. меньшинств Советской России, в рядах первоконников были мадьяры, поляки, сербы, латыши и др.

Первая конная имела в своем составе крепкое пролетарское ядро, которое состояло из рабочих Донецкого бассейна» [35, с. 12].

Шла подготовка маршевых пополнений из казаков. В апреле 1920 года Штаб Красной армии принял решение, чтобы в Донской области каждый округ формировал 1 сотню, итого будет 10 сотен – 2 ½ полка [36, л. 37].

На Кубани станичники выносили резолюции одна революционнее другой. «Отдадим по первому зову все силы на борьбу с польской буржуазией», – решила станица Отрадная 30 мая 1920 г. [37, с. 255]. Был брошен клич: «Казаки на коней против польской шляхты» [37, с. 254].

Казаки были в Конной армии до начала похода на поляков. 11 марта 1920 года К.Е. Ворошилов на собрании представителей общественных организаций Ростова говорил, что армия «была составлена из крестьян и казаков по преимуществу зажиточных и часто очень и очень богатых» [38, с. 179]. Оставались казаки в Конной армии и после польской кампании. 16 апреля 1921 г. председатель ревтрибунала 1-й Конной армии Л. Плавнек подтверждал, что «1-я Конная имеет в своем составе большой процент казачества, среди которых немало весьма зажиточных» [38, с. 179].

Буденный называет своих бойцов (помимо конкретных командиров) казаками несколько раз. Так в боях под Ровно он заехал в штаб 4-й дивизии: «У дома, занимаемого штабом, на земле сидели четверо пленных. Рядом стоял рослый казак, о чем-то миролюбиво разговаривая с поляками» [39, с. 191].

И там же: «из Житына вышла на рысях конница и, развернувшись, понеслась на врага. Это был 24-й кавалерийский полк. Донских казаков мы узнали легко» [39, с. 196].

Л.Л. Ключев писал, что командиры в подавляющем большинстве были в прошлом вахмистры, унтер-офицеры и рядовые казаки и кавалеристы старой царской армии [35, с. 13].

Непосредственно командный состав 1-й Конной армии казачьим не был. Командующий армией С.М. Буденный происходил из воронежских крестьян, а К.Е. Ворошилов был известен как донецкий слесарь.

Среди высшего командного состава Конной армии казаки все же были. Это начальник оперативного отдела штаба С.А. Зотов. Именно ему больше всего внимания уделил в своих воспоминаниях И.В. Тюленев. «Из рассказов Степана Андреевича я узнал, что он начал службу в 4-м Донском графа Платова казачьем полку. Здесь он окончил полковую школу, а в 1907 году – фехтовальную и был произведен в младшие, а затем в старшие унтер-офицеры.

В 1908 году Зотов был оставлен на сверхсрочную службу, окончил школу подпрапорщиков, или, как называли казаки, подхорунжих. Степан Андреевич очень гордился этим званием, высоко почитавшимся казаками. Когда он прибыл в этом чине домой на побывку, вся станица во главе с заслуженными стариками встречала его с большими почестями. В 1910 году Степана Андреевича перевели в 3-й казачий полк. Здесь он обучал молодых казаков, прибывавших на действительную службу главным образом из 2-го Донского округа (в 3-й Донской казачий полк направлялись казаки из Усть-Медведицкого округа – **А.В.**).

С 3-м казачьим полком 3-й кавалерийской дивизии Степан Андреевич прошел всю империалистическую войну. Четыре георгиевских креста и три медали – вот награды за его боевые подвиги.

С. А. Зотов был назначен начальником оперативного отдела штаба этого корпуса [40, с. 73–75].

В Конной армии Зотов пошел на повышение. Сам Буденный отмечал, что полевой штаб армии возглавлялся «С. А. Зотовым – крепким русоусым казаком, неутомимым тружеником, постигшим всю сложность штабной работы в ходе войны» [39, с. 31]

Для поручений при полевом штабе 1-й конной армии был донской казак Горячев Елисей (Евсей) Иванович, в прошлом выборный командир 6-го Донского казачьего полка (во время Мировой войны полком командовал К.К. Мамантов). Во время борьбы против атамана Каледина на Дону Горячев сумел увести этот полк «из лагеря контрреволюции». В начале Гражданской войны он стал командиром Песковатского партизанского отряда, затем командиром Особого кавалерийского полка Реввоенсовета Коммунистической дивизии. В апреле 1919 года он с полком вошел в состав 4-й кавалерийской дивизии С.М. Буденного. С созданием Конного корпуса Горячев был назначен начальником разведки, затем штаба бригады. В январе 1920 г. окончил инструкторские кавалерийские курсы в г. Москве. Имея определенный вес в Конной армии, Е. Горячев «двигал» вверх своих земляков. Из казаков его родного хутора Песковацкого Голубинской станицы вышли 4 командира бригад и 8 командиров полков Красной армии [41, с.3].

Штаб 1-й конной армии был пополнен пленными белыми офицерами. На 18 февраля 1921 года помощником начальника административного управления штаба армии числился Копылов Иван Григорьевич, хорунжий станицы Еланской, взятый в плен под ст. Егорлыкской [42, л. 51].

При автоуправлении казначеем автомастерской был Леонид Александрович Меркулов, хорунжий инженерных войск из Новочеркасска, взятый в плен на станции Миллерово вместе с автомастерской [42, л. 51 об.].

В 6-й кавалерийской дивизии служил бывший хорунжий ст. Мигулинской Меркулов Алексей Илларионович.

В 11-й кавалерийской дивизии командиром 4 эскадрона 63-го полка был Меркулов Дмитрий Васильевич, подхорунжий, сотник военного времени из ст. Цымлянской [43, л. 66].

В конце кампании в 1-ю конную армию были переведены бывшие белые офицеры, служившие в 3-м конном корпусе. В Упраформе оказался бывший подъесаул ст. Тишанской Георгий Максимович Максимов, в 4-й кавалерийской дивизии на должности командира эскадрона – сотник Клетской станицы Иван Федорович Манойлин, в 11-й кавалерийской – бывший хорунжий Мигулинской станицы Николай Матвеевич Синельников [42, л. 53 об., 55].

Нельзя не упомянуть Л.Л. Ключева, служившего в штабе армии, это был «тихий, скромный полковник царской армии, хорошо знавший военное дело» [40, с. 76]. Его перу принадлежит прекрасный анализ, рассматриваемой нами кампании.

Командный состав 4-й дивизии описан С.М. Буденным и Н.В. Ракитиным. В мемуарах Буденного заметны элементы ностальгии и любования: «красиво подбоченясь, гарцевал на сером коне чубатый казак, бессменный командир 19-го кавполка П. Я. Стрепухов... бою он храбр до безумства и отчаянной дерзости» [39, с. 31]; «21-й кавполк 2-й бригады вел казак В. В. Коробков, награжденный за подвиги орденом Красного Знамени» [39, с. 31]; «командир 24-го кавполка отважный казак П. В. Чекунов» [39, с. 31].

Как видим, половина полковых командиров – донские казаки.

6 июля 1920 года Александр Митрофанович Детистов, военком 4-й кавалерийской дивизии, заявил, что вся дивизия состоит из донцов, а он – представитель казачьих полков дивизии, направленный на съезд Советов [44, л. 144].

Что касается 6-й кавалерийской дивизии, то все выявленные нами перечисления И. Бабелем «казаков» и «кубанцев» относятся именно к ней.

И 11-я дивизия, сформированная в центральной России, пополнялась жителями Кубани и Северного Кавказа. «Части Деникина откатываются к Новороссийску, Конармия входит на Кубань. Здесь в состав 11-й кавдивизии вливается немало повстанцев из формирований «зеленых», оперировавших против Белой армии на Северном Кавказе. Они значительно усилили в дивизии и без того бытовавший в ней партизанский дух» [45]. Командовал дивизией Федор Максимович Морозов.

Новым соединением в составе Конной армии стала 14-я кавалерийская дивизия.

Буденный характеризовал ее так: «Кроме старых наших 4, 6 и 11-й дивизий в поход выступила новая, 14-я кавалерийская, сформированная из добровольцев – шахтеров и металлистов Донбасса, рабочих Таганрога и крестьян южных губерний страны. Начдивом ее был назначен член партии большевиков с 1904 года герой гражданской войны луганский слесарь А. Я. Пархоменко, состоявший до этого особополномоченным Реввоенсовета Конармии... Нам придавалась и бригада кавдивизии Якимова, сформированная в основном из пленных белоказakov. Она вошла в соединение А. Я. Пархоменко» [39, с. 28–29].

Дивизия формировалась в Майкопе и Таганроге весной 1920 г., и если в Таганроге могли формировать ее части из рабочих и шахтеров, то в Майкопе формировали «по преимуществу из бывших пленных деникинских солдат, уроженцев чаще всего Кубани и Северного Кавказа» [31, с. 20].

3-я Донская бригада кавалерийской дивизии Екимова, о которой мы уже писали, сформированная в основном из пленных белоказаков, вошла в 14-ю кавалерийскую дивизию 3-й бригадой.

Здесь командирами полков были бывшие белые офицеры, выслужившиеся из рядовых. Один из них Тимофей Тимофеевич Шапкин, казак хутора Семимаячного, станицы Верхнекундрюченской. С 1906 года он служил в 8-м Донском полку, во время Мировой войны заслужил 3 георгиевских креста и 1 медаль, в 1916 году закончил Новочеркасское юнкерское училище. С мая 1918 года служил в белой армии, в 6-м Донском полку Молодой армии. Единственный известный приказ о нем – № 1854 от 17 декабря 1918 года о производстве в подъесаулы [46, с. 340]. Во главе сотни он перешел к красным в марте 1920 года. В Конной армии ему доверили эскадрон. «Вскоре после этого начались боевые действия против панской Польши, где в одном бою был ранен командир его полка. И полк должен был принять Т. Шапкин. Когда он подъехал к строю и поздоровался, то на его приветствие никто из красноармейцев не ответил, показывая неприязнь к новому командиру, как бывшему белому офицеру. Т. Шапкин слез с коня и, взяв на кончик шашки землю, съел ее перед строем. По донскому обычаю это означало доказательство преданности Родине. Сев на коня, он скомандовал: «Полк, за мной!» Полк повиновался и последовал за ним. В этом бою Т. Шапкин зарубил семерых поляков-солдат гетмана Пилсудского. Сомнений у красноармейцев больше не возникало» [47]. Шапкин стал командиром 82-го кавалерийского полка, а затем – 2-й бригады 14-й кавалерийской дивизии.

Во время боев на польском фронте было несколько случаев измены. В первые же дни ушла к полякам уже знакомая нам 3-я Донская бригада 14-й кавалерийской дивизии.

В советских оперативных сводках даются несколько иные даты. «В 3 ч. 40 м. 31-5 большая часть 3-й бригады изменила и перешла на сторону поляков, причем во время ухода ее из Кашперовки были обстреляны штаб 3 бригады и штадив, причем есть убитые и раненые, число их выясняется. По предварительным сведениям, ушло 3 эскадрона и пулеметная команда 83-го полка и 2 эскадрона 84 полка, остальные части бригады остаются на местах» [48, с. 267]. По дороге, изменившие казаки налетели на 80-й кавалерийский полк и разоружили сторожевое охранение. Здесь они переправились через речку и «развернутым фронтом» пошли на Руде-Село.

2 июня командующий Юго-Западным фронтом А.И. Егоров доложил главкому: «Задержка 31 мая произошла вследствие некоторых недоразумений, кажется, измены в одной из бригад 14 кавдивизии (вероятно, бригада бывшей дивизии Екимова). Точных донесений об этом еще не получено» [49, с. 164].

2 июня было объявлено приказом по 14-й кавалерийской дивизии, что к полякам ушли 30 человек комсостава и 405 красноармейцев 83-го полка. Оставшиеся 9 человек комсостава и 122 красноармейца были переданы в полк особого назначения при Полевом штабе 1-й Конной армии [48, с. 268].

Позже Л.Л. Ключев уточнил, что были убиты начальник штаба 3-й бригады и помощник начальника штаба 14-й дивизии. «Эти изменники во главе с командиром бригады Сальниковым и наштабригом Протопоповым обратились к нашим бойцам с провокационной листовкой, но эта агитация успеха не имела» [35, с. 26]. События с листовкой, видимо, относятся к более позднему времени.

С.М. Буденный дает несколько смягченный вариант события. Говоря о 14-й дивизии, он заявляет: «в ее 3-й бригаде, как раз той, что перешла из дивизии Якимова, произошла измена. Во главе 83-го полка оказался бывший офицер-деникинец, который сумел сколотить вокруг себя единомышленников... Изменники решили, что настал благоприятный момент, и собрались уйти к противнику. Склонив к бегству часть казаков своего полка, они направили одного из заговорщиков в соседний, 82-й. Но тут их ждала неудача. Три взводных командира доложили об измене военному и начальнику штаба бригады. И все же предатели успели бежать. С криком «мы окружены, спасайся!» они увели три эскадрона 83-го полка. Эскадроны 14-й и 4-й дивизий бросились в погоню, однако настигнуть изменников не смогли» [39, с. 92].

20 июля из той же Конной армии к полякам перешел Кубанский полк под командованием есаула И.Я. Лаштабеги. (14 августа полк по просьбе казаков был переведен в интернированный корпус генерала М. Бредова, чтобы присоединиться к войскам генерала П. Врангеля в Крыму) [50]. Н.С. Присяжный писал, что полк увел помощник командира бригады Раменский [31, с. 43].

Как уже говорилось, Кубанский полк был сформирован в Упраформе 1-й Конной армии из 1-го и 2-го Уманских полков, сдавшихся большевикам в марте 1920 г. [31, с. 43].

Командир полка увел к полякам 300 сабель, из них – 60 бывших офицеров.

С.М. Буденный не обошел этот случай своим вниманием: «Но был и у нас позорный случай... Произошло это как раз во время описываемых событий. В ходе боев за Кременец Кубанский полк численностью до 400 сабель из резервной бригады, входившей в кавгруппу А. М. Осадчего, бросил свой участок и перешел на сторону врага. Этот полк был сформирован из пленных казаков и, как показало расследование, был спровоцирован к бегству бывшими белогвардейскими офицерами» [39, с. 210].

Н.В. Ракитин вспоминал: «В ночь после неудачного наступления на Кременец из группы Осадчего к полякам перешел в полном составе Кубанский полк» [51, с. 114]. Он привел несколько деталей: «На утро мы узнали об измене полка от политработников и коммунистов этого полка, с вечера запертых, ушедшими в каком-то сарае... Кубанский полк до сих пор отлично дрался в составе группы. Будучи вместе с группой в тылу поляков под Почаевом, он имел тогда возможность перейти на сторону белых с меньшим риском. Что побудило его изменить именно теперь – осталось загадкой» [51, с. 115].

Военком группы видел причину в том, что в бою под Подгайцами Г. Котовский, бригада которого входила в состав группы А. Осадчего, забрал трофеи полка, а бойцов обзывал «белогвардейской сволочью» [31, с. 43].

14 июля Г. И. Котовский действительно рапортовал, что его бригадой захвачено 2 орудия и зарядный ящик [52, с. 218]. При Советской власти этот «народный герой» удостоился посмертного мавзолея, но кубанские казаки его выходки терпеть не стали.

Других случаев перехода к противнику из рядов Конной армии не обнаружено.

Интересна ситуация с командным составом буденновской конницы, как он количественно и качественно изменялся в ходе польской кампании.

На 1 июня 1920 года в 1-й конной армии было 1509 человек командного состава, 267 штыков, 16150 сабель, 362 пулемета, 48 орудий, но 27182 лошади [53]. Естественно, боевые действия влекли за собой потери.

Военные специалисты подсчитали, что потери в коннице на польском фронте оказались в 5 раз выше, чем в Мировой войне [35, с. 138]. Особо большие потери были понесены в конце августа - начале сентября 1920 года. По польским данным, в Конной армии в то время было 11590 сабель, 1418 штыков, 387 пулеметов, 72 орудия [54, р. 295].

По советским данным, на 3 сентября 1920 года, после выхода из сражения под Замостьем-Комаровом, командный состав Конной армии насчитывал 1465 человек [53]. То есть, количественно он мало изменился. Но имели место очень серьезные изменения. Как указывал Н.С. Присяжный, «в общей сложности за период польско-врангелевской кампании (июнь – ноябрь 1920 г.) в четырех дивизиях Первой Конной начдивы менялись 15 раз. Еще более пестрая картина наблюдалась в низовых подразделениях - полках и эскадронах. Здесь назначения и перемещения приняли характер вульгарной перетасовки» [31, с. 37].

Но тенденция все же просматривается. Вот несколько интересных чисел: в мае 1921 г. (правда, уже после боев с Врангелем) «заместитель начальника особого отдела Конармии в докладе в ПУР указывал, что количество армейского комсостава, ранее служившего у белых, доходит в Первой Конной до 2000 из них бывших офицеров — 300 человек» [31, с. 23]. То есть, командный состав при выходе из окружения – 1465 человек, а бывших белых среди командиров через полгода 2000 (из них 300 офицеров). Бросающийся в глаза вывод: вакантные командные должности в Конной армии прямо на поле боя занимали бывшие белые казаки и офицеры.

Таким образом, казаки были в составе Конной армии изначально, но в момент формирования этой армии составляли в ней весьма незначительный процент. По мере перехода казаков на сторону большевиков, росло их количество и в Конной армии. Резкий рост их числа произошел в марте-апреле 1920 года после сдачи на Черноморском побережье Донской армии. Часть казаков, вступивших в Конную армию, перешла на сторону противника, иногда это происходило при первой же возможности. Но большинство оставалось в рядах Конной армии. Командование Конной армии ценило казаков как командный состав, выдвигая их на освобождающиеся в результате боевых потерь командные должности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

- Силы большевиков против Дона//Новая Донская жизнь. 1918 12(25) ноября. С. 2–3.
- Бенков А.В., Зубков В.Н. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920. Выпуск 2. Мобилизованная армия. Ростов-на-Дону: Антей, 2015. - 400 с.
- Пученков А.С. Слащев Я.А. «О Добрармии в действии в 1918 году» Часть 1 // Новейшая история России // Modern history of Russia. 2015. № 3. С. 193 – 235.
- РГВА, ф.1304, оп.1, д.477.
- Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Т.3. М.: Госполитиздат, 1969. – 515 с.
- Макаров М. Красное казачество и Советская власть//Известия ВЦИК. 1919. 9 декабря. № 276. С.1.
- Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над тихим Доном : Ист. очерк о гражд. войне на Дону. - Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1984. - 176 с.

- ГАРФ. Ф.1235. Оп.84. Д.9.
- Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 года. Под общей редакцией В.Н. Ратушняка. Краснодар. Советская Кубань. 1996г. 656с.
- Советская власть и казачество. //Известия ВЦИК. 1920. 3 января.
- РГВА. Ф. 107.Оп.1. Д. 7.
- Боевой путь блинцев. История боев и походов 5 Ставропольской имени товарища Блинова кавалерийской дивизии. Ставрополь. Изд. Ставропольского Окружного Исполнительного комитета и «Северный Кавказ», 1930. – 235 с.
- РГВА. Ф. 191.Оп.3. Д. 690.
- Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 4. М.: Воениздат, 1978. 728 с.
- Ленин В.И. Телеграмма И.Т. Смилге и Г.К. Орджоникидзе // Полное собрание сочинений. Т.51. С.159.
- ГАРФ. Ф. 1235. Оп.83. Д.2.
- Воскобойников Г.Л., Соловов А.И.* Казачий Отдел ВЦИК Советов (1917-1920 гг.) Документально-исторический очерк. М. Изд-во Киновидеокомпания «Ментор Синема», 2002. – 159 с.
- Моисеев М.А.* Былое//Родимый край. № 95. Июль – август 1971 г. С. 17 – 22.
- Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Мн. Харвест. 2002. – 464 с.
- Калинин И.М.* Под знаменем Врангеля: Заметки бывшего военного прокурора. Ростов н/Д. Кн. Изд-во, 1991. – 352 с.
- Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т.2. М. Политиздат, 1990. – 431 с.
- ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 7.
- Раковский Г.Н.* В стане белых // www.dk1868.ru/history/rakovskiy1.htm
- Моисеев М.А.* Былое // Родимый край. № 96. Сентябрь – октябрь 1971 г. С. 16 – 20.
- Моисеев М.А.* Былое// Родимый край. № 97. Ноябрь- декабрь 1971 г. С. 17 – 22.
- ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 4.
- Лосев П.С.* После Новороссийска // Родимый край. 1972. № 98. Январь-февраль. С. 20-23.
- Душенькин В.В.* Вторая конная. М.: Воениздат, 1968. – 215 с.
- Бабель И.* Конармия. Рассказы, дневники, публицистика. – М.: Правда, 1990. - 480 с.
- Бедный Д.* 1920. Казак Бубнов // Трудовая жизнь. № 7. 16 мая. С. 1.
- Присяжный Н.С.* Первая Конная армия на польском фронте. Ростов-на-Дону: Книжное изд-во, 1992. – 64 с.
- Футорянский Л.И.* Казачество России в огне гражданской войны (1918-1920 гг.). Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2003. – 474 с.
- Тюленев И.В.* Первая Конная в боях за социалистическую родину: очерк боевых действий. – М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1938. – 216 с.
- Корчин М.* Революционные выступления донского казачества (1905-1919). Ростов-на-Дону. Ростовск. КН. из-во. 1941. – 34 с.
- Клюев Л.Л.* Первая Конная Красная армия на польском фронте в 1920 году. М.: Государственное военное издательство, 1932. – 180 с.
- РГВА. Ф.6. Оп.6. Д.47.
- Добагов И.К.* Казачество Баталпашинского отдела в 1917-1920 гг. // Казачество в революциях и гражданской войне. Материалы второй Всесоюзной научной конференции Черкесск, 9-11 сентября 1986 года. Черкесск, 1988. С. 247 – 256.
- Грищенко А.Н.* «Освободить народ от ига и плача»: повстанческое движение Григория Маслакова // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты. Сборник статей и материалов. М.: АИРО-XXI. 2014. С. 168 – 200.
- Буденный, С.М.* Пройденный путь. Кн. 2. – М. : Воениздат, 1965. – 392 с.
- Тюленев И.В.* Через три войны. – М.: Воениздат, 1972. – 256 с.
- Подломаев Д.* Знаменитый хутор // Молот. 1936. 15 мая. С.3.
- РГВА. Ф. 245. Оп.4. Д. 211.
- РГВА. Ф. 245. Оп.4. Д. 190.
- ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 26.

11-я кавалерийская дивизия Красной армии и борьба с повстанческими формированиями на Украине и Гомельщине в 1920-1922 гг. // <https://dzen.ru/a/XY3IL5WqpwCt5ZuT>

Венков А.В. Донская армия. Организационная структура и командный состав 1917-1920. Вып.1. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – 422 с.

Лица советской кавалерии, Шапкин Тимофей Тимофеевич, генерал-лейтенант - белый есаул // <https://karabai96.livejournal.com/26864.html>

Дробязко С.И. Переход казаков из кавалерийских частей РККА на сторону противника в ходе Польской кампании 1920 года//Феномен красной конницы в гражданской войне. М.: АИРО – XXI, 2021. С. 266 – 273.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922): Сб. док. в 4 т. Т. III. Апрель 1920 г.-1922 г. М.: Воениздат, 1974. — 770 с.

Казаки на стороне поляков. 1920. Часть 1 // *Kawaleria Przeciwników i Sojuszników Wojska Polskiego w Latkach 1918-1921*, pod redakcją: Aleksandra Smolińskiego. Toruń 2003: <https://beloe-dvijenie.livejournal.com/537965.html>

Ракитин Н.В. Записки конармейца. М.: Федерация, 1931. – 280 с.

Г.И. Котовский. Документы и материалы. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1956. – 624 с.

Клюев Л.Л. Первая Конная Красная армия на польском фронте в 1920 году. М.: Государственное военное издательство, 1932. Приложение 1.

Wyszczelski Lech. Kampania Ukraińska 1920 roku. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2008. 373 s.

REFERENCES:

1. Sily bol'shevikov protiv Dona [The Bolshevik forces against the Don]// *Novaya Donskaya zhizn'* [A new Don life]. 1918 November 12(25). pp. 2-3.

2. Venkov A.V., Zubkov V.N. Donskaya armiya. Organizacionnaya struktura i komandnyj sostav. 1917–1920. Vypusk 2. Mobilizovannaya armiya [The Don Army. Organizational structure and command staff. 1917–1920. Issue 2. The mobilized army]. Rostov-on-Don: Antey, 2015. 400 p.

3. Puchenkov A.S. *Slashchev Ya.A.* «O Dobrarmii v dejstvii v 1918 godu» Chast' 1 [Slashchev Ya.A. "On the The Volunteer Army in action in 1918" Part 1]// *Novejshaya istoriya Rossii* [Modern history of Russia]. 2015. No. 3. pp. 193-235.

4. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian State Military Archive (RSMA). F.1304. Op.1, D.477.

5. Perepiska Sekretariata CK RKP(b) s meštnymi partijnymi organizacijami [Correspondence of the Secretariat of the Central Committee of the Russian Communist Party(b) with local party organizations]. Vol.3. Moscow: Gospolitizdat, 1969. 515 p.

6. Makarov M. Krasnoe kazachestvo i Sovetskaya vlast' [The Red Cossacks and the Soviet government]// *Izvestiya VCIK* [Izvestiya of All-Russian Central Executive Committee]. 1919. December 9. No. 276. p.1.

7. Khmelevsky K.A., Khmelevsky S.K. Burya nad tihim Donom : Ist. ocherk o grazhd. vojne na Donu [The Storm over the Quiet Don : An historical essay on civil war on the Don]. Rostov-on-Don: Publishing house, 1984. 176 p.

8. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [The State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F.1235. Op.84. D.9.

9. Ocherki istorii Kubani s drevnejshih vremen do 1920 goda [Essays on the history of Kuban from ancient times to 1920]. Under the general editorship of V.N. Ratushnyak. Krasnodar. The Soviet Kuban. 1996. 656s.

10. Sovetskaya vlast' i kazachestvo [The Soviet government and the Cossacks]//*Izvestiya VCIK* [Izvestiya of All-Russian Central Executive Committee]. 1920. January 3.

11. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian State Military Archive (RSMA). F. 107.Op.1. D. 7.

12. Boevoj put' blinovcev. Istoriya boev i pohodov 5 Stavropol'skoj imeni tovarishcha Blinova kavalerijskoj divizii [The combat path of the Blinovtsy. The history of battles and campaigns of the 5th Stavropol cavalry division named after Comrade Blinov]. Stavropol. Ed. Stavropol District Executive Committee and the North Caucasus, 1930– 235 p.

13. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian State Military Archive (RSMA). F. 191.Op.3. D. 690.

14. Direktivy komandovaniya frontov Krasnoj armii [Directives of the Red Army front command]. Vol. 4. Moscow: Voenizdat, 1978. 728 p.

15. Lenin V.I. Telegramma I.T. Smilge i G.K. Ordzhonikidze [Telegram to I.T. Smilga and G.K. Ordzhonikidze // *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. Vol.51. p.159.

16. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [The State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F.1235. Op.84. D.9. F. 1235. Op.83. D.2.

17. *Voskoboinikov G.L., Solovov A.I.* Kazachij Otdel VCIK Sovetov (1917-1920 gg.) Dokumental'no-istoricheskij ocherk. [The Cossack Department of the All-Russian Central Executive Committee of Soviets (1917-1920) A documentary and historical essay]. Moscow, Publishing house of the Mentor Cinema Film Company, 2002. - 159 p.
18. *Moiseev M.A.* Byloe [The Past]//Rodimyj kraj [The native land]. № 95. July – August 1971, pp. 17-22.
19. *Denikin A.I.* Ocherki russoj smuty: Vooruzhennye sily yuga Rossii. Zaklyuchitel'nyj period bor'by. Yanvar' 1919 – mart 1920 [Essays on the Russian Troubles: The Armed Forces of Southern Russia. The final period of the struggle. January 1919 – March 1920]. Minsk: Harvešt. 2002. – 464 p.
20. *Kalinin I.M.* Pod znamenem Vrangelya: Zametki byvshego voennogo prokurora [Under the banner of Wrangel: Notes of a former military prosecutor]. Rostov-on-Don: Publishing House, 1991. 352 p.
21. *Kakurin N.E.* Kak srazhalas' revolyuciya [How the revolution fought]. Vol. 2. M.: Politizdat, 1990. – 431 p.
22. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [The State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. 1235. Op. 84. D. 7.
23. *Rakovskiy G.N.* V štane belyh [In the camp of the "whites"]//www.dk1868.ru/history/rakovskiy1.htm
24. *Moiseev M.A.* Byloe [The Past]// Rodimyj kraj [The native land]. № 96. September – October 1971, pp. 16-20.
25. *Moiseev M.A.* Byloe [The past]// Rodimyj kraj [The native land]. № 97. November- December 1971, pp. 17-22.
26. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [The State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. 1235. Op. 84. D. 4.
27. *Losev P.S.* Posle Novorossijska [After Novorossiysk]//Rodimyj kraj [The native land]. 1972. № 98. January-February. pp. 20-23.
28. *Dushenkin V.V.* Vtoraya konnaya [The second mounted army]. Moscow: Voenizdat, 1968. – 215 p.
29. *Babel I.* Konarmiya. Rasskazy, dnevniki, publicistika [Mounted army. Short stories, diaries, journalism]. – M.: Pravda, 1990. - 480 p.
30. *Bednyj D.* 1920. Kazak Bubnov [1920. Cossack Bubnov]// Trudovaya zhizn' [Working life]. No. 7. May 16. c. 1.
31. *Prisyazhny N.S.* Pervaya Konnaya armiya na pol'skom fronte [The First Cavalry Army on the Polish front]. Rostov-on-Don: Book Publishing House, 1992. 64 p.
32. *Futoryansky L.I.* Kazachestvo Rossii v ogne grazhdanskoj vojny (1918-1920 gg.) [The Cossacks of Russia in the flames of the Civil War (1918-1920)]. Orenburg: Orenburg State University, 2003. 474 p.
33. *Tyulenev I.V.* Pervaya Konnaya v boyah za socialisticheskuyu rodinu: ocherk boevyh dejstvij [The first Cavalry Army in the battles for the socialist Motherland: an outline of military operations]. Moscow: State Military Publishing House of the People's Commissariat of Defense of the USSR, 1938. - 216 p.
34. *Korchin M.* Revolyucionnye vystupleniya donskogo kazachestva (1905-1919) [The revolutionary actions of the Don Cossacks (1905-1919)]. Rostov-on-Don: Publishing house. 1941. – 34 c.
35. *Klyuev L.L.* Pervaya Konnaya Krasnaya armiya na pol'skom fronte v 1920 godu [The first Mounted Red Army on the Polish front in 1920]. Moscow: State Military Publishing House, 1932. 180 p.
36. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian State Military Archive (RSMA)]. F.6. Op.6. D.47.
37. *Dobagov I.K.* Kazachestvo Batalpashinskogo otdela v 1917-1920 gg [Cossacks of the Batalpashinsky department in 1917-1920]// Kazachestvo v revolyuciyah i grazhdanskoj vojne. Materialy vtoroj Vsesoyuznoj nauchnoj konferencii Cherkessk, 9-11 sentyabrya 1986 goda [Cossacks in revolutions and civil war. Proceedings of the second All-Union Scientific Conference Cherkessk, September 9-11, 1986]. Cherkessk, 1988. pp. 247-256.
38. *Grishchenko A.N.* «Osvobodit' narod ot iga i placha»: povstanchesкое dvizhenie Grigoriya Maslakov [“To free the people from the yoke and crying”: the rebel movement of Grigory Maslakov]// Ot «germanskoj» k Grazhdanskoj: stanovlenie korpusa narodnyh vozhakov russoj smuty. Sbornik statej i materialov [From the “German” to the Civil: the formation of the corps of national leaders of the Russian troubles. Collection of articles and materials]. Moscow: AIRO-XXI. 2014. pp. 168 – 200.
39. *Budyonny, S.M.* Projdenyj put' [The path traveled]. Book 2. Moscow : Voenizdat, 1965. 392 p.
40. *Tyulenev I.V.* Cherez tri vojny [Through three wars]. Moscow: Voenizdat, 1972. 256 p.
41. *Podlomaev D.* Znamenitij hutor [Famous farm]//Molot[Molot]. 1936. May 15. S.3.
42. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian State Military Archive (RSMA)]. F. 245. Op.4. D. 211.
43. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian State Military Archive (RSMA)]. F. 245. Op.4. D. 190.
44. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [The State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. 1235. Op. 84. D. 26.

45. 11-ya kavalerijskaya diviziya Krasnoj armii i bor'ba s povstanchesкими formirovaniyami na Ukraine i Gomel'shchine v 1920-1922 gg [11th Cavalry Division of the Red Army armies and the fight against insurgent formations in Ukraine and Gomel region in 1920-1922] <https://dzen.ru/a/XY3IL5WqmwCt5ZuT>
46. Venkov A.V. Donskaya armiya. Organizacionnaya struktura i komandnyj sostav 1917-1920 [The Don Army. Organizational structure and command staff 1917-1920]. Vol.1. Rostov-on-Don: Publishing House of the SSC RAS, 2014. – 422 p.
47. Lica sovetской kavalerii, Shapkin Timofej Timofeevich, general-lejtenant - belyj esaul [The faces of the Soviet cavalry, Shapkin Timofej Timofeevich, Lieutenant General – the major of the White Army]//<https://karabai96.livejournal.com/26864.html>
48. Drobiazko S.I. Perekhod kazakov iz kavalerijskih chastej RKKA na storonu protivnika v hode Pol'skoj kampanii 1920 goda [The transfer of Cossacks from the cavalry units of the Red Army to the enemy during the Polish campaign of 1920] // Fenomen krasnoj konnicy v grazhdanskoj vojne [The phenomenon of the Red cavalry in the Civil War]. Moscow: AIRO – XXI, 2021. pp. 266-273.
49. Direktivy komandovaniya frontov Krasnoj Armii (1917-1922): Sb. dok. v 4 t. T. III. Aprel' 1920 g.-1922 g. [Directives of the Red Army Front Command (1917-1922): Collection of documents. in 4 vols. Vol. III. April 1920-1922]. Moscow: Voenizdat, 1974. 770 p.
50. Kazaki na storone polyakov. 1920. Chast' 1 [The Cossacks on the side of the Poles. 1920. Part 1] // Kawaleria Przeciwnikow i Sojusznikow Wojska Polskiego w Latkach 1918-1921, pod redakcją: Aleksandra Smolińskiego. Toruń 2003: <https://beloe-dvijenie.livejournal.com/537965.html>
51. Rakitin N.V. Zapiski konarmejca [Notes of a cavalry officer]. Moscow: Federation, 1931. 280 p.
52. G.I. Kotovsky. Dokumenty i materialy [Documents and materials]. Chisinau: State Publishing House of Moldavia, 1956. – 624 p.
53. Klyuev L.L. [The first Mounted Red Army on the Polish front in 1920]. Moscow: State Military Publishing House, 1932. Appendix 1.
54. Wyszczelski Lech. Kampania Ukrainska 1920 roku. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2008. 373 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Андрей Вадимович Венков – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

andrey_venk@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

2024.

Andrey Vadimovich Venkov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation.

УДК 930

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (АНАЛИЗ ОПЫТА ДОНСКИХ КАЗАКОВЕДОВ)

© 2025 г. Скорик А.П.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова (г. Новочеркасск, Россия)

В статье с историографических позиций предпринимается попытка рассмотреть одну из форм публичного профессионального диалога историков-казаковедов и определить степень её содержательного влияния на актуальную исследовательскую практику. На конкретных примерах опыта общения донских казаковедов научный семинар предстаёт в качестве многозначного дополнительного историографического источника в казаковедении, выступает в форме проблемно-исследовательской площадки, используется как инструмент живого, академического профессионального диалога учёных, становится ареной публичных историографических дискуссий по казаковедческой тематике.

Ключевые слова: дискуссия, исследования, историки, казаковедение, научные перспективы, точки зрения.

UDC 930

SCIENTIFIC SEMINAR AS A HISTORIOGRAPHICAL SOURCE (ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF THE DON COSSACKS)

Skorik A.P.

M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI)(Novocherkassk, Russia)

Abstract. The article, from a historiographical position, attempts to consider one of the forms of public professional dialogue among Cossack historians and determine the degree of its substantive influence on current research practice. Using specific examples of the experience of communication between Don Cossack scholars, the scientific seminar appears as a multi-valued additional historiographical source in Cossack studies, acts in the form of a problem-based research platform, is used as a tool for lively, academic professional dialogue between scientists, and becomes an arena for public historiographical discussions on Cossack topics.

Keywords: discussion, research, historians, Cossack studies, scientific perspectives, points of view.

Если исходить с той точки зрения, что исследовательские работы историков могут быть представлены в любой приемлемой для восприятия научным сообществом форме и отталкиваться от квалифицирующего обозначенные работы критерия о содержании в них существенной информации об истории исторической науки, то круг историографических источников окажется достаточно широк, и в него вполне можно включать научные семинары, которые, казалось бы, при обобщённом статусном сопоставлении проигрывают научным конференциям и научным чтениям, гораздо более привычным в историческом профессиональном сообществе источникам историографических фактов. Однако, на наш взгляд, научные семинары по консолидирующей коллег проблематике несут в пространство исторического творчества отнюдь не менее значимые историографические факты, ибо на них также происходит должное осмысление/переосмысление истори-

ческих источников заинтересованными исследователями, позиционируется новая субъективная оценка исторических фактов, или более детально излагается личностно ориентированная позиция по ранее публично поставленной докладчиком научной проблеме, или же по совершенно новому дискурсу.

При традиционной трактовке научного семинара он вполне правомерно рассматривается в научном сообществе историков в качестве одной из довольно эффективных форм повышения профессиональной квалификации, но если учитывать иные отграничивающие критерии понятия, то не менее значимым содержательным параметром выступает наличная возможность ознакомления с исследовательскими работами коллег-историков в авторской их интерпретации, и это самое обстоятельство позволяет прояснить для собравшейся аудитории немало интереснейших нюансов, которые далеко не всегда удаётся обнаружить, скажем, при чтении стандартной научной статьи по вызывающей интерес теме. Научный семинар, в отличие от устоявшихся в научном сообществе историков коллаборационных практик традиционной научной конференции, в большей мере нацелен на обсуждение, ибо количество рассматриваемых работ существенно ограничено обычно двумя-тремя проектами, причём, их последующее обсуждение имеет три эталонные характеристики: *во-первых*, оно происходит в публичной форме; *во-вторых*, как правило, организаторы стремятся собрать коллектив заинтересованных лиц, прежде всего, профессиональных историков; *в-третьих*, научный семинар по определению предполагает дискуссию по рабочей версии презентуемого проекта, некое предварительное обсуждение. Здесь ключевым критерием выступает научная информация, находящаяся в центре обсуждения на научном семинаре, потому что от неё зависит эффективность мероприятия и итоговые компетенции участников, начиная с докладчика (докладчиков), поскольку в процессе подготовки к научному семинару всегда неизбежно происходит приращение знания, и заканчивая рядовыми участниками семинара, научный багаж которых может быть пополнен, прежде всего, новыми знаниями, а поскольку речь идёт о семинаре не менее значимо знакомство с авторской траекторией научного поиска и методами (творческой лабораторией) его осуществления, и, наконец, для научного семинара присуща оптимизация взаимодействия между частью участников по поводу реализации отдельных научных проектов и целевых программ исследования как грантового, так и инициативного характера.

Статусный научный семинар предполагает наличие четырёх акторов исторического творчества: автор или авторы (докладчики и содокладчики); организатор или организаторы (модераторы или сомодераторы); участники (собравшаяся научная аудитория); историограф(ы), причём, каждый из четырёх вышеназванных субъектов выполняет свою знаковую научно-организационную функцию, когда автор или авторы (докладчики) задают базисные параметры предстоящей дискуссии и распределяют научную информацию в смысловых рамках самостоятельно избранного плана-проспекта изложения материала; организаторы (модераторы) определяют общий вектор обсуждения при разработке повестки научного семинара и обеспечивают надлежащий состав научной аудитории; участники дискуссии (собравшаяся научная аудитория) ведут предметный разговор на заданную тему, помогают докладчику прояснить свою научную позицию и своим активным участием создают искомый историографический факт; историограф(ы), образно говоря, ставят точку, или же запятую при фиксации (описании) состоявшегося научного семинара

как историографического источника. В качестве примера для анализа обратимся к практике проведения Донского казаковедческого научного семинара, который нами рассматривается в качестве актуального историографического источника по казаковедческой проблематике.

Первое заседание Донского казаковедческого научного семинара на базе Южно-го федерального университета (ЮФУ) состоялось в г. Ростове-на-Дону 21 мая 2021 г., и в состав его организационного комитета входили: Наталья Валерьевна Дмитриева – кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и международных отношений ЮФУ по научной работе; Артем Юрьевич Перетятко – кандидат исторических наук, преподаватель Лицея ЮФУ; Дмитрий Владимирович Сень – доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений ЮФУ. Этот межрегиональный научный семинар проходил в смешанном формате (очное участие дополнялось подключением группы иногородних учёных по видеоконференцсвязи), благодаря чему выступили: доктор исторических наук, профессор исторического факультета Запорожского национального университета (г. Запорожье, Украина) Владимир Иванович Мильчев с докладом «Проекты российской монархии XVIII в. по реформированию Войска Запорожского Низового» и кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Таганрогского института имени А.П. Чехова – филиала Ростовского государственного экономического университета (г. Таганрог, Россия) Алексей Александрович Волвенко с докладом «Казачья военная служба и её эволюция в позднеимперский период (1835–1917 гг.): историографический аспект».

Профессор В.И. Мильчев представил собравшимся на основе изученных им материалов из архивных собраний Российской Федерации и Украины анализ действий российских властей, начиная от царя Петра I и до императрицы Екатерины II включительно, предметно раскрывающий предпринимавшиеся попытки реформирования Войска Запорожского Низового (ВЗН). В результате украинскому исследователю удалось обобщить и детально описать совокупность разновременных планов и проектов по реформированию и даже возможной ликвидации ВЗН, которые исходили от конкретных представителей имперских властей, реконструировать порядок предпринятых конкретных действий российских управленцев по унификации устройства ВЗН и по взятию Сечи под правительственный контроль.

Установление полной политико-административной зависимости ВЗН от имперского центра достигалось: *во-первых*, за счёт распространения практики обязательного отбывания воинской службы ВЗН во время войн, которые вела Российская империя; *во-вторых*, ограничения свободного притока населения из внутренних областей России на Запорожье; *в-третьих*, включения территории Вольностей Запорожских в систему пограничного и таможенного контроля Российского государства. Естественная реакция запорожского казачества на подобные управленческие новации принимала характер как открытых антиправительственных выступлений, так и латентного (пассивного) саботирования воплощения законодательных инициатив имперского центра. Разрешение «запорожской» проблемы в течение периода 1750-х – 1760-х гг. конкретизировалось отдельными проектами высшего военного командования и гражданской администрации в лице киевского генерал-губернатора Михаила Ивановича Леонтьева (его проект запорожского самоуправления положили в столичном Санкт-Петербурге под сукно), генерал-губернатора Малороссии Петра Александровича Румянцева (провёл генеральную опись Малороссии,

получившей наименование Румянцевской, организовал выборы депутатов Уложенной комиссии, следил за составлением наказов и правил эти тексты) и командующего поселёнными войсками (ландмилицией) Украинской линии Карла Фёдоровича фон Штоффельна (проект реформирования устройства Запорожья), представлявшимися на рассмотрение императрицам. Именно такие проекты легли в основу принятия управленческого решения по ликвидации Войска Запорожского Низового в 1775 г.

Таганрогский учёный А.А. Волвенко в своём докладе подчеркнул, что в многочисленных трудах по истории казачества военная тематика, безусловно, является доминирующей. В них разбираются вопросы участия казаков в войнах, отдельных сражениях, операциях, походах и пр. Раскрытие же различных аспектов организации казачьей военной службы, форм и методов допризывной подготовки и мобилизации казаков, в таких работах, как правило, имеет подчинённый, косвенный характер. Тем не менее, существуют отдельные исследования, в которых упомянутые аспекты являются главной целью изучения или же представлены в более детализированном виде.

В докладе рассматривались основные достижения дореволюционной историографии и делался вывод о том, что подавляющее большинство авторов досоветского периода, освещавших историю казачества и его службу Российскому государству являлись военными специалистами – действующими или находящимися в отставке (запасе) офицерами, чиновниками Военного министерства, войсковых администраций и пр. Как правило, они имели казачье происхождение, следовали позитивистской традиции в своём историописании, предпочитая историко-статистические исследования с привлечением богатого архивного материала. Намечавшаяся в начале XX в. тенденция прихода в казачью историографию «гражданских» авторов в полной мере реализовалась в советский и современный период. Осуществлённые советскими историками редкие описания конкретных проявлений казачьей службы второй половины XIX – начала XX вв. не внесли в её картину ничего принципиально нового по сравнению с достижениями дореволюционной историографии.

Современные российские историки, гораздо менее подверженные идеологическим веяниям, но достаточно живо реагирующие на запросы возрождающегося казачества, актуализировали изучение многогранной военной службы казаков. После краткого обзора результативности современной историографии в докладе отдельно разбирались авторские труды А.В. Ганина, А.Ю. Перетятко и А.Ю. Соколова, а также делался вывод о зарубежном взгляде на эволюцию казачьей военной службы позднеимперского периода.

В историографическом плане доклад профессора В.И. Мильчева подчёркивает существенную взаимосвязь исторического факта и его теоретического осмысления, содержащегося эмпирического знания в историческом факте и параметров имперского порядка, поднимает в избранном предметном локусе проблему социальной обусловленности, характерную для определённой совокупности историографических фактов. Мы видим последовательную логическую цепочку: от факта-события к факту-знанию и далее переход к факту-альтернативе. А вот доклад доцента А.А. Волвенко с историографических позиций можно оценивать, как попытку поставить исследование исторических фактов на научную почву, ибо существующие стандартные описания воинской службы в литературе он подаёт в качестве

историографической тенденции, вектор развития которой постепенно выводит нас на интересные и уникальные исторические детали, подчёркивающие удивительную многогранность военной службы казаков.

Второе заседание Донского казаковедческого научного семинара на базе Южного федерального университета состоялось в г. Ростове-на-Дону 24 июня 2021 г. в таком же смешанном формате, и на нём выступили: доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия) Елена Викторовна Годовова с докладом «Адаптация женщин-мусульманок в казачьем обществе как исследовательская проблема (на примере Оренбургского казачьего войска)» и доктор искусствоведения, профессор Ростовской государственной консерватории имени С.В. Рахманинова (г. Ростов-на-Дону, Россия) Татьяна Семёновна Рудиченко с докладом «Гендерный фактор в традиционной культуре донских казаков».

Исследование адаптации женщин-мусульманок и попадания их в казачий социум, по мнению, Е.В. Годовой, следует рассматривать в двух аспектах. Во-первых, казаки приводили с собой мусульманок в качестве «трофея» и делали своими жёнами, обращая в православие. Во-вторых, казаки-мусульмане вместе с семьями входили в состав казачьего войска и переселялись на его территорию. В составе Оренбургского казачьего войска в середине XIX в. насчитывалось 48 поселений татар-казаков. Архивные и историко-этнографические материалы свидетельствуют о сохранении в повседневной жизни казачками-мусульманками этноидентичности, причём как в быту, во внешнем виде, так и в психологическом восприятии. Исследование материалов Оренбургского магометанского духовного собрания свидетельствует, что, начиная с середины XIX в. повышается правосознание казачек-мусульманок, и они, в случае измен мужей, побоев, публичных оскорблений начинают отстаивать свои права в суде.

В докладе Т.С. Рудиченко определялись аспекты изучения культуры донских казаков с позиции гендерного подхода (стратификация общины, институты социализации, традиционные занятия; гендерные роли и поведенческие стереотипы). Выделялись сущностные характеристики, такие как специфическое преломление основополагающей социокультурной оппозиции мужское/женское во внешнем и внутреннем быту; маскулинная доминанта в формировании традиционной культуры и системных отношений её компонентов, обнаруживающая параллели в культуре других народов. Прослеживалась дифференциация мужских и женских ролей, статусов, их историческая динамика в соотношении с возрастной стратификацией общины. На конкретных примерах показывалось как в маскулинно ориентированной культуре в определённых социально-исторических условиях происходит перераспределение функций и замещение ролей.

Модераторами на втором заседании Донского казаковедческого научного семинара, как и на первом, выступили: доктор исторических наук Д.В. Сень и кандидат исторических наук А.Ю. Перетятко. Сочетание опыта и молодости вносило свой шарм в научную дискуссию.

Оба доклада на втором заседании продемонстрировали ограниченность вариативности женского гендерного дисплея в дореволюционном обществе. Но профессор Е.В. Годовова сосредоточилась на гендерных интерпретациях антропологии межэтнического казачьего брака на примере Оренбургского казачьего войска, а профессор Т.С. Рудиченко обратилась к практике применения концепции гендер-

ного режима к социуму переходного типа, в качестве которого ею рассматривались сообщества донских казаков. В историографическом плане в обоих случаях речь идёт о тенденции научной реконструкции гендерных ролей на территории «дома» и анализе гендерных стереотипов в казачьей среде.

Третье заседание Донского казаковедческого научного семинара прошло в этнопарке «Кумжа» (расположен на улице Кумженская, 1-Ж, г. Ростов-на-Дону) 1 октября 2021 г. в таком же смешанном формате (очном и в режиме удалённого доступа), и на нём выступили: кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Краснодар, Россия) Андрей Викторович Дюкарев с докладом «Основные направления и результаты генеалогических исследований кубанского казачества (1990-е гг. – 2020 г.)» и доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия) Николай Александрович Мининков с докладом «Дон на картах XVII–XVIII вв.: от искусства к основам научной картографии». Модераторами третьего заседания являлись доктор исторических наук Д.В. Сень и кандидат исторических наук А.Ю. Перетяцько. В состав организационного комитета межрегионального научного семинара на его третьем заседании вошёл кандидат исторических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой специальных исторических дисциплин, методики преподавания истории и обществознания Института истории и международных отношений ЮФУ Евгений Владимирович Шандулин.

Независимый исследователь А.В. Дюкарев в своём выступлении подчеркнул, что генеалогические исследования кубанского казачества в период 1990-х гг. – 2020 г. ориентировались как на теоретические вопросы региональной и этносоциальной генеалогии, так и на практические сюжеты казачьей семейной истории. Докладчик затронул проблемы формирования источниковой базы генеалогических исследований казачьего социума и особенности обозначенной группы исторических источников, соотношение и взаимосвязь классической генеалогии и генеалогических исследований, направленных на изучение локальных региональных групп казачества. В практической плоскости им была осуществлена историческая реконструкция генеалогических древ казачьих родов: Бурсаков, Кухаренко, Щербины, Науменко и других фамилий, принадлежащих к социальной элите Кубанского казачьего войска, а также он реставрировал семейные истории рядового казачества. Тем самым, удалось отработать общую когнитивную схему презентации казачьих генеалогий в историко-культурном контексте формирования кубанского казачества, исходные основания которой были представлены автором в его кандидатской диссертации на материалах родословной атамана В.Г. Науменко. Казачьи генеалогии, по мнению А.В. Дюкарева, отражают не только взаимодействие, но и взаимообусловленность различных сфер жизни в историческом прошлом, актуальном настоящем и грядущем будущем. Они, с одной стороны, сами по себе выступают результатом исторического исследования, с другой стороны, позволяют выяснить мотивы большинства поступков и описать действия исторических личностей, а это открывает увлекательные перспективы развития генеалогии российского казачества.

По мнению профессора Н.А. Мининкова, одним из репрезентативных визуализированных источников по истории донского казачества XVII–XVIII вв. являются артефакты западноевропейской и русской картографии. На многочисленных

картах представлена территория Земли донских казаков, что позволяет судить не только о реальных масштабах расселения, но и ряде других идентифицирующих параметров социальной группы. Как правило, исследователю приходится иметь дело с общими картами Московского государства или картами отдельных частей России из атласов XVIII в. Картографы, начиная с XVII в., активно наносили казачьи поселения, свидетельствующие о социокультурной динамике развития казачьей общности. Изначально карты в известном смысле представляли собой произведения искусства, в которых лишь со временем всё более и более заметным атрибутом становился научно-справочный аппарат. К нему, в частности, относились указание на масштабы карт, позволявшие определять расстояния, скажем, между казачьими населёнными пунктами, прорисовка градусной сетки, увеличивавшей точность геопозиционирования искомых объектов, а также всё более высокая точность отображения различных географических элементов. Региональные топографические особенности местности детально фиксируются в атласе реки Дон вице-адмирала Корнелиуса Ивановича Крюйса, названном «Атлас реки Дон Крюйса или Прилежное описание реки Дон или Танаиса, Азовского моря или Езера Меотского, Понта Эуксинского или Чёрного моря», датированном 1704 г. и весьма примечательном, в частности, тем, что в гидрографических съёмках для создания этого атласа непосредственное участие принимал царь Пётр I, и артефакт сохранил персонифицированное посвящение царевичу Алексею Петровичу. На карте 1786 г. особо выделены рубежи земель Войска Донского, когда оно исторически ещё сохраняло относительную политико-административную самостоятельность. В качестве исторического источника карты способны предоставлять разнообразную историческую информацию, к примеру, они позволяют установить, насколько было известно о положении дел на Дону в странах Западной Европы и в России. Картографические артефакты содержат также общие сведения о степени заселённости Земли Войска Донского, с указанием конкретных данных о расположении казачьих городков, например, в том же вышеназванном атласе Корнелиуса Крюйса.

Казалось бы, два обозначенных доклада, прозвучавшие на третьем заседании Донского казаковедческого научного семинара, тематически вовсе никак не связаны, но они, по сути, отражают общую историографическую тенденцию значительного расширения источниковой базы исследований по истории российского казачества за счёт привлечения разнообразных материалов и документов, которые традиционно являются предметом изучения специальных исторических дисциплин. Оба докладчика тяготеют как раз к осмыслению названной категории исторических источников, и каждый в своём научном локусе уже преуспел, поэтому с удовольствием делился с коллегами наработанными историческими материалами.

Четвёртое заседание Донского казаковедческого научного семинара на базе Южного федерального университета состоялось в Ростове-на-Дону 31 марта 2022 г. в таком же смешанном формате (с очным присутствием и в режиме удалённого доступа), и на нём выступили: доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону) Виталий Александрович Бондарев с докладом «Политика Советского государства в отношении казачества Юга России в 1920-е – 1930-е гг.: тенденции и проблемы современной историографии» и кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и менеджмента Волгоград-

ского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград) Ольга Владимировна Рвачёва.

Как отметил в своём докладе В.А. Бондарев, в истории российского казачества советский период выступает одним из наиболее сложных и драматичных, наполненных грандиозными, переломными и, зачастую, трагическими событиями. Если в советской научной литературе, подчинённой политико-идеологическим запретам, значительное количество острых вопросов казачьей истории XX в. были табуированы, то в постсоветской историографии именно эти самые вопросы выступили первоочередными объектами исследования. В центре внимания учёных оказались политические акции и кампании коммунистического режима в отношении казачьих сообществ, проводившиеся в 1920-е – 1930-е гг. – наиболее коллизийный период советской истории.

В настоящее время в исследовании ранесоветских десятилетий казачьей истории достигнуты существенные результаты, в частности, проведён развёрнутый анализ кампании «лицом к деревне» («лицом к казачеству»), например, в успешно защищённой докторской диссертации Т.В. Панковой-Козочкиной [1], проблематики «расказачивания», антиказачьих мероприятий в рамках коллективизации и раскулачивания, голода 1932–1933 гг. в казачьих районах и станицах, а также комплекса проказах мер, традиционно именуемого кампанией «за советское казачество», освещённой в докторской диссертации А.П. Скорика [2]. Тем не менее, на этом направлении исследований сохраняется ряд лакун и проблем. В частности, недостаточно подробно изучен процесс отказа большевиков от политики «лицом к казачеству», масштабы и результаты антиказачьих акций на рубеже 1920-х – 1930-х гг., динамика соотношения анти- и просоветских настроений в станицах в отмеченный период времени. Одной из наиболее острых проблем постсоветской историографии является сохраняющаяся политизация советского этапа истории, в результате которой политика коммунистического режима в отношении казаков и взаимоотношения казачества и советской власти в ряде публикаций трактуются упрощённо и однобоко. Всё это актуализирует задачу дальнейшего углублённого и объективного осмысления советского этапа казачьей истории, что детально обосновывается в ряде научных статей [3, с. 569–584; 4, с. 219–236].

В своём докладе О.В. Рвачёва констатировала, что с конца 1920-х гг. на Юге России ОГПУ регулярно выявляло казачьи контрреволюционные повстанческие организации. Ряд таких организаций имел внушительные размеры и значительный территориальный охват. Однако ни одна из них не проявила реальной политической активности. Документы из архивов УФСБ по Ростовской и Волгоградской областям позволяют критически оценить реальность существования таких организаций, наличие протестных настроений в казачьей среде, приблизившись к пониманию политических и социальных реалий в казачьих районах в период социалистической модернизации. Для докладчика выступление на Донском казаковедческом научном семинаре стало одним из вариантов апробации подготовленной докторской диссертации [5], которую она успешно защитила в Кубанском государственном университете 23 декабря 2022 г.

Историографическая значимость заслушанных на семинаре двух докладов заключается в концентрации внимания на истории казачества советского периода, причём, на временном отрезке пока ещё недостаточно изученном, где необходимо обоснованно расставить акценты, а не называть обобщённо 1920-е –

1930-е гг. эпохой сплошного рассказывания, как это делают отдельные авторы [6]. По мере приближения к рубежу 1920-х – 1930-х гг. потребность критического анализа исторических источников нарастает, а, соответственно, дополнительного внимания для проверки на предмет репрезентативности требуют также историографические факты. Но, самое главное, важно преодолеть негативную историографическую тенденцию, по односторонней оценке, указанного исторического периода 1920-х – 1930-х в целом, и непременно понять, что два десятилетия советской истории при всей их общности существенно отличаются для истории казачества.

Пятое заседание Донского казачковедческого научного семинара на базе Южного федерального университета состоялось в Ростове-на-Дону 29 июня 2022 г. в ставшем традиционным смешанном формате, и на нём выступили: доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) Дмитрий Владимирович Сень с докладом «Научные реконструкции биографии С.Т. Разина: достижения, проблемы, перспективы» и доктор исторических наук, профессор Тюменского индустриального университета (филиал ТИУ в г. Нижневартовске) Виктор Яковлевич Мауль с докладом «Измена» полковника И.Н. Дзиньковского: эпизод из истории Разинского восстания». Новшеством этого заседания Донского казачковедческого научного семинара стало указание ссылки в программе семинара на авторский профиль в Научной электронной библиотеке (РИНЦе).

В докладе Д.В. Сень последовательно раскрывались многочисленные научные реконструкции биографии Степана Тимофеевича Разина, созданные отечественными историками разных поколений. Докладчик проанализировал методы и подходы, которыми руководствовались историки, в том числе, советские исследователи, основательно выявлявшие и интерпретировавшие соответствующую источниковую базу. По мнению Дмитрия Владимировича, критическая верификация подобных научных реконструкций является необходимой и своевременной, и она может считаться самостоятельной актуальной проблемой источниковедения Разинского выступления. Как последовательно доказывал профессор Д.В. Сень, существенный недостаток исторических источников о жизни С.Т. Разина не мешал многим советским историкам создавать идеологически ангажированные (героизированные) реконструкции его биографии. А вот реальное приращение научного знания о биографии С.Т. Разина возможно не только за счёт ввода в научный оборот новых источников, оно может быть также достигнуто путём системных наблюдений за формированием научных представлений об источниковой основе биографии известного атамана и подходами/методами её авторской интерпретации. Развёрнутое изложение исследовательских взглядов Д.В. Сень на представленную научную проблему даётся в авторской статье, опубликованной в журнале «Славяноведение» [7, с. 67–81].

Как правомерно отметил в своём докладе В.Я. Мауль, история Разинского восстания многократно становилась объектом внимания исторической науки. В дореволюционной, советской, постсоветской и зарубежной историографии с большими или меньшими подробностями были изучены общий событийный ряд и отдельные частные сюжеты этой большой научной проблемы. В оборот введено и даже опубликовано огромное количество источников различной типо-видовой принадлежности, ставших прочным фундаментом продуктивных научных изысканий. Тем не менее, считает В.Я. Мауль, стоит согласиться с мнением историка Д.В. Сень: гово-

речь о том, что «тема закрыта», конечно же, не приходится. Более того, сведения о многих страницах и персонажах «Разинщины» требуют принципиального пересмотра, и такая работа уже началась, в чём заключается примечательная историографическая тенденция.

В частности, настало время по-новому осмыслить повстанческое движение в различных городах Белгородской черты, поскольку, по признанию историков, к осени 1670 г. Слободская Украина, вслед за Средним Поволжьем, стала вторым очагом Разинского восстания. В этой связи в докладе был предположен микроисторический анализ хорошо известных событий, происходивших в восставшем Острогожске в сентябре того же, 1670 г. Методологически докладчик исходил из понимания микроистории не как разглядывания мелочей, а рассмотрения прошлого в подробностях, поэтому и поставил перед собой задачу предложить иную, чем прежде, оценку действий полковника острогожских черкас Ивана Николаевича Дзиньковского, переход которого на сторону разинцев породил недоумение историков и, как следствие, множество историографических версий. Причинно-следственные связи здесь можно искать, во-первых, в противоречиях между малороссийской казачьей старшиной и московскими представителями, ведь Дзиньковский командовал слободскими черкасами в Острогожске, но местную администрацию возглавлял московский воевода, и такое двоевластие не могло не сказаться на развитии ситуации. Во-вторых, нельзя исключить индивидуальные каналы связи Дзиньковского со Степаном Разиным. Есть и другие примечательные детали, а в развёрнутом виде точка зрения В.Я. Мауля на данный исторический сюжет излагается в его авторской статье [8, с. 167–172].

В целом же, судьба видных участников Разинского восстания, включая самого предводителя С.Т. Разина, весьма печальна, скажем, того же И.Н. Дзиньковского расстреляли, затем конечности трупа отрубили наполовину, а сам труп повесили; его жене Евдокии отсекли голову, четверых их детей пожизненно выслали в Сибирь. Однако не такие жестокие детали оказались в центре внимания двух докладчиков, ведь они искали лично ориентированную логику в жизнедеятельности исторических личностей, составивших военную оппозицию усиливавшейся абсолютной монархии московских царей. Оба выступавших исследователя предприняли достаточно успешную попытку применить принцип альтернативности к изучению исторического процесса, в чём заключается достойная поддержки историографическая тенденция.

Шестое заседание Донского казачковедческого научного семинара на базе Южного федерального университета состоялось в Ростове-на-Дону 21 декабря 2022 г. в смешанном формате, и на нём выступили: доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург) Степан Викторович Джунджузов с докладом «Административно-политические механизмы имперского управления ставропольскими крещёными калмыками в XVIII – первой трети XIX вв.» и кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань) Рустем Равилович Аминов с докладом «Формирование поселенческой сети турков-казачков Оренбургского казачьего войска в 1735–1917 гг.». В состав организационного комитета межрегионального научного семинара на шестом заседании вместо Е.В. Шандулина вошёл кандидат исторических наук, доцент

Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия) Максим Евгеньевич Шалак.

Выбор административно-политических путей и способов имперского управления крещёными калмыками в XVIII – первой половине XIX вв., как правомерно заявил в своём выступлении С.В. Джунджузов, определялся целенаправленной государственной политикой хозяйственной колонизации территории Среднего, Нижнего Поволжья и Южного Урала. Продвижение здесь российских интересов осложнялось противодействием со стороны Калмыцкого ханства. Прочную основу для распространения российского влияния правительство полагало обеспечить посредством крещения калмыцкой элиты. Первым, самым знатным крещёным нойоном («князем»), стал внук хана Аюки (1-го хана Калмыцкого ханства), крестник Петра I, Пётр Тайшин. Когда стало очевидным, что наиболее влиятельным претендентом на ханский престол, способным привести калмыков к согласию, является приверженец буддизма Дондук-Омбо, российские власти решили отступить от своих собственных первоначальных замыслов и вывели крещёных калмыков из Волжского ханства. Поселённые на Средней Волге крещёные калмыки составили особую этническую группу – ставропольских калмыков. На начальном этапе (1736–1744) их поселение имело монархическую форму правления и организационно-правовое устройство, копировавшее государственные порядки Калмыцкого ханства. Переходу ко второму этапу (1745–1803) предшествовало пресечение династии Тайшиных и передача Ставропольского поселения в ведение оренбургского губернатора. Поселение преобразуется в иррегулярное войско с коллегиальным правлением. Реформы последнего периода существования Ставропольского калмыцкого войска (1803–1842) были направлены на регламентацию исполнения калмыками военной повинности и комплектование тысячного полка. Однако, реализация «Положения о Ставропольском калмыцком Войске», принятого в 1803 г. без учёта реальных людских и материальных ресурсов, а также в сложных условиях, наличествующих противоречий между военной и гражданской администрациями региона, негативно сказывалась на развитии Ставропольского калмыцкого войска. В итоге 24 мая 1842 г. последовал указ российского императора Николая I о его упразднении, ознаменовавший отказ имперских властей от проводившейся политики выстраивания специализированных административных структур, ориентированных на крещёных калмыков. Всех калмыков в количестве 1743 человек (3336 душ обоего пола) зачислили в Оренбургское казачье войско и перевели для поселения на новую Оренбургскую линию между Орской и Троицкой крепостями.

Свой доклад Р.Р. Аминов посвятил формированию в рамках четырёх временных этапов сети населённых пунктов тюрков-казачьих Оренбургского казачьего войска. Для первого докантонного этапа (1735–1798 гг.) характерно отсутствие моноэтнических поселений в среде татар-мусульман, когда изначально тюрки, исповедующие ислам, оказались в одних и тех же поселениях вместе с православными казаками, что способствовало быстрой адаптации татар-мусульман к иноязычной среде и культуре. На втором этапе (1798–1840 гг.), с введением кантонной системы управления в 1798 г. (наподобие казачьих округов с усилением власти национальной знати) и обострением проблемы защиты фронтирной зоны от кочевого населения, власти решили причислить в состав войска каргалинских татар. В итоге создавалась первая моноконфессиональная административная единица тюрков-казачьих, преимущественно из татар, а впоследствии их

перевели в соседнее Башкиро-Мещеряжское войско. Для третьего этапа (1840–1865 гг.) становятся привычными миграционные процессы, вызванные утверждением нового «Положения об Оренбургском казачьем войске» от 12 декабря 1840 г., а также началом строительства Новолинейного района. В начале 1840-х гг. поселенческая сеть крещёных тюрок – казаков-нагайбаков – определялась тремя территориальными группами: оренбургско-орской, верхнеуральской и троицкой (названия соответствуют тем уездам Оренбургской губернии, где оказалась каждая из трёх групп). Северную группу казаков-нагайбаков в количестве 500 душ переселили в Троицкий уезд в станицу Верхнеуевельская (Варламово), посёлки Ключевский-2 (Лягушино), Попово, Болотово и Краснокаменка. При переселении нагайбаки представляли собой этническую общность (их самоназвание нагайбаки-бакалы произошло от топонима станицы Бакалинской, откуда они прибыли), которая, однако, была подвержена влиянию со стороны русских. Южная группа нагайбаков обосновалась в посёлке Нежинка, станице Гирьяльской, деревне Алабайтал Оренбургского уезда, посёлке Подгорный и станице Ильинской Орского уезда; их переселение обуславливалось военно-пограничной стратегией в пространстве между Оренбургом и Орском. Нагайбаки южной группы испытывали влияние со стороны православных и мусульманских миссионеров. Центральная группа (Верхнеуральский уезд) долгое время находилась в изоляции от других народов, поэтому не только сохранила, но и укрепила свою этническую идентичность. Эта группа нагайбаков основала пять посёлков: Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж и Требия. Четвёртый этап (1865–1917 гг.) ознаменован административной трансформацией Орской станицы в уездный город и возникновением неподалеку от городской черты обособленного хутора, населённого татарами-казаками. В начале XX в., в связи с переизбытком населения в ряде наиболее крупных поселений, на дополнительные наделы во втором военном отделе переселяется незначительная группа тюрок-казаков и расширяет, тем самым, ареал своего расселения на землях Оренбургского казачьего войска.

Таким образом, оба доклада, прозвучавших на шестом заседании Донского казачеведческого научного семинара отражают тенденцию к обоснованию этно-конфессионального разнообразия российского казачества в современной историографии. Причём, если крещёные калмыки составили отдельное Ставропольское казачье войско, то в случае с крещёными тюрками дисперсная этничность приобретает различные формы вплоть до возврата к прежним верованиям. Тем самым, Оренбургское казачье войско объединило массу этнокультурных групп, изучение истории которых заметно добавит мультикультурных красок в палитру народов России.

Седьмое заседание Донского казачеведческого научного семинара на базе Южного федерального университета состоялось в Ростове-на-Дону 23 марта 2023 г. в смешанном формате и оказалось единственным форумом вышеназванного исследовательского объединения за весь 2023 год. На этом заседании выступили: кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва) Евгений Николаевич Трефилов с докладом «Взаимоотношения казаков-повстанцев с русскими простолюдинами во время народных движений XVIII в.» и доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) Николай Александрович Мининков с докладом «Старое

поле», «регулярство» и «блаженные памяти» защитник казачества: ценности в движениях донских казаков XVIII в.». В состав организационного комитета межрегионального научного семинара вместо Н.В. Дмитриевой тогда же вошла кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия) Оксана Олеговна Завьялова, а также вторым модератором вместе с Д.В. Сенем становится М.Е. Шалак.

Как подчеркнул в своём выступлении Е.Н. Трефилов, застрельщиками большинства крупнейших народных движений в России XVII–XVIII вв. были казаки. При этом до настоящего времени остаётся пока недостаточно изученной проблема взаимоотношений казаков-повстанцев с русскими простолюдинами, присоединявшимися к этим движениям. Разброс мнений в историографии на этот счёт весьма широк: на одном полюсе фиксируется традиционная точка зрения о едином фронте казаков с крестьянами и другими простолюдинами, вместе выступавшими против угнетателей, а на другом полюсе понимания позиционируется мнение о нещадной эксплуатации казаками русских простолюдинов и использовании их лишь в качестве «пушечного мяса». На исторических материалах восстания под предводительством К.А. Булавина (1707–1708 гг.) и восстания под предводительством Е.И. Пугачёва (1773–1774 гг.) автор доклада убедительно показывает, в какой степени различные мнения, ранее высказанные в историографии, подкреплялись данными исторических источников, а в какой степени они являются лишь умозрительными конструкциями. Также в своём выступлении Е.Н. Трефилов поставил вопрос, который пока редко волнует историков, но, по мнению докладчика, имеет очень важное значение для избранной темы: в какой мере религиозные и этнические представления казаков влияли на их отношение к русским простолюдинам?!

Для современного исторического исследования, по мнению профессора Н.А. Мининкова, характерна теоретическая опора на ценностный подход, имеющий методологическое значение для анализа конкретных явлений и процессов прошлого. Выстроенный в обозначенной системе координат научный анализ позволяет исследователю выявить наличие наиболее значимой общественной ценности и алгоритм её реализации в определённых исторических условиях, а в качестве такой генерализующей ценности для донских казаков выступала справедливость. Она находила своё воплощение в отношении к старине, признававшейся соответствовавшей справедливости, и в настороженности к новизне, изначально воспринимавшейся как нарушение справедливости, но со временем новшество становилось новой традицией, уже отвечавшей казачьим представлениям о той же справедливости. Всё это прослеживается в ходе изменений, которое переживало донское казачество в период перехода от вольности и самостоятельности во времена Московского государства к статусу служилого сословия Российской империи.

Донское казачество постоянно вело борьбу за справедливость в отношениях с российскими властями. Оно отстаивало традиции «старого поля» в период Булавинского восстания, упорно противостояло угрозам обращения в «регулярство» во второй половине XVIII в., боролось за справедливость и соблюдение традиций казачьей старины при организации переселений на Кавказскую линию. Ценностный подход к изучению истории донского казачества позволяет более полно, глубоко и конкретно выявить представления самого казачьего сообщества о новых условиях

жизни, отношение его к ним, восприятия им перемен при соотнесении их со своим представлением о справедливости как об общественной ценности.

Таким образом, на седьмом заседании Донского казакведческого научного семинара генерализующей обсуждаемой историографической проблемой стал поиск наиболее адекватных социальной реальности подходов к анализу народных движений, выяснения причинно-следственных связей в историческом процессе, захватывавшем жизнедеятельность российского казачества, оценок его общественной роли в отношениях с другими субъектами исторического действия. На этом историческом фоне выделялись известные казачьи (народные) лидеры из числа донских казаков, увлекавшие своей харизмой огромные массы людей на достижение социально значимых целей и совершавших знаковые поступки, которые и сегодня являются предметом исследовательского внимания историков, в результате чего формируются различные историографические традиции, в свою очередь подвергающиеся последующей интерпретации специалистов.

Восьмое заседание Донского казакведческого научного семинара на базе Южного федерального университета прошло в Ростове-на-Дону через год, 20 марта 2024 г. в ставшем традиционным, смешанном формате, и на нём выступили: кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе и проектной деятельности Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ «РИНХ» Алексей Александрович Волвенко с докладом «Александр Львович Потапов (1818–1886). Жандарм в атаманском мундире» и кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО РГЭУ (РИНХ), сертифицированный лектор Российского общества «Знание», член Экспертного совета по формированию и развитию Электронной библиотеки казачества на платформе Национальной электронной библиотеки Андрей Викторович Дюкарев с докладом «Сюжеты казачьей генеалогии как пример служения государству: кубанский род Бурсаков».

Александр Львович Потапов, отметил в своём докладе А.А. Волвенко, являлся войсковым (наказным) атаманом войска Донского три года, с 1865 г. по 1868 г., и здесь же он получил, наряду с должностью, чин генерал-лейтенанта вместе с правами генерал-губернатора и командующего войсками военного округа. До того, как попасть на Донскую землю, А.Л. Потапов приобрёл разнообразный административный опыт, в том числе, в начале 1860-х гг., когда возглавлял III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Первоначально Александр Львович находился в казачьем крае в качестве помощника при войсковом наказном атамане П.Х. Граббе, будучи направленным императором Александром II на Дон для ревизии положения бывших крепостных крестьян. После отставки П.Х. Граббе уже в качестве единоличного местного управленца, А.Л. Потапов думал и действовал в духе проводимых в империи «Великих реформ». Последовательный сторонник частной собственности на землю, Александр Львович считал возможным распространить практически все общеимперские реформы 1860-х гг. на Донской край. Однако «клеймо жандарма» и последовательного сторонника самодержавия предопределили предвзятое отношение к А.Л. Потапову, как в либеральной публицистике, так и в «левой» литературе, а затем это уже отразилось в соответствующих историографических оценках, скажем, его имя не вошло в известное издание «Донцы XIX века». В докладе А.А. Волвенко удалось рассмотреть различные сюжеты из истории атаманства А.Л. Потапова, расширяющие тради-

ционные представления о его личности и результатах деятельности. Так, находясь ещё в Петербурге, Александр Львович проявил личную инициативу и подал записку в Управление иррегулярных войск, где усомнился в успешной разработке проекта земской реформы для Земли войска Донского в Главном комитете, а потому «полагал бы учредить в Новочеркасске особый комитет для составления положения о земских учреждениях в Донском войске». Более того, составитель записки предложил приблизительный социальный состав будущего комитета, основу которого должны были представлять выборные депутаты от сословий, причём, по мнению А.Л. Потапова, требовалось обязательное участие в деятельности названного особого комитета эксперта из Министерства внутренних дел, хорошо знакомого с установлениями «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», Высочайше утверждённого 1 января 1864 г. В Военном министерстве предложение А.Л. Потапова одобрили, уже в июне 1866 г. такой комитет создали, и он более чем на две трети состоял из избранных депутатов от всех сословий края, за исключением иногородних. Тем самым, оказались удовлетворены пожелания не только А.Л. Потапова, но и социальные экспектации донского дворянства. За тем, чтобы результаты работы комитета соответствовали ожиданиям Военного министерства, атаман следил лично, ибо являлся его председателем. Так, например, в ходе обсуждения проекта программы занятий особого комитета А.Л. Потапов не допустил её изменения, на чём жёстко настаивали трое депутатов, представляющих мелкопоместное дворянство и казачье торговое сословие, предлагая внести такие поправки, которые подразумевали использование принципа «земство только для казачества». Примечательно, что двоих оппозиционеров при поддержке Военного министерства удалили из состава комитета. В целом же, комитет, проработав по август 1867 г. и подготовив 7 проектов, составивших основу земской реформы, причём, в трёх из них предусматривалось создание городов и городской курии. Согласно проектам, принцип всесословности участия в деятельности земских учреждений, в отбывании повинностей, в том числе денежных, оказался реализован практически полностью. Сложный вопрос взыскания земских денежных повинностей со станичных обществ решался следующим образом: сбор земского налога должен был производиться не лично с каждого жителя станицы, а из общественных станичных доходов. Всего предполагалось избрать 264 гласных в окружные земские собрания и 44 гласных в войсковое собрание, при этом большинство гласных приходилось на долю землевладельцев – 122, от казачьих станиц намечалось 73 представителя, от крестьянских обществ и городской курии соответственно 39 и 20. Идею земских нововведений «похоронил» войсковой наказной атаман, генерал-лейтенант М.И. Чертков рапортом от 31 августа 1870 г. в Военное министерство. Но А.Л. Потапов разработал проект учреждения войскового училища в Новочеркасске, реализованный при названном выше его преемнике.

Покидая Донскую землю, бывший наказной атаман посчитал своим долгом составить подробный доклад на высочайшее имя о проделанной работе. Впоследствии опубликованный, доклад представляет собой интересный документ, содержащий вдумчивый анализ пореформенного развития Земли войска Донского, поскольку в нём даётся оценка результатов проведённых преобразований и впервые не только указывается проблема финансового обеспечения реформ, но и намечаются пути её решения. Так, согласно мнению А.Л. Потапова: «Применение проектированных преобразований требует расхода, покрытие которого, при настоящих

денежных средствах войска невозможно». В связи с этим, ближайшая главная задача войсковой администрации состоит в том, чтобы «привести войсковой капитал в равновесие, через открытие нового постоянного источника доходов». Самый оптимальный из возможных вариантов решения этой проблемы Александр Львович видел в предоставлении Земле войска Донского концессии, но внешнеполитические обстоятельства (фактическая изоляция Российской империи как плачевный итог Крымской войны) делали обозначенный вариант весьма спорным. Выход из положения А.Л. Потапов находил в постройке железной дороги в направлении от станции Аксайской до города Ростова-на-Дону на средства Воронежско-Ростовского железнодорожного общества и в передаче существующей в Земле войска Донского Грушевско-Аксайской железной дороги в распоряжение строителя Я.С. Полякова по взаимному договору с Войском. В случае, если войсковой администрации удастся найти дополнительные источники финансирования и ликвидировать бюджетный дефицит, то планируемые социальные преобразования, по мнению А.Л. Потапова, следовало бы провести в такой последовательности: реформа войскового правления (устранение выборного начала в комплектовании чиновного состава этого органа), судебная и военная реформы, земская реформа и образование городов. Александр II внимательно ознакомился с докладом А.Л. Потапова, о чём свидетельствуют пометки на полях документа. Вовсе не случайно награждение Александра Львовича орденом Белого Орла 5 марта 1868 г. при его отставке с должности войскового наказного атамана.

Второй докладчик на восьмом заседании Донского казакведческого научного семинара Андрей Викторович Дюкарев обозначил начало подъёма в развитии генеалогии, в том числе региональной, в 1990-е гг., интерес к которой не угасает и по сей день. Это относится как к родословным поискам простых граждан, так и к профессиональным исследованиям историков. В рамках развития генеалогии кубанского казачества объектами исследования для А.В. Дюкарева становятся видные казачьи роды, сыгравшие заметную роль в истории Кубани и Кубанского казачьего войска [9]. Представленный доклад посвящался старейшему казачьему роду Бурсаков, берущему своё начало в легендарной Запорожской Сечи и заканчивающему исторический путь в смутные революционные годы. На примере кубанского рода Бурсаков, по мнению Андрея Викторовича, вполне репрезентативно прослеживается эволюция южнорусского казачества, когда, казалось бы, достаточно прочно впитавшиеся в его самобытную культуру изначальные запорожские традиции вольнолюбия, непокорности сменяются идеей служения Российскому государству и строгой воинской дисциплиной. Сюжеты казачьей генеалогии кубанского рода Бурсаков детально раскрывают самоотверженное служение нескольких поколений на благо Отечества, начиная с Фёдора Яковлевича Бурсака, войскового атамана Черноморского казачьего войска в 1799–1816 гг.

Таким образом, оба доклада, представленные на восьмом заседании Донского казакведческого научного семинара, с историографической точки зрения, укладываются в жанр исторической биографии, но имеют различный контекст. Если раскрытие деталей жизненного пути А.Л. Потапова помогает нам понять особенности осуществления «великих реформ» российского императора Александра II на Дону, функционирования управленческого механизма той исторической эпохи, вероятностные альтернативы развития Земли войска Донского в середине и во второй половине XIX в., то обращение к истории кубанского рода Бурсаков вводит в круг

целой совокупности вопросов эволюции Черномории, её запорожских истоков и образования Кубанского казачьего войска.

Для подведения промежуточных итогов и оценки работы Донского казаковедческого научного семинара воспользуемся материалами авторского доклада «О перспективах Донского казаковедческого научного семинара: «ДКНС сегодня: от идеи – к концепции», представленного 1 апреля 2004 г. в видеоформате (co)модератором ДКНС, доктором исторических наук, профессором Института истории и международных отношений ЮФУ Д.В. Сенем и разосланного в виде Интернет-ссылки [10] участникам семинара, при использовании которой можно прослушать выступление. Краткими тезисами это не сопровождалось, в отличие от традиционной практики подготовки заседаний семинара, когда заранее рассылались аннотации предлагаемых докладов, чем мы и воспользовались при подготовке настоящей статьи, рассматривая программы ДКНС в качестве историографического источника, в дополнение к своим собственным впечатлениям, ибо принимали участие во всех без исключения восьми заседаниях.

В конце марта 2024 г. создан видеоканал ДКНС (Межрегиональный научный семинар «Донской казаковедческий научный семинар» | Дзен (dzen.ru), на котором представлены материалы семинара, и где планируется не только размещать видеозаписи будущих заседаний, но и попытаться наладить научный диалог. В принципе Донской казаковедческий научный семинар задумывался для реализации идеи по созданию аудиовизуального историографического источника. Истоки научного семинара связаны с проведением 2 ноября 2020 г. памятного круглого стола, посвящённого 450-летию служения донских казаков Российскому государству «Казачество в истории России XVIII – начала XX в.: новые сюжеты, подходы и методы изучения» в формате Zoom на площадке Южного Федерального университета, где был представлен доклад заместителя директора по научной работе Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ), доцента кафедры истории, кандидата исторических наук А.А. Волвенко ««Новые» казачьи войска в правительственных проектах и чиновничьих записках 1860-х годов» и состоялась авторская презентация актуального фундаментального документального исторического исследования А.Ю. Перетясько «Цена крови: документы 1860–1890 гг. об эффективности казачества как экономического института», опубликованного в 3-х томах в течение 2019–2020 гг. Всего тогда на круглом столе заслушали 7 докладов, а в дискуссии участвовало 23 историка.

По мнению (co)модератора ДКНС, доктора исторических наук, профессора Института истории и международных отношений ЮФУ Д.В. Сеня в докладах на традиционных конференциях в тени зачастую остаются контексты исторических исследований: как научная идея появилась, как автор искал пути её достижения, какие особенности работы с историческими источниками возникали и т.п. Тем самым, далеко не всегда видна творческая лаборатория учёного, которая, безусловно, является предметом для изучения историографии, а для неё важны рефлексии историков по поводу того, почему и зачем они занимаются теми или иными темами, как исследуемые проблемы появляются в их научном багаже, как они выбираются, что побуждает профессионалов-историков, или наоборот препятствует занятию теми или иными довольно интересными историческими сюжетами, и что не менее существенно, как сами исследователи оценивают свои собственные штудии.

Поднимаемые на прошедших заседаниях Донского казаковедческого научного семинара проблемы исследовательской лаборатории имеют важное значение не только для историков-казаковедов, но и для многих других профессиональных исторических сообществ, поскольку в научных текстах (докладах на конференциях, научных статьях, монографиях и пр.) автор виден далеко не всегда, и, с историографической точки зрения, понимание злободневной научной проблемы должно содержать, помимо авторского текста, актуальный интеллектуальный образ его создателя. С другой стороны, должен ли контекстуально в текстах обязательно «присутствовать» сам его автор?! Конечно, нет! Это идеальная ситуация. Прежде всего, историк непременно должен написать и представить качественный текст, верифицированный, с репрезентативными источниками, с обоснованной постановкой проблемы, в общем, завершённый текст, и здесь трудно не согласиться с Д.В. Сенем в оценке «долгов» историка перед профессиональным сообществом. Однако отсутствие самого историка в тексте заметно обедняет его содержание в субъективном плане, чего можно добиться при публичном выступлении, и с этих позиций хороший научный семинар предоставляет возможности для широкого обсуждения отдельных исторических сюжетов. Именно такие возможности возникают на Донском казаковедческом научном семинаре, где модераторами выступали Д.В. Сень, А.Ю. Перетятко и М.Е. Шалак. Здесь у авторов (докладчиков) есть 40–45 минут для выступления, а затем следует получасовое обсуждение. Участники семинара могут задавать уточняющие вопросы по предложенной теме, формулировать проблемные ситуации, которые возникают в рамках обсуждения доклада, а также интересоваться тем, почему, как и зачем была избрана докладчиком данная тема, почему именно в таком разрезе. Это также позволяет оттенить, в частности, новизну Донского казаковедческого научного семинара, когда звучащее публичное выступление выходит за рамки авторского текста, а личность историка предстаёт более динамично, гораздо реалистичнее, нежели в письменной речи. Живое общение в течение не менее чем получаса времени даёт очень многое: уточнение научных позиций, активный диалог порой не с очень удобными вопросами, позволяющими не только докладчику мобилизоваться, защищать свой научный проект перед профессиональной аудиторией, обосновывать свою точку зрения, но и скорректировать планы дальнейших исследований. Причём, авторы заранее предупреждаются о ведении аудиовидеозаписи, естественно, с соблюдением правил научной этики, и такой подход вполне себя оправдывает в качестве способа создания нового историографического источника, который имеет перспективы для профессионального сообщества.

Донской казаковедческий научный семинар позиционируется его модераторами (организаторами) как проблемно-исследовательская площадка, где обсуждаются итоги авторских научных поисков и апробируются ещё не завершённые исследования с подведением промежуточных результатов, и в таком случае живое общение выступает дополнительной возможностью для внесения необходимых корректив, совершения каких-то важных разворотов и нахождения новых ниш изучения исследуемых учёными исторических сюжетов. Допускается также выступление с изложением авторской гипотезы по той или иной актуальной казаковедческой проблеме и вероятностью получить соответствующий пул вопросов и, может быть, каких-то сомнений, причём, исключительно в дружеской профессиональной обстановке. С учётом возможностей созданного видеоканала, с марта

2024 г. формируется хорошая база для проведения широких историографических дискуссий, когда в информационное поле вводятся авторские видеосюжеты, аудиовидеозаписи заседаний самого Донского казакведческого научного семинара, обращения модераторов семинара, что непременно позволит увеличить количество публичных историографических дискуссий в целом по казакведческой проблематике и по отдельным темам, чего пока явно не хватает, и более того, сложилась угасающая динамика в профессиональном общении историков-казакведов по целому ряду актуальных тем исследования. Здесь многое зависит от степени эффективности функционирования центров казакведения, которые в состоянии моделировать полезные историографические дискуссии, и к их числу, на наш взгляд, можно отнести, помимо Института истории и международных отношений ЮФУ, удачно выступившего с инициативой проведения периодических заседаний Донского казакведческого научного семинара, лабораторию казачества Южного научного центра РАН, кафедру истории России Кубанского государственного университета, НИИ истории казачества и развития казачьих регионов Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова и др. Вполне очевидно, что перетягивать одеяло на себя в условиях (как это не печально звучит!) определённой количественной ограниченности специалистов в области исторического казакведения не стоит, важно объединять усилия и не заикливаться на каких-то одних формах или видах профессионального общения, скажем, те же научные семинары можно проводить в разных вариациях. Но с другой стороны ДКНС очевидно прогрессирует и сохраняется как действующая научная площадка, которую надо эффективно использовать, ибо она уже оформилась за трёхлетний период её существования как тематический, плановый научно-исследовательский проект Института истории и международных отношений ЮФУ при поддержке многих учёных-историков, проживающих на Дону, работающих не только в Южном федеральном университете. Активными участниками ДКНС являются, помимо донских историков-казакведов, исследователи казачьей проблематики из других российских регионов, включая и столичные центры, что указывает на открытые двери для продолжения научных дискуссий в рамках ДКНС, не ограничиваясь только историей донского казачества. На этой научной площадке всегда рады также представителям других (восточных) государств, причём, специалистам самого широкого профиля и историко-географической исследовательской локации (уральское, сибирское, терское и другие казачьи сообщества). С точки зрения периодизации здесь нет ограничений: рассматриваются исследования с дореволюционной хронологией, научные проекты с советской и постсоветской проблематикой, хотя, безусловно, формулировки докладов традиционно авторами согласовываются с модераторами в рамках концепции ДКНС. Также участники ДКНС учитывают исторически прежние геополитические расклады, где казачество выступало далеко не последним актором исторических процессов, а отсюда следует обращение специалистов к истории Крымского ханства, Речи Посполитой, Османской империи и выявление многообразных характеристик казачества как уникального исторического явления, постоянно развивавшегося, имевшего не только свою военизированную культуру мужского сообщества, но и политическую культуру, достаточную для ведения пограничной дипломатии, для понимания системы международных отношений.

Наличие центров публичных дискуссий для историков-казаковедов, **во-первых**, позволяет обратить внимание на ряд научных проблем, интерес к которым стал угасать, скажем, по мнению доктора исторических наук, профессора Института истории и международных отношений ЮФУ Д.В. Сеня, в качестве таких проблем можно обозначить историю народных движений, развитие потестарных структур казачества, типологию казачьих сообществ, демографические процессы; **во-вторых**, инициативно и по-деловому поддержать те направления, где наблюдается всплеск научного интереса, к примеру, реформирование казачьих войск во второй половине XIX – начале XX вв.; **в-третьих**, стимулировать многих историков-казаковедов к изучению теоретико-методологических сюжетов, к примеру, хорошие перспективы имеет использование, по мнению Д.В. Сеня, историко-компаративистского подхода (метода) в изучении разных казачьих регионов и анализа однотипных процессов в пространстве одной хронологии, связанных с историей казачества, к чему мы бы добавили историческое моделирование (реконструкцию), и этот смысловой ряд теоретико-методологических подходов можно наращивать; **в-четвёртых**, даёт возможность продолжить изучение общего и отличительного, повторяющегося и уникального в истории каждого казачьего региона, причём, в этом плане Донской казаковедческий научный семинар как один из центров публичных дискуссий демонстрирует замечательные возможности выхода за смысловые рамки исключительно донской проблематики; **в-пятых**, позволяет развивать постоянный, живой, академический, профессиональный диалог в организационно-методических рамках многих научных семинаров, непременно включая и традиционные заседания Донского казаковедческого научного семинара.

Воздавая по заслугам должное организаторам (модераторам) Донского казаковедческого научного семинара и руководствуясь принципом научной объективности, обратим внимание на ряд неизбежных недостатков этой формы профессионального диалога. Прежде всего, публичное выступление на актуальную тему с аудиовидеозаписью по определению будет уступать тексту научной статьи (монографии) по отточенности формулировок, даже с учётом использования автором конспекта доклада, особенно в дискуссионной части научного семинара, где прямая речь будет преобладать. Неизбежно возникают сложности с фиксацией научно-справочного аппарата, ведь все ссылки на источники и литературу не проговариваются, далеко не вся выносимая в подстрочник информация может быть оглашена, маловероятным эпизодом надо признать обращение к ключевым словам и аннотации, которые несут в себе определённый исследовательский посыл, а в результате отсутствия этих перечисленных деталей снижается качество исторического труда. Не всегда модераторам удаётся на заседаниях добиться равноценности предлагаемых докладов, мешает узость тем, ибо не каждый автор готов подняться до уровня общеказаковедческих обобщений и уход в исторические детали порой делает некоторые сюжеты недостаточно интересными и полезными для части коллег. Ну, и самое главное, выступление на заседании ДКНС, как и на любом другом научном семинаре (за редким исключением), не является публикацией для докладчиков, в отличие от подавляющего большинства научных конференций и чтений, и, если не решить эту проблему, то, как говорится, сколько не говори рахат-лукум, рахат-лукум, рахат-лукум, слаще во рту не станет. Впрочем, удачным выходом из ситуации вполне могла бы стать обязательная публикация тезисов (до 4 страниц стандартного текста) докладчиков ДКНС на страницах журнала «Казаковедение» (согласно договора

о творческом сотрудничестве редакции журнала и Института истории и международных отношений ЮФУ), и тогда бы знакомство профессионального сообщества историков-казаковедов с обозначенными тезисами докладов и позже выложенной аудиовидеозаписью выступления на портале видеоканала ДКНС становилось бы своеобразной коллективной рецензией для последующей публикации уже развёрнутой статьи в журнале «Казаковедение», а, соответственно, профессиональное сообщество историков-казаковедов фундаментальный историографический факт, анализ которого непременно бы выступал стимулирующим фактором казаковедческих исследований по наиболее актуальной проблематике.

Обратимся к опыту проведения ещё одного научного семинара донских историков-казаковедов. На базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (г. Ростов-на-Дону) в период 2022–2023 гг. прошло три научных семинара на общую тему «Казачество и казаковедение в современной России: южный регион», где основным модератором выступил доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией казачества Южного научного центра РАН Андрей Вадимович Венков.

Первое заседание вышеназванного семинара состоялось **7 октября 2022 г.**, на котором профессор, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова Александр Павлович Скорик представил доклад «Актуальные дефиниции в истории донского казачества: методологический воркшоп».

Совокупность проработанных дефиниций в докладе была разделена следующим образом: 1) группа общих понятий о казачестве; 2) понятия, характеризующие казачьи традиции; 3) понятия о казачестве, подверженные политической конъюнктуре; 4) ключевые понятия о казачестве советского периода истории; 5) основные понятия современного периода истории казачества. На первом заседании семинара собравшиеся научные сотрудники ЮНЦ РАН решили обсудить только одну, первую группу представленных дефиниций. Алгоритм проведения научного семинара предусматривал вот такую последовательность действий: 1) вначале на большом мониторе компьютера показывался текстовый слайд и автор зачитывал определение, расставляя ударения и акценты с точки зрения русского языка и дефиниенса; 2) докладчик давал свои комментарии в отношении предложенного определения, отвечая на контекстуально возникающий вопрос, почему сформулирован именно такой *definiens*; 3) велась свободная дискуссия в отношении дефиниции участниками научного семинара: кто-то делал ремарку, кто-то излагал свою позицию с развёрнутыми аргументами, кто ставил открытые вопросы; 4) обсуждение завершалось на семинаре принятием итогового решения в рамках одного из трёх оговорённых вариантов: признать представленную дефиницию в качестве возможного рабочего определения для последующего использования в исследовательской практике; отказаться от продолжения дискуссии по данному понятию, ввиду его недостаточной значимости для историков-казаковедов, или же отложить обсуждение по каким-то иным существенным причинам; доработать предложенную дефиницию и заново представить к обсуждению, причём, участниками семинара указывались направления возможной доработки дефиниции и даже предлагались какие-то формулировки. Руководил процессом обсуждения в ходе

свободной дискуссии и принятием резолютивного решения модератор, профессор А.В. Венков.

Для дискуссии 7 октября 2022 г. было предложено вот такое рабочее определение понятия **«донские казаки»** – это обособленная группа русских, этническая группа русского суперэтноса (с включением ряда диаспоральных этнообщин), исторически сформировавшаяся на фронтирной территории Подонья-Приазовья, а её потомки сегодня сохранили тенденцию к этнической консолидации. Автор формулировки акцентировал внимание собравшихся на этнологической трактовке дефиниции, с её привязкой к понятию «суперэтнос» в рамках пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилёва, против чего возражал в своём дистанционном отклике профессор Кубанского государственного университета, доктор политических наук, доктор исторических наук Андрей Владимирович Баранов. Второй идентифицирующий критерий понятия «донские казаки», по мнению А.П. Скорика, выражается в хронотопическом указании на фронтирную территорию Подонья-Приазовья. Третий параметр указывает на этническую консолидацию потомков казаков в настоящее время.

В завязавшейся дискуссии участники говорили о том, что каждая из групп российского казачества (кубанское, терское, уральское и др.) имеет свои особенности, поэтому сложно выработать единое научное понятие, предметно раскрывающее сущность казачества. Доктор исторических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета (ныне уже покойная) Татьяна Александровна. Невская, в частности, предложила добавить в определение уточняющую формулировку «этническая группа, обладающая самосознанием и особенностями культуры», поскольку именно самосознание, по мнению многих современных исследователей, считается основным этническим признаком.

В итоге дефиниция понятия был разделён на два взаимосвязанных по смыслу предложения. Донские казаки – это обособленная группа русских, субэтническая группа русского суперэтноса (с включением ряда диаспоральных этнообщин), обладающая самосознанием и особенностями культуры. Она исторически сформировалась на фронтирной территории Подонья-Приазовья, а её потомки сегодня сохранили тенденцию к этнической консолидации.

Кроме того, по итогам состоявшейся дискуссии, А.П. Скорик дополнил данную трактовку ещё несколькими отдельными формулировками. В рамках процедуры непрямого установления современными казаками этнической самоидентификации, казаки – это та часть населения донского края, которая может подтвердить своё кровнородственное отношение к донскому казачеству устными или письменными свидетельствами (преимущественно по отцовской линии). Причём, по мнению бывшего войскового атамана войскового казачьего общества «Всеволокное Войско Донское», бывшего заместителя губернатора Ростовской области, а ныне первого заместителя председателя комитета Государственной думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, члена Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, члена Совета при Президенте РФ по делам казачества, доктора социологических наук, казачьего генерала Виктора Петровича Водолацкого, в роду у истинного казака должны быть в роду поколения восходящие к 1740 г. [11].

В данном случае мы акцентируем внимание на понятии «казаки», которое, прежде всего, получило распространение в среде самих казаков. Оно по большому

счёту относится к области преданий и выражается в идеологеме «Ты, какой станицы (хутора) будешь?» Мы вначале сомневались, стоит ли на данном дефиниенсе концентрировать внимание, но, учитывая устойчивость этих представлений в казачьей среде, решили всё же включить это определение в контекст ведущегося поиска оптимальных формулировок. Сами казаки в таком случае обычно ссылаются на различные семейные истории. Очень редко кто действительно готов предъявить настоящие документальные свидетельства о своём казачьем происхождении, заверенные архивистами.

В рамках социологического понимания казаки – это та часть населения донского края, которая достаточно долго проживает на исторически заселённых казаками землях, причисляет себя к местному населению и поддерживает (приветствует) возрождение донского казачества. Причём, срок проживания (так называемая хронологическая черта оседлости) составляет 8–10 лет. Если привлечь данные исторической социологии, то в стародавние времена на Дону существовала категория приписных казаков, формировавшаяся из числа разносословных мигрантов из России, преимущественно из укоренившихся крестьян, которых защищал казачий обычай «С Дона выдачи нет!».

Социологическое истолкование понятия «донские казаки» имеет две смысловые составляющие. *Во-первых*, современное понимание, связанное с интерпретацией положения иногородних, которые продолжительный период проживают на Дону. Фразы «Он-де наш, давно тут живёт», или «Да я уж здесь прижился, сроднился, породнился». Часть этих иногородних активно вступала в ряды казачьего движения в 1990-е гг., и даже сумела занять довольно высокое положение в казачьих управленческих структурах. *Во-вторых*, на наш взгляд, в рассматриваемую когорту не только исторически входили приписные казаки, но и существовал обряд посвящения в казаки, когда иногородний, пожелавший жениться на казачке, приезжал на лошади в Новочеркасск, объезжал трижды вокруг памятника Ермаку, а затем отвешивал земные поклоны известному атаману. И всё это происходило в присутствии свидетелей. Заметим, обряд посвящения в казаки и сегодня часто встречается культурно-досуговой и туристической деятельности общественных и иных организаций, отдельных сообществ, чтобы потрафить самолюбию гостей донского края. Исторически приписными казаками считались только лица, принятые в общество по станичным приговорам, если они сами об этом просили и, если зарекомендовали себя как заслуженные и достойные уважения граждане.

Ментальное понимание обсуждаемой дефиниции подразумевает, что казаки – это группа донских жителей, которые по социально-психологическому складу ума, по своему характеру считают себя казаками. В их социально-психологическом генотипе заложены: склонность к военизированному образу жизни, чувство свободы и справедливости, мужское братство, стремление к освоению казачьих традиций и т.п. Получается гендерная мужская модель поведения полувоенного образца, транслируемая её носителем в современную повседневность в трёх вариациях: в быту, в казачьей организации и, особенно, в рамках плац-парадных мероприятий казачества.

Ментальное определение дефиниенса понятия «донские казаки» часто фигурировало в 1990-е гг., в начальный период казачьего возрождения. Оно было очень актуально тогда, но и сегодня ещё значимо для части казаков, затрудняющихся привести конкретные доказательства своего казачьего происхождения. Конечно же,

строго говоря, это не научное определение, но в социальной реальности мы с подобным милитарным явлением сталкивались, поэтому сочли возможным предложить для обсуждения и такой вариант ключевой дефиниции. Вполне реален в обозначенной смысловой перспективе, если следовать обоснованным ранее нашим постулатам [12, с. 131–140], сонорно-ассоциативный ряд: казак – воин – патриот – гражданин России.

Также допустимо общественно-самостийное понимание рассматриваемой дефиниции в рамках предпринятой научной дискуссии, когда донские казаки – это члены современных территориально-общественных объединений местного самоуправления и/или члены общественно-политических организаций. В обиходе у современных казаков и историков-казаковедов их принято называть «казаками-общественниками» («самостийниками»).

К числу известных общественных организаций относится общественное объединение Международный Союз Общественных Объединений «Всевеликое Войско Донское» во главе с атаманом Николаем Ивановичем Козицыным. Министерство юстиции Российской Федерации своим распоряжением от 27 ноября 2017 г. приняло решение об исключении из ведомственного реестра зарегистрированных некоммерческих организаций этой общественной организации. Сам Н.И. Козицын (самое комплементарное прозвище «Батя») публично называл себя к началу 2024 г. «атаманом Всевеликого Войска Донского, командующим казачьей национальной гвардией» [13].

Известный ростовский историк-казаковед Александр Иванович Козлов в своё время ввёл в научный оборот термин «ряженные» [14, с. 11–14], за что подвергался жёсткой критике со стороны радикальной части участников казачьего движения. «Ряженные казаки» – это уникальная категория людей, которая явно неровно дышит к облачению в военные мундиры, стремится к увешиванию груди орденами, медалями и прочими знаками далеко не всегда проявленной доблести. Оказывается, кто-то готов из слова «казак» сделать для себя некий набор значимых предпочтений, позволяющих утолить необузданное самолюбие. Они стараются наспех слепить из собственных заявлений о гипотетическом служении Родине банальную PR-акцию, которая может, по мнению таких людей, добавить им определённых общественных, а то и неких политических бонусов. Они хорошо научились пользоваться самопальными «корочками», увешивать свои широкие груди крупными, как августовские яблоки, орденами и менять погоны, возвышаясь под порой мнимой казачьей иерархической лестницей, с умопомрачительной скоростью. Именно эти люди, паразитирующие на понятии казачества, и становятся причиной того, что на многих (даже потомственных) казаков в России часто смотрят, мягко говоря, с некоторым недоверием. Именно «ряженная сотня» внешне и превращает саму идею возрождения казачьих традиций и служения Отечеству в полный фарс.

Государственно-реестровое понимание рассматриваемой дефиниции предполагает, что казаки – это члены современных реестровых войсковых казачьих обществ, зарегистрированных в порядке, определённом действующим российским законодательством. В обиходе у современных казаков и историков-казаковедов их принято называть «реестровыми казаками».

Тем самым, отвечая на вопрос, кого сегодня можно называть казаками, нельзя дать однозначный ответ. Поэтому формулируемые нами дефиниции носят дискус-

сионный характер, и, более того, все вышеперечисленные понятия не могут рассматриваться отдельно. Они являются характеристиками одного и того же исторического явления. Тем не менее, данные определения весьма спорны и потому выносятся на обсуждение научного сообщества историков.

В настоящее время с казаками в основном ассоциируют реестровых казаков, но они, подчеркнём, остаются лишь частью современного казачества, хотя активно и публично себя позиционирующей. Согласно пункту 1 части 1 статьи 2 Федерального закона от 5 декабря 2005 года, № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» (в ред. от 23.03.2024), российское казачество – это «граждане Российской Федерации, являющиеся членами казачьих обществ», а, в соответствии пунктом 2 части 1 статьи 2 вышеназванного закона, «информационный ресурс, содержащий сведения о казачьих обществах», называется «Государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации».

В привязке к историческому рубежу XX в., по нашему мнению, **донские казаки** – это социально-этническое сообщество подданных Российской империи, представлявшее коренное население исторического региона Дона, по национальному составу преимущественно великоросского происхождения, отличавшееся донским говором, разделявшееся на группы верховых и низовых казаков, обладавшее юридически закреплёнными сословными привилегиями, характеризовавшееся знаковыми особенностями культуры и быта, выполнявшее обязанности воинской службы в составе казачьих кавалерийских частей русской армии.

Такое определение донских казаков имеет чёткую региональную и хронологическую привязку и не может быть распространено на другие исторические эпохи. Более того, как мы доказываем в своих работах, в советские времена указанные сущностные черты донских казаков заметно трансформируются.

Производное от дефиниции «донские казаки» и употребляемое сегодня понятие «**потомки казаков**» – это происходящие по факту своего рождения от казаков лица, молодые поколения жителей Дона, знающие о своём казачьем происхождении, соблюдающие казачьи обычаи и традиции, сохраняющие память о своих казачьих предках. К потомкам казаков относятся: сыновья, внуки, правнуки, будущие поколения, то есть все сыны казачьи. Известна самокритичная казачья поговорка: дед мой был казак, отец – сын казачий, а я – хвост собачий. В представленном нами определении потоков казаков выделены три генерализующих признака понятия: наследственная связь, социальная приверженность и культурная память.

С другой стороны в современной историографии фигурирует понятие «**неоказачество**», и авторской трактовке – это народившаяся за годы казачьего возрождения своеобразная казачья старшина (казачья бюрократия), которая освоила работу в различных выборных и назначаемых казачьих управленческих структурах (например, в государственном казенном учреждении Ростовской области «Казаки Дона») и в органах государственной власти, создатели новых казачьих войск в российских регионах, где исторически казаков никогда не было, вплоть до Всероссийского казачьего общества. Они декларировали своей целью именно «возрождение» некогда сошедшего с исторической арены социума и теперь осваивают «управленческую ренту». Приоритет в научной постановке вопроса о неоказачестве принадлежит российскому политологу и историку-казакovedу Сергею Мирославовичу Маркедонову [15, с. 106–119].

Тем самым, мы видим в неоказачестве, как это не парадоксально звучит, народившееся современное сословие российского общества, отдельную социальную страту, по большому счёту никакого отношения к казачеству не имеющую и удачно эксплуатирующую казачью идею и благожелательное отношение современного политического руководства России к казачеству. Конечно же, такие авторские оценки звучат довольно резко. Они могут быть неприятны представителям этой группы, но по факту это так. По крайней мере, проблема современной казачьей бюрократии существует ещё с 1990-х гг. (когда отдельные казачьи лидеры, обретя должность, не забывали, прежде всего, себя любимых). На эту острую проблему нельзя закрывать глаза, и её непременно надо спокойно и рассудительно обсуждать в научном сообществе историков, избегая политической ангажированности и конъюнктурной публичности. А главное, искать корректные пути преодоления негативного влияния этой группы на решение актуальных вопросов казачьего возрождения в наши дни.

В ходе развернувшейся дискуссии на научном семинаре 7 октября 2022 г. в ЮНЦ РАН высказывалась мысль о неотделимости дефиниции «донские казаки» от родового понятия «Войско Донское». В итоге у нас появилось вот такое определение. **Войско Донское** – это квазигосударственное образование, формирующееся как историческое явление в первой половине XVI в. и существующее в таком состоянии до начала XVIII в. Квазигосударственность – это такой тип властных отношений, который возникает при отсутствии, недостаточности исторического опыта бюрократического функционирования государственных органов, при патриархальности социальной организации, аморфности социокультурного пространства, отсутствии общегражданской самоидентификации, неразвитости права и правового сознания, авторитарности политических отношений, преимущественно географической обусловленности существования данного политического образования. Здесь мы использовали определение, данное в своё время в нашей статье [16, с. 139].

Квазигосударственность представляет собой в исторических условиях этап, предшествующий становлению государственных форм. Как мы полагаем, «пасторальный» характер хозяйственной жизни вообще консервирует общество на стадии квазигосударственности. И даже при последующем внедрении более современных государственных форм извне и иных культурных влияниях этническая культура сохраняет в исторической памяти образ самостоятельного социального организма с квазигосударственными признаками.

Таким образом, квазигосударственность – это такой тип властных отношений, который возникает при следующих исторических условиях:

- ♦ отсутствию или недостаточности исторического опыта бюрократического функционирования государственных органов;
- ♦ патриархальности социальной организации, сложившейся в силу ряда исторических причин;
- ♦ неразвитости права и правового сознания, а, соответственно, нередко преобладания обычного права над правом позитивным (устного над писанным);
- ♦ авторитарности политических отношений, сдерживающей развитие государственности;
- ♦ преимущественно географической и/или геополитической обусловленности существования данного политического образования.

Мир казачьей повседневности, базисный хозяйственно-культурный уклад казачества невозможно понять без обращения к понятиям, раскрывающим категорию «жилище», и к их числу относится дефиниция «казачий хутор», которую профессор А.П. Скорик представил на научном семинаре 7 октября 2022 г. в ЮНЦ РАН. **Казачий хутор**, по его мнению, это социально-экономическая и поселенческая структура казаков, отличающаяся способами ведения хозяйственной деятельности и организации системы землепользования, наличием территориального общественного самоуправления (обусловленного местными традициями), обустройством повседневного быта и архетипичными чертами культуры хуторян, ноосферным формированием эколого-природной среды обитания, преимущественными моделями экономического поведения и характерной ментальностью жителей.

В этом случае используется 9 критериев для определения понятия. Из них три (организация системы землепользования, территориальное общественное самоуправление, ментальность жителей), на наш взгляд, отличают казачий хутор от крестьянского хутора. Однако, как считала профессор Т.А. Невская, до революции хутор имел общее управление со станицей. С этой позицией мы не согласны. Да, существовали станичные юрты, но это не мешало хуторам иметь собственное самоуправление. Борьба за него отражена в нашей совместной с И.М. Фединой монографией, посвященной кубанскому хутору [17]. Кроме того, как полагала Татьяна Александровна, хутор не может обладать ментальностью жителей. Подчеркнём, мы говорим о хуторской ментальности жителей, и здесь делается совершенно другой акцент. Вопрос профессора Т.А. Невской: «Что-то ноосферное есть только на хуторе или в станице тоже? Это хорошо бы пояснить». С нашей точки зрения, ближе к природе именно хутор, а станица всё же чаще как поселенческая структура сосредоточена в себе самой. Участники дискуссии решили повторно вернуться к обсуждению понятия «казачий хутор», чтобы собрать более широкую палитру мнений.

В современном крестьяноведении сложилась историографическая традиция, когда хутор считается, прежде всего, хозяйственной структурой, местом для ведения отдельного хозяйства. К примеру, такой выдающийся учёный-аграрник как Леонид Васильевич Милов под хуторской системой южных великорусских и украинских районов подразумевал место для осуществления хозяйственной деятельности, и, по его мнению, хутор являлся порождением крупного скотоводства и коневодства [18, с. 247–248]. Здесь мы, пожалуй, не согласимся с уважаемым академиком Л.В. Миловым. Казачий кубанский хутор – это не просто место для ведения хозяйства. Это, прежде всего, поселенческое образование. Хутор на Кубани формировался, как и все другие поселения, и он прошёл в своём развитии несколько этапов. Хутор отличается не только способами ведения хозяйственной деятельности, способами землепользования. В кубанском хуторе традиционно имелось своё самоуправление, нередко своя церковь и своя школа. Тем самым, казачий хутор на Кубани представлял собой полноценное поселенческое образование, а не только место для ведения хозяйственной деятельности. Этому вопросу посвящена четвёртая глава «Топохронная эволюция хуторских поселений кубанских казаков в конце XVIII – начале XX вв.» в докторской диссертации И.М. Фединой [19, с. 305–351].

Станица в докладе А.П. Скорика на научном семинаре 7 октября 2022 г. в ЮНЦ РАН обозначалась как постоянное казачье поселение, являющееся административным центром для территориально установленного станичного юрта с земельными угодьями и иными населёнными пунктами, объединявшее са-

модеятельное казачье общество со своим самоуправлением, выступавшее базой для формирования воинского подразделения, сохранявшее самобытный казачий поселенческий уклад. В историческом и пространственном отношении понятие станицы заметно изменяется.

В этом случае используется 8 критериев для определения понятия. Мы акцентируем внимание: на станичном юрту, казачьем обществе со своим самоуправлением и на базе для формирования воинского подразделения. Этими критериями исторически предопределялось существование станицы.

Как справедливо заметил профессор О.В. Матвеев, понятие станицы исторически довольно изменчиво, и мы с этим согласны. Поэтому, подчеркнём, приводимый нами вариант понятия «станция» применителен к историческому периоду начала XX века. Смысловая эволюция дефиниции может быть показана через ключевые признаки понятия: 1) поселенческая структура; 2) административный центр; 3) оформленный станичный юрт; 4) закреплённый земельный клин; 5) самодетельное казачье общество; 6) развитое местное самоуправление; 7) база для формирования воинского подразделения; 8) самобытный поселенческий уклад. Далее соответственно историческому времени понятие складывается как пазл из присущих станице признаков, которые на данный момент имеют главенствующее значение. При трактовке понятия станицы следует упомянуть её исторически передвижной характер, когда станция становилась посольской структурой (легковой, зимовой), временным пристанищем в пути следования казаков (в понимании стана), казачьим объединением при нахождении далеко за пределами поселения (группа казаков определённой станицы), новым поселенческим образованием при переселении казаков, или изменении места расположения станицы в силу различных причин. Участники дискуссии 7 октября 2022 г. договорились продолжить обсуждение понятия «станция».

Особых возражений на семинаре не вызвало определение понятия **«казачье сословие»**, что это относительно замкнутая социальная группа в России, обладающая юридически закреплённой российским государством системой льгот и привилегий, выполняющая взамен определённые обязанности, прежде всего, по несению воинской службы, и имеющая в силу данных обстоятельств некоторые особенности культуры и быта.

В предложенном определении А.П. Скорика использовано 5 признаков понятия. В историографии обычно исследователи концентрируются на системе льгот и привилегий и обязанности по несению воинской службы. За выполнение обязанностей воинской службы казачество имело определённые государством сословные льготы и привилегии. В нормативно-правовом порядке, в частности, оно освобождалось от несения рекрутской повинности (существовавшей до 1874 г.), ввиду особого порядка несения казаками воинской службы; избавлялось от уплаты налогов (в том числе подушной подати, государственного земского сбора); пользовалось исключительным правом беспошлинной торговли в пределах войсковой территории; брало плату за аренду базаров и ярмарочных мест; осуществляло сбор за право торговли крепкими напитками (до введения винной монополии к началу 1900-х гг. в результате реформы С.Ю. Витте); наделялось особыми правами на пользование войсковыми и юртовыми землями и другими угодьями (лесными, пастбищными, камышовыми, рыбными, соляными и пр.); собирало посажённую плату за землю и другие сборы с иногородних; имело право на установление и взимание арендной

платы за землю (зачастую служившей основным источником доходов в пополнении станичной казны); пользовалось своим правом на установление и взимание платы за наём общественных зданий; располагало управленческой самостоятельностью в рамках станичного общественного самоуправления. И всё же главной сословной привилегией казачества являлось его наделение земельным участком (наделом-паем), превосходившим по своим размерам крестьянские наделы.

Профессор Северо-Кавказского федерального университета Т.А. Невская предложила добавить фразу, что права и обязанности сословной группы передаются по наследству. В итоге в определение было вписано ещё одно предложение: «Причём, права и обязанности сословной группы передавались по наследству, а, соответственно, архетипические черты казачьей культуры служили залогом сословной консолидации».

По сложившейся в российской историографии традиции, **надел-пай** – это земельный участок, выделяемый из общего земельного клина станичного юрта, за выполнение (настоящее или будущее) обязанностей военной службы на одну мужскую душу. Обычно считается, что 30-десятичная пропорция являлась устойчивым размером земельного участка, гарантированного российским государством, но реализация этой целевой установки оказывалась не всегда возможной на практике. В принципе здесь, казалось бы, всё понятно. Но есть проблема земельных переделов, которую обычно не замечает широкая публика. Нельзя также забывать социальное неравенство среди казаков, которое дезавуировало преимущества получения надела-пая. И, конечно же, значение имеет размер надела-пая, поскольку в малоземельных станичных юртах он мог быть в разы меньше 30-десятичной пропорции, исторический миф о которой оказался поразительно живучим явлением в массовом общественном сознании.

Второе заседание научного семинара «Казачество и казачествоведение в современной России: южный регион» прошло в ЮНЦ РАН **16 декабря 2022 г.**, на котором по предложению модератора, профессора А.В. Венкова участники сосредоточились на обсуждении основных понятий современного периода истории казачества, которые представил профессор А.П. Скорик.

По его мнению, **возрождение казачества** – это современный исторический процесс, начавшийся с конца 1980-х гг. и продолжающийся до настоящего времени, имеющий две взаимосвязанные тенденции, с одной стороны, это стремление потомков казаков и присоединившихся к ним разноликих социальных неофитов сделать казаков публичным активным сообществом, а, с другой стороны, желание власть предержащих осуществить социальный проект по созданию неказачества, ориентированного исключительно на реализацию государственных интересов. Вместе с тем, современное возрождение казачества можно интерпретировать как социальный процесс духовного подъёма и организационного формирования казачества России. В нём выделяются три основных взаимосвязанных направления, вытекающие из имманентной социальной природы казачества: военно-сословное, культурно-этническое и социально-экономическое.

Понятие «возрождение казачества» следует признать сложившимся историческим термином, получившим весьма широкое распространение в казачьей среде, в официальном документообороте, в широком общественном сознании. С другой стороны, презюмируемое в таком лексическом обороте понятие вызывает немало вопросов у профессиональных исследователей, особенно слово «возрождение».

Но, на наш взгляд, раз уж понятие стало характеристикой социальной реальности в казачьих регионах со второй половины 1980-х гг., описывающей состояние гражданской активности потомков казаков, то было бы не (!) правильно его игнорировать. Более того, здесь надо выделять этапы, стадии, волны казачьего возрождения (кому как удобно в терминологическом плане). Для нас, как исследователя, очевидно наличие социальной группы казаков первой волны казачьего возрождения, в которую мы включаем активных участников казачьего движения 1990-х и первого десятилетия XXI века [20, с. 8]. Именно они, на наш взгляд, собственно, и составили лицо казачьего возрождения, именно они преодолевали раскол в казачьем движении. Но в 2000-е гг. зарождается новая волна казачьего возрождения, и смена поколений происходит примерно в 2010–2012 гг. Увы, вторая волна оказалась не такой активной и в большей степени, скажем вежливо, бюрократизированной. Происходит явный спад казачьего движения. В анализе этих процессов поможет понятие «система казачьего возрождения». Также нельзя забывать о подтексте социального проекта [21, с. 167–176], причём, как со стороны властей, так и со стороны, казачества.

Вот полученный комментарий профессора А.В. Баранова: «С точки зрения методологии конструктивизма, которую мы разделяем, современными казаками становятся те, кто желает и может считать себя казаком и действует соответствующим образом. Поэтому в современном обществе архаично выглядит разделение на «потомков» и «неофитов». Этот комментарий мы принять на свой счёт не можем и занимаем другую позицию, ибо в социальной реальности наличествует «неказачество», о чём убедительно писали и другие авторы, в частности, С.М. Маркедонов. К тому же мы активно участвуем в казачьем движении и знаем ситуацию изнутри.

Вот позиция профессора О.В. Матвеева: «Возрождение казачества. – О.В. Рвачева и другие выделяют в этом процессе не только конец 1980-х гг., но и 1920-е–1930-е гг.: «лицом к казачеству», колхозное казачество, снятие ограничений 1936 г., возрождение казачьей культуры, профессиональных хоров, воинских традиций и пр.». Мы занимаем иную позицию, и в период 1920-х – 1930-х гг. выделяем две социально-политические кампании: «лицом к казачеству» и «за советское казачество», ставшими генерализующими для двух десятилетий историческими сюжетами, когда власти неизбежно возвращались к использованию потенциала казачьих сообществ. Кроме того, говорить о возрождении не правомерно, ведь после Гражданской войны прошло 10–15 лет и жёсткого разрыва между поколениями казаков не наблюдалось. Обе кампании пришлось во многом практически на одни и те же поколения казаков, а казачья молодёжь воспитывалась под большим влиянием дореволюционных поколений, под воздействием казаков, прошедших сквозь жестокое горнило «германской» и Гражданской войн.

На втором заседании научного семинара в ЮНЦ РАН 16 декабря 2022 г. профессором А.П. Скориком также предлагалось для дискуссии понятие **«система возрождения казачества»**. Оно трактовалось как базовая совокупность государственных и общественных формирований, которые целенаправленно взаимодействуют в процессе осуществления государственной политики по воссозданию в социально-политической структуре современного российского общества особой корпорации – российского казачества. Система возрождения казачества, по мнению докладчика, одновременно обнаруживает три функциональные подсистемы (структуры): институциональную (элементная база), коммуникативную (доминиру-

ющие каналы и связи) и нормативную (устанавливаемые правила взаимодействия и ценностные установки). Институциональная подсистема – это социально-политические институты и организации (государственные и общественные), которые обеспечивают возрождение казачества. Коммуникативную подсистему (доминирующие каналы и связи) в возрождении современного казачества образуют общие социальные лифты, возникающие между её частями, элементами в процессе их взаимного уведомления о собственных статусах, функциях и действиях. Нормативная подсистема (устанавливаемые правила взаимодействия и ценностные установки) включает федеральные, региональные, муниципальные нормативные акты, социальные нормы и уставные документы казачьих организаций, регламентирующие процесс возрождения казачества.

Необходимость введения понятия «система казачьего возрождения» его автор обосновывал насущной потребностью аналитического структурирования рассматриваемых социальных процессов казачьего возрождения. Выделяемые: институциональная подсистема, коммуникативная подсистема, нормативная подсистема раскрывают составные части общего процесса. В каждой из них можно наблюдать свои генерализующие тенденции развития. Эволюция казачьих организаций, их вхождение в государственный реестр хорошо описывается в институциональном плане [22]. Характеристики участников казачьего возрождения могут быть рассмотрены в коммуникативной плоскости. И, конечно, заметно изменилось действующее российское законодательство в отношении казачества. Сами казаки чаще стали апеллировать к нормативно-правовым актам, причём, если раньше больше говорили о нормах, связанных с политической реабилитацией казачества, то теперь обращаются к локальным актам самих казачьих организаций, прежде всего, к уставам казачьих обществ. Правда, уровень знаний и понимания рядовыми казаками, да и многими атаманами (вплоть до окружных) норм права оставляет желать лучшего, в чём мы неоднократно лично убеждались, присутствуя на казачьих кругах.

В анализе современного российского казачества, на наш взгляд, можно использовать историко-политологический подход, и тогда эффективным инструментом окажется формула особой группы интересов, учитывая существующую незавершенность процессов казачьего возрождения. Иначе говоря, **особая группа интересов неказачества** – это способ осознания и выражения своих внутренних ожиданий, сформировавшихся потребностей, ассоциированных целей, намеренно моделируемых на основе сложного комплекса групповых представлений о прошлом, настоящем и будущем, для реализации которых создаются влиятельные объединения, стремящиеся приобрести государственно-значимый статус.

Эта дефиниция родилась у нас в ходе межличностных дискуссий с известным ростовским историком и философом Анатолием Владимировичем Лубским. Понятие «особая группа интересов» тогда (16 лет назад) только входило в научный оборот политологов. Оно позволяет выявить направления политической активности казаков, определить степень их институализации и уровень социальной организованности потомков казаков. Отсюда проистекают перспективы реализации особой группы интересов неказачества и неизбежность формирования групп давления, деятельность которых всегда носит политический характер. Другого не дано.

Тем самым, потомки казаков через участие в деятельности групп интересов неизбежно переходят от социальной к политической активности и образуют группу неказачества. Далее они формируют необходимые ресурсы для воздействия

на власть, создают каналы для трансляции нужд и запросов казачьего населения до управленческого локуса лиц и органов, принимающих политические решения. Функционально, мы полагаем, можно выделить четыре взаимосвязанных стадии реализации особой группы интересов неказачества.

Первая. Артикулирование интересов, когда через публичное оглашение происходит преобразование социальных эмоций и ожиданий, чувств и неудовлетворённости или солидарности потомков казаков в определённые политические требования. Например, перечень требований к председателю Ростовского областного Совета народных депутатов Александру Васильевичу Попову и исполняющему обязанности Главы Администрации Ростовской области Виктору Николаевичу Анпилову, принятый 21 сентября 1992 г. в Ростове-на-Дону, подчеркнём, на заседании представителей округов и станиц Области Войска Донского, вошедшие в обиход как «25 требований донского казачества» [23, с. 272–275].

Вторая стадия. Агрегирование интересов, когда осуществляется согласование частных потребностей, прежде всего, самих казачьих лидеров, установление между этими потребностями определённой иерархии, когда на этой основе осуществляется выработка общегрупповых целей. Вот, например, Атаман Союза казаков Области Войска Донского (в период 1992–1993 гг.) Василий Иванович Каледин получил на совершенно бюджетной основе трёхкомнатную квартиру в Новочеркасске. Ну, должен иметь атаман свою квартиру в столице донского казачества настойчиво твердили казаки. И всё тут! Агрегирование интересов предполагает отбор не только наиболее политически значимых требований, но также и тех, что имеют наилучшие шансы для практического воплощения. Это очень важно при историко-политологическом анализе движения казачьего возрождения. Когда неказачеству удавалось чего-то добиться, неизменно рос авторитет казачьих организаций.

Третья стадия – стадия информирования. Группы интересов неказачества доводят до органов государственной власти сведения о состоянии той или иной проблемы общественной жизни, то есть происходит трансляция общественного мнения. И вот здесь как раз осуществляется структурная подмена общественного мнения широких слоёв казачьего населения (казачества) частным мнением группы интересов неказачества, что, во многом, и обуславливало расколы в казачьем движении.

Четвёртая стадия – формирование казачьей политической элиты, о чём пишет в своей кандидатской диссертации И.М. Болдырев [24]. Группы интересов неказачества имеют возможность предлагать своих членов для работы в государственных органах (заместитель губернатора по вопросам казачества), поддерживать определённых деятелей в правительственных и других структурах (вспомним историю с Александром Владимировичем Руцким), влиять на отбор кадров (когда казаки стремились продвинуть «своих людей», например, в Государственную думу, где, увы, так и не появилось устойчивой казачьей группы), участвующих в процессе принятия решений.

На наш взгляд, четвёртая стадия оказалась не завершённой, равно как и попытки сформировать лоббистские ячейки в представительных органах власти. Но опыт такой был. Например, лидирующая казачья фракция в городской думе Новочеркасска 1-го созыва (1994–1997 гг.). Вот имена этих депутатов: Васильев Михаил Александрович, Дьяков Юрий Владимирович, Иванов Александр Викторович, Кетов Александр Анфианович, Ратиев Виктор Николаевич, Стрельцов Владимир

Семёнович. Главой Думы стал атаман города Юрий Владимирович Дьяков, его заместителями – Александр Анфианович Кетов и Владимир Семёнович Стрельцов.

Немаловажным понятием для самого современного казачества и процесса научного процессов его возрождения выступает **идеология**, поэтому на заседании научного семинара в ЮНЦ РАН 16 декабря 2022 г. профессором А.П. Скориком была предложена её трактовка. Идеология современного казачества, если обобщать социальную практику возрождения, опирается на следующие основные положения: 1) осуждение политики расказачивания; 2) утверждение, что казаки – это народ; 3) обязательное благословение православной церкви во всех насущных делах; 4) восстановление системы казачьего самоуправления; 5) использование традиционных форм общинного землевладения; 6) возрождение казачьих воинских частей; 7) социальная защита, прежде всего, славянского населения. В социальной практике эти положения дополняются целым рядом более конкретных предложений, среди которых в последнее время всё чаще выдвигаются требования гражданско-патриотического воспитания казачьей молодёжи.

Нам часто приходится слышать об отсутствии идеологии в современном казачьем движении, да и рядовые члены казачьих организаций редко могли и сейчас не всегда могут с толком и расстановкой сформулировать, ради чего они объединяются и какие идеи властвуют над их умами. Можно услышать фразы: «казаки от казаков ведутся», поэтому надо заботиться о сохранении казачьих традиций; «Слава Богу, что мы – казаки!», а, значит, мы сохраняем казачьи устои, и т.д. Мы проанализировали выступления казачьих лидеров, документы казачьих организаций, наши беседы с участниками казачьего движения, что позволило нам сформулировать понятие «идеология современного казачества», в котором структурно зафиксированы наиболее часто встречающиеся постулаты. При этом мы сегодня наблюдаем определённую эволюцию этих идеологических основ, скажем, постепенно ушли на второй план экологические требования как актуальный вопрос насущной повестки дня, реже говорят об использовании традиционных форм общинного землевладения. Естественно, в наши дни особое звучание приобретают задачи гражданско-патриотического воспитания казачьей молодёжи, о чём постоянно говорят на казачьих форумах.

Кроме системных основ идеологии казачества, на наш взгляд, следует обратить особое внимание на отдельные идеологемы, которые формируются как устойчивые элементы идеологической системы в рамках обозначенных нами 7 постулатов. Любые идеологемы, включая казачьи, всегда маркированы, иначе говоря, эмоционально сильно окрашены. Естественно, целенаправленное использование идеологем является эффективным средством управления массовым сознанием (что часто и делают отдельные казачьи лидеры), поскольку идеологема легко запоминается и создаёт иллюзию понимания чего-то самого главного у объекта манипуляции. Отличительным признаком идеологемы считается многократное изменение значений, в соответствии с политической прагматикой. Либо наблюдается в конкретной идеологеме изначальная расплывчатость значений при выплеске казаками эмоций. Идеологемы бывают позитивно маркированные («Слава Богу, что мы – казаки!»: это вариант выражения постулата № 2; «казак без веры – не казак»: это вариант выражения постулата № 3) и негативно маркированные («геноцид казачьего народа»: это вариант выражения постулата № 1). «Идеи возрождения казачества, –

правомерно пишет А.А. Озеров, – появились в контексте идеологемы возрождения России в целом» [25, с. 8].

По мнению профессора А.В. Баранова: «Прежде всего, сомнительно само существование сейчас или возможность существования в будущем какой-либо казачьей идеологии. Идеология – это система принципов, ценностей, политических ориентаций и установок поведения общности или общества в целом; она имеет наукообразное (но не научное в строгом смысле!) обоснование. Даже если встать на шаткую позицию, что казачество – это народ, нелепо ведь говорить о «чукотской идеологии», «цыганской идеологии» и проч. Есть идеологии государственные, партийные, межпартийные (либерализм, марксизм, консерватизм и др.). Поэтому корректно употребить термин «идейные ориентации», не более того. Также возражаю против тезиса 2 о том, что признание казачества народом – обязательное положение «казачьей идеологии». Большинство современных казаков, судя по социологическим опросам, считает себя частью русского народа, профессиональными воинами, но не отдельным народом. Поэтому я бы не упоминал тезис 2 среди опор такой идеологии».

Мы не согласны с позицией профессора А.В. Баранова. Почему сионизм – это вполне признанная идеология евреев, а у казаков, по мнению, Андрея Владимировича, идеологии быть не может? Чем они хуже евреев?! В чём казаки провинились?! Если Андрей Владимирович опирается на данные социологических вопросов, то мы имеем возможность наблюдать ситуацию изнутри. При формулировке понятия мы исходили из понимания казаками своей идеологии, а профессор А.В. Баранов предлагает внешние оценочные суждения, а это, на наш взгляд, два разных подхода к обсуждаемому предмету.

Отличительной чертой процесса казачьего возрождения является броская общественная реакция и попытки казаков отстоять своё особое место в российском социуме, что обуславливает применение к этой социальной тенденции характерного понятия. **Политический акционизм неоказаков** – это социально-групповое стремление к внешней демонстрации своей политической значимости (яркие, запоминающиеся мероприятия, порой ради самого мероприятия) для привлечения внимания общественности, органов власти и управления, для вовлечения новых прозелитов.

Казачье движение с самого начала его развёртывания во второй половине 1980-х гг. сопровождают очень яркие демонстрации своего присутствия в общественном пространстве, мы наблюдаем стремление казаков к мощному воздействию на гражданское общество. Авангардная практика радикального вторжения, давления на не готовую к этому публичную территорию с последующим скандалом со стороны казачества продолжалась до начала 2000-х гг., а затем стала сходить на нет, но это не означает, что такая практика исчезла вовсе. Провоцирование власти на актуальное острое реагирование в отношении казачества как прагматическая мысль ещё живёт в казачьей среде. Однако, если раньше казаки заставляли гражданское общество думать над тем, какое место должно занимать казачье движение в публичном пространстве, то сегодня этого нет. Политически ангажированные казачьи акции в былые времена стирали грани дозволенного, придавали динамику казачьему возрождению, вовлекали потомков казаков в какие-либо остросюжетные действия (акции), но теперь этого немного не хватает. В результате массовое общественное сознание утрачивает интерес к возрожде-

нию казачества. Подчеркнём, мы ни в коей мере не призываем казаков к акциям социального неповиновения, мы констатируем свершившийся факт.

Постепенно в течение первых двух десятилетий казачьего возрождения сложилась и закрепились признанная государством его организационная форма, в качестве которой выступает **войсковое казачье общество**. Это казачье общество, если давать определение, которое формируется из числа потомков казаков на принципах государственного реестра, включает лиц, признающих необходимость несения государственной службы и выполняющих такие обязанности, создаётся по иерархической вертикали на территориях субъектов Российской Федерации, в соответствии с Федеральным законом от 5 декабря 2005 года, № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества», допускающим вхождение в состав общества любого российского гражданина.

Понятие «войсковое казачье общество» сегодня получило широкое распространение, в том числе в обиходной лексике, а его определение далеко не всегда приводится. Поэтому мы на основе действующих норм российского законодательства попытались сформулировать дефиницию «войсковое казачье общество», а заодно указать на самый главный изъян государственно-реестрового подхода, связанный с указанным федеральным законом, ключевые положения которого «размывают» казачью сущность войскового общества. Существование войсковых казачьих обществ в рамках государственного реестра, с одной стороны, не ограничивает возможности функционирования общественных организаций потомков казаков, а, с другой стороны, естественно, сами казаки невольно испытывают тягу к войсковым казачьим обществам, если те оправдывают их социальные ожидания.

Третье заседание научного семинара «Казачество и казачествоведение в современной России: южный регион» прошло в ЮНЦ РАН **3 февраля 2023 г.**, на котором по предложению модератора, профессора А.В. Венкова участники семинара вернулись к обсуждению второй группы понятий, характеризующих казачьи традиции, которые представил профессор А.П. Скорик.

Прежде всего, надо определиться с генерализующим понятием **«казачьи традиции»**. С нашей точки зрения, казачьи традиции – это соблюдение устойчивых норм обычного права, обеспечивающее при их использовании самоорганизацию казачьей общности, опирающееся на применение системы наказаний и поощрений, гарантирующее порядок в общественной жизни, который создаётся в результате строгого и неуклонного исполнения всеми казаками неписаных принципов казачьей жизни.

При формулировании данной дефиниции мы использовали четыре основных формы реализации права: соблюдение, исполнение, использование и применение. Они приняты в теории государства и права, и на наш взгляд, могут служить опорными конструктами в интерпретации генерализующего понятия «казачьи традиции», выступающими в качестве норм обычного права. Также заметим, что общая формулировка понятия «казачьих традиций» обязательно дополняется перечнем конкретных традиций. Тем самым, мы концентрируем внимание на функциональном предназначении казачьих традиций.

По мнению профессора Кубанского государственного университета О.В. Матвеева, казачьи традиции – это соблюдение не только норм обычного права, но и традиционная система ценностей в целом, проявляющаяся в духовной, материальной и соционормативной культуре казачества. С нашей точки зрения, нормы обычного

права (неписанные законы казачьей жизни) как раз и закрепляли не только желательные модели поведения, но и фиксировали и традиционную систему ценностей в целом, проявляющуюся в духовной, материальной и соционормативной культуре казачества. В этой связи мы попытаемся дать определение одной из характерных казачьих заповедей, которые буквально пронизывают казачью культуру.

За други своя – это старинная казачья заповедь, в содержательном плане сочетающаяся с православной заповедью, обычно применяющаяся к жизненной ситуации военных условий, когда требуется оказать исчерпывающую помощь боевому товарищу (высшая степень самопожертвования: положить жизнь за други своя), и в среде донских казаков изначально воплощается в традиции односумства, которая распространяется не только на воинскую службу, но и на мирное время, поскольку односум воспринимался как станичный одногодок.

Как гласит Евангелие от Иоанна, глава 15, стих 13 (Ин. 15:13): «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». Очевидно, что эта старинная казачья заповедь должна использоваться в гражданско-патриотической работе со студентами. Важно пояснять значение односумства, поскольку эта традиция не так широко известна, как иные казачьи традиции.

По мнению профессора О.В. Матвеева, «за други своя – это христианская заповедь вообще. [Но это не мешает нам подчёркивать её значение в казачьей среде]. Обычай односумства надо рассматривать как отдельное понятие, связанное с переходом из гражданского в воинский мир и обратно». Мы же, соглашаясь с интегративным его свойством дадим ему чёткое определение.

Односумство – это старинный казачий обычай общинного проживания и мужского братства донских казаков, охватывавший все сферы исторической повседневности, но ключевым источником здесь выступала воинская служба. Земляческим коллективом для односумов являлась казачья сотня.

Подчеркнём, в ранний период исторического существования у казаков был распространён обычай жить по 10–20 человек в одном курене с общим хозяйством. Донцы состояли как бы в одной «суме», или «коше», по выражению того времени. Этот обычай породил затем понятие «односумы». Они и в походе, и в бою держались вместе. Условия жизни казаков требовали смолоду постоянной отлучки из дома, пребывания в частых военных экспедициях. «Казака, – гласит народная песня, – воспитала и взлелеяла не семья, не мать, а кормилец Дон Иванович, да чуждадельная сторона». Есть казачья поговорка: «У наших казаков обычай таков: поцеловал куму, да и губы в суму». Эти народные высказывания передают всю суть жизни казака, его военизированного быта. В обыденном сознании односум толкуется как одногодок, сослуживец по армии. Согласно трактовке известного словаря Алексея Васильковича Миртова, «Аднагодкаў называли аднасумами» (хутор Ольховский Куйбышевского района Ростовской области). В романе «Тихий Дон» М.А. Шолохов пишет: «Дед Гришака... был односумом с Прокофием Мелеховым». В бою односум всегда надёжно прикрывал спину товарища. С поля боя донцы старались вынести не только раненых, но и убитых, чтобы похоронить их с почестями, не оставив на поругание противнику.

Одной из важнейших традиций донцов являлось формирование полков и батарей из казаков одних и тех же станиц. Это давало возможность сохранять сплоченные боевые коллективы и не утрачивать старинный обычай «односумства». Своеобразным земляческим коллективом выступала казачья сотня. Отношения между

казаками в ней имели практически родственный характер. Поэтому командир сотни долгое время по существу выступал главой общества односумов. За есаулом, командиром сотни, казаки шли в бой, не оглядываясь назад. Ныне возобновляются традиции односумства, направление одностаничников в один и тот же род войск и в одно место назначения в условиях проведения Россией специальной военной операции.

В этой связи представляет определённый интерес **боевой клич донских казаков**, аналогичный известному русскому возгласу «Ура!» и звучащий как «Сарынь на кичку!», но имеющий несколько другой смысловой контекст. При истолковании словосочетания получается: народ (люди) двигайтесь вперёд. Согласно В.И. Далю, этимологически эта фраза восходит к историческим временам, когда на реке Волге казаки грабили царские караваны, и такой возглас ватажного казачьего атамана означал, что бурлаки должны прибыть на нос корабля (форштевень), чтобы затем его быстро покинуть, и не мешать казакам забрать свою добычу. Со временем произошло конвертирование изначального смысла, и фраза стала боевым кличем.

Безусловно, настаивать на возвращении старинного боевого клича и на его использовании современными казаками вряд ли целесообразно. Однако вполне уместно обращаться к микроистории о наличии у казаков своего боевого клича в целях военно-патриотического воспитания казачьей молодёжи. А вот мнение профессора О.В. Матвеева: «Боевой клич. Мне, кажется, что вряд ли необходимо какие-то частности выводить в фундаментальные казачьи понятия, тем более, что «сарынь на кичку» характерно скорее для раннего казачества. У кубанцев и терцев в атаке вообще был вой, гиканье, функцией которого было вывести из психологического равновесия противника. Понятия должны исходить из категорий, связанных с системой ценностей, основополагающих характеристик казачьего быта и др.». Мы согласны с точкой зрения профессора О.В. Матвеева. Предлагая это понятие, мы хотели найти смысловые пределы того круга понятий, которые заслуживают внимания научного сообщества историков-казакосоведов.

К числу нормативных регуляторов казачьей повседневности относится **военно-служилый корпоративный этикет казаков**. Это, по нашему мнению, установленный (неписаный) и строго соблюдаемый порядок поведения в казачьей среде, основанный на чинопочитании, атрибутивной демонстрации своей принадлежности к казачеству и казачьих традициях односумного межличностного общения. Тем самым, военно-служилый корпоративный этикет выражается в трёх ипостасях. *Во-первых*, речь идёт об отношении к чинопроизводству. Если в российской армии говорят «воинские звания», то у казаков принято использовать понятие «казачий чин». Если воинские звания присваивают, то казачьи чины вручают. Если в армии присвоение воинского звания означает продвижение по службе, то у казаков, прежде всего, чин – это награда за службу. Получая награду, казак публично произносит известную триаду: «Служу вере православной, Дону и Отечеству», и эта фраза более многозначна, нежели типичный отклик: «Служу России!», хотя его краткость по-своему важна. Особенно у казаков почитались те, кто, начиная службу простым казаком, становился затем офицером, получая естественное право на лидерство в казачьем сообществе. Вокруг вручения порой складывались весьма занимательные, лично ориентированные истории. Достаточно вспомнить вихорь-атамана Матвея Ивановича Платова с его стремлением к генеральскому чину, что приводит и сегодня потомков к ошибкам

в фиксировании даты рождения атамана с указанием даты рождения 1751 г, а не 1753 г. *Во-вторых*, атрибутивная демонстрация своей принадлежности к казачеству всегда оставалась для казаков существенным фактором исторической повседневности. Постоянное ношение казаками воинской формы или, как минимум, её элементов: тех же штанов с лампасами традиционно поражала российских обывателей, оказавшихся по тем или иным причинам на Дону. А взять знаменитый казачий чуб – гордость казака, ведь крестьянину вряд ли придёт в голову использовать специальные ножницы для завивания чуба, а для казака это считалось в порядке вещей. *В-третьих*, казачьи традиции односумного межличностного общения, характерного мужского братства в его лучшем понимании отличают казаков от иных социальных групп. Заметим, социально-психологическую атмосферу сложно передать словами, её надо прочувствовать. Наиболее памятный лично для меня случай связан с посещением станицы Милютинской 4 ноября 2015 г., когда в станичном храме Вознесения Господня на православный праздник Казанской иконы Божией Матери мы вместе с местным священником отцом Александром (Александр Алексеевич Персиянов) и милютинскими казаками пели казачьи песни.

Прочитируем возражение профессора О.В. Матвеева: «Военно-служилый корпоративный этикет казаков – почему только военно-служилый? Почему не менее сложный домашний этикет? Тем более даётся определение как не писанный, а как же устав: там и чинопочитание и атрибутивная демонстрация. Опять сюда включено односумство, его необходимо рассматривать как отдельную категорию». Мы считаем, что военно-служилый корпоративный этикет казаков имеет более важное значение для характеристики казачьей общности, хотя Олег Владимирович, безусловно, прав, надо расширить в этом вопросе смысловые границы.

На третьем заседании научного семинара «Казачество и казачествоведение в современной России: южный регион» 3 февраля 2023 г. в ЮНЦ РАН решили детально не рассмотренные дефиниции **обязательно распространить в среде историков-казачествоведов** (это мы и делаем на страницах специального журнала «Казачествоведение»), чтобы имела возможность учёным поработать над ними в исследовательской практике, а уж затем вернуться опять к обсуждению.

Дискуссионными и в настоящее время остаются понятия, подверженные политической конъюнктуре, к числу которых относится понятие **«Казакия»**. Часть казаков воспринимала названное понятие как казачий идеал, великую казачью мечту о земле обетованной, как историческое право казаков на земли Казачьего Присуда, на территории в образном произношении «сверху до низу», и «с низу до верху», или на большой бассейн реки Дон и прилегающие места. Понятие «Казакии» в качестве идеологической платформы считается одним из наиболее спорных. Автором идеи является историк Алексей Григорьевич Попов. Кроме того, исторически Казакией называли земли расселения казаков.

Действительно, историк А.Г. Попов высказывал предположение, что Земля Донская раньше называлась «Козакией», и на персидском языке «Козак значит Скифа». Насколько одобрительно к идее Казакии относился атаман М.И. Платов, желание которого о подготовке и издании книги «История о Донском Войске» (Харьков: Университетская типография, 1814 и 1816. В 2-х частях) целенаправленно реализовал А.Г. Попов, остаётся только догадываться. Идея Казакии со временем приобрела популярность, и к ней казаки неоднократно возвращались, особенно, в кризисные

периоды казачьей истории. Историческая трансформация идеи нами рассмотрена в специальной статье [26, с. 58–64].

По мнению профессора А.В. Баранова, «в российском зарубежье и в дискуссиях казачьих организаций этот термин связан с однозначной независимостью от России, с продвижением проекта отдельного национального государства и расчленения СССР (см. работы Ю.К. Кириенко, Л.Ф. Соцкова, О.В. Ратушняка, А.Л. Худобородова, А.В. Баранова и др.). Как ни оценивать Казакию, это был идеологический проект, противопоставленный сильному Российскому государству и интегрированным в состав России казачьим территориям». Но разговоры о Казакии идут и сейчас, и в казачьем сообществе продолжают в разных контекстах обсуждать идею казачьей автономии. Как мы полагаем, надо историческому сообществу вырабатывать отношение к идее казачьей автономии и не уходить от дискуссии. На каждом из исторических этапов казачьей истории эта идея существовала. Подчеркнём, Казакия – это термин, используемый также для обозначения традиционных областей, где существовали или существуют казачьи общины на территории России и Украины. Поэтому с этих позиций ничего предосудительного в использовании понятия «Казакия» нет. Вопрос в его чрезмерной идеологизации рядом исследователей вслед за казачьей эмиграцией. В чём однозначно прав профессор А.В. Баранов, так это в необходимости детальных исторических комментариев к обсуждаемому понятию. Вот авторская позиция профессора О.В. Матвеева: «Казакия – это интеллектуальные упражнения казачьей национальной эмиграции, далёкие от идеалов казачьей массы. У Попова Казакия – не идеал, а название древней страны по Константину Багрянородному, которую А.Г. Попов считал родиной казаков. Лучше брать категории традиционной картины мира, где воля, справедливость, братство имеют ведущее значение». В общем, острая дискуссия продолжается.

Ещё один острый сюжет о понимании расказачивания. **Расказачивание** – это, на наш взгляд, специальный комплекс мероприятий государственной власти, направленных на размывание и использование социальных качеств казачества в государственных целях; на искоренение казачьего сословия в структуре общества; на физическое устранение казаков. Одновременно расказачивание также выступает естественноисторическим процессом утраты казачеством его изначальных свойств. Расказачивание является исторической научной категорией, позволяющей характеризовать и описывать исторический процесс на определённом этапе существования казачества в историческом пространстве России. В трактовке расказачивания сложился устойчивый стереотип о его жёсткой непосредственной связи с известной «Директивой о расказачивании» [27, с. 176–178], причём, акцентируется внимание только на физическом истреблении казаков. Однако здесь не всё так однозначно, и специалисты об этом знают, хотя в массовом общественном сознании, особенно, потомков казаков, преобладает обозначенный стереотип. Не будем углубляться в бесконечную дискуссию о расказачивании. Обратим внимание на два существенных обстоятельства. Первое: естественноисторический процесс утраты казачеством его изначальных свойств, который чётко фиксируется историками. Второе: стремление части ангажированных исследователей выйти за рамки сложившейся исторической терминологии и использовать исключительно понятие «геноцид казачьего народа». Историкографическая критика этого сюжета нашла отражение в известной статье профессора А.В. Венкова в журнале «Новое прошлое» [28, с. 275–290]. Кроме того, заметим, что помнить о трагедии, безусловно,

необходимо, отмечать такие даты надо всегда, но воспитывать исключительно на трагедиях казачью молодёжь не стоит.

На наш взгляд (и здесь мы полностью согласны с профессором Игорем Олеговичем Тюменцевым), понятие «расказачивание» надо рассматривать одновременно с дефиницией, обозначающей обратный исторический процесс. **Показачивание** – это целенаправленная политика имперских и войсковых (отчасти в более позднее время советских) властей по включению переселенцев из малороссийских и центральных губерний Российской империи и переводу компактных групп населения, прежде всего, казённого крестьянства, в казачье сословие с установлением для названных групп комплекса сословных льгот и привилегий и введения мер социальной поддержки на переходный период.

Это понятие довольно редко используется исследователями, но от этого оно вовсе не теряет своего значения для научных изысканий. В характеристике государственной политики по отношению к казачеству показачивание выступает её неотъемлемым элементом в разные исторические эпохи. Результатом показачивания стало появление в казачьем сообществе категории приписных казаков, то есть иногородних, принятых в казачью среду. Тем самым, показачивание, с одной стороны, выступает составной частью государственной политики по отношению к казачеству, а, с другой стороны, это внутренний процесс в казачьем сообществе. Возрождение казачества, начавшееся во второй половине 1980-х гг., точно также сопровождалось показачиванием представителей других социальных и этнонациональных групп, порой очень далёких от казачества как такового, но очень своевременно почувствовавших складывавшуюся в общественной жизни нашей страны политическую и экономическую конъюнктуру.

Большая политическая конъюнктура заключена в понятии **«геноцид казаков»** (или геноцид казачества, или геноцид казачьего народа). Это понятие введено в научный оборот рядом политически ангажированных историков в начале 1990-х гг. Геноцид казаков нередко сравнивают с геноцидом армян, а также с иными подобными событиями. Понятие появилось в связи с необходимостью обоснования принятия благожелательных государственных решений в отношении казачества. Дефиниция подразумевает массовое физическое, практически полное истребление казачества в 1920-е – 1930-е гг., разрушение культурных ценностей и исторического наследия казачества, глобальное выселение казаков за пределы родных поселений с целью их дальнейшего окончательного уничтожения. Понятие употребляется по отношению к советскому периоду истории, но историческими источниками оно никак не подтверждается, хотя в современной историографии отрицание политических репрессий казачества встречается крайне редко, ввиду наличия реальных фактов проведения антиказачьих акций советской властью.

Понятие носит, на наш взгляд, политологический характер, и является примером некорректного междисциплинарного заимствования. Самое главное, оно явно вредит делу налаживания нормальных отношений современного казачества с органами государственной власти и международному авторитету Российского государства. Так, в изданной в 2017 г. монографии Н.Н. Лысенко безапелляционно провозглашается жёсткий тезис о необходимости созыва Международного трибунала по расследованию геноцида казаков, якобы, осуществлявшегося в СССР [6, с. 17]. А поскольку автор книги прямо пишет о Российской Федерации как правопреемнице СССР [6, с. 100], «логика должна подсказать читателю, что

в Новочеркасске Международный трибунал будет судить Российскую Федерацию» [28, с. 278].

По мнению профессора А.В. Баранова, необходимо обратить внимание на просто нереалистичный фрагмент «практически полное истребление казачества в 1920-е – 1930-е гг.». Историки давно установили, что рассказывание в форме массовых репрессий (не только убийств, но и депортаций, голода, эмиграции) привело к сокращению численности казачества на Юге России (Дону, Кубани, Тереке) не более чем на 200–400 тыс. из 3,2 млн. казаков, проживавших на 1913 г. Это огромная трагедия, но ведь не «практически полное истребление»! Иначе было бы невозможно восстановление численности казачества на Юге России по данным переписи 1926 г. И позже казаки сохранялись, хотя мы не можем по переписям и паспортному учёту судить об их численности в 1930-х гг. и позже». На этом историографическом статистическом фоне признаваемых подавляющим большинством историков-профессионалов обобщающих данных Всесоюзной переписи 1926 г. выглядят откровенными «сказками бабы Фисы» утверждения некоторых современных историков (часто оторванных в своей территориальной локации от традиционных казачьих регионов), что в ходе и после Гражданской войны в России, «в результате политики, проводимой по отношению к казачеству, часть казаков была загнана в концлагеря, часть казаков расстреляна» [29, с. 161], и в итоге казачество исчезло. Вот так в отдельных работах излагается точка зрения и преподносится понятие «геноцида казаков», вокруг которого разворачивается жаркая дискуссия в современной историографии. Мы приводим интерпретацию этого понятия, чтобы показать его неприемлемость со стороны профессионалов в историческом сообществе.

Ещё одной группой понятий, частично обсуждённых и/или отложенных на будущее на заседаниях научного семинара «Казачество и казачествоведение в современной России: южный регион», проходивших в ЮНЦ РАН, стали понятия советского периода истории казачества, которые требуют не меньшего внимания, чем уже обстоятельно обсуждённые участниками семинара. К их числу относится дефиниция **«повстанческое движение на Дону»**. С нашей точки зрения, это военно-политическая борьба в первой половине 1920-х гг., которую вели с властями казаки, несогласные с итогами Гражданской войны на Дону и использовавшие массовое недовольство местного населения осуществлявшейся большевиками политикой продразвёрстки. В исторических источниках советского периода повстанческое движение принято называть исключительно «борьбой с бандитизмом», при этом «бандитизм» рассматривался в двух генерализующих формах: политической и уголовной, с акцентом на второй, негативной форме. Повстанческое движение во многом предопределило переход к политике «лицом к казачеству».

Повстанческое движение на Дону как научное понятие недавно утвердилось в современной российской историографии. К поименованию борцов с советской властью повстанцами пришли далеко не сразу. Одним из первых об этом в конце XX в. стал писать ростовский историк Павел Григорьевич Чернопицкий [30, с. 3–12]. Кубанский исследователь А.В. Баранов раздвинул в Северо-Кавказском регионе временные рамки до 1924 г. Однако хронологически первой публикацией считается небольшая статья в журнале «Красная армия» начальника разведывательного отдела Первой Конной армии Ивана Сергеевича Строило [31, с. 55–53; 32]. Несмотря на уже сложившуюся историографию и наличие фундированных специальных работ, например, кандидатской диссертации Алексея Николаевича

Грищенко [33], здесь есть над чем основательно поработать, в том числе, в методологическом плане, обновляя категориально-понятийный аппарат.

Ещё одним понятием, ставшим достаточно привычным для современной российской историографии, является дефиниция **«казаки-репатрианты»**. Так теперь принято называть казаков, вернувшихся в течение 1920-х гг. на малую родину после вынужденной эмиграции в результате Гражданской войны и целенаправленно амнистированных советской властью. По определению они были поражены в политических правах, ограничивались в праве на труд, состояли на особом учёте в органах ОГПУ. В исторических источниках они также называются «реэмигранты». В своей докторской диссертации проблему репатриации казаков в Советскую Россию в качестве отдельного исторического сюжета рассматривает Олег Валерьевич Ратушняк [34, с. 127–138].

Возвращение казаков на малую Родину после эмиграции в результате Гражданской войны представляет собой довольно сложное историческое явление. Весьма продолжительное время лица, уехавшие из страны за границу, проживавшие там какое-то, а затем вернувшиеся в Россию считались людьми иного сорта, ведь они несли на себе социальное клеймо бывшего эмигранта. Попытки репатриантов создать себе новое прошлое, в конце концов, заканчивались неудачей. Четыре-пять лет назад мы проследили качели судьбы донского казака-репатрианта Петра Ивановича Утишева, уроженца хутора Земцов Боковской станицы, с именно таким жизненным итогом [35, с. 276–305]. К сожалению, обозначенный круг научных проблем обычно трактуется в рамках представлений о казачьей эмиграции, или казачьем зарубежье, когда часть казаков вернулась на малую Родину. Эта модель исторического описания, на наш взгляд, уже явно устарела, хотя и несёт определённый творческий потенциал. Исследователям необходимо переходить к созданию социально-психологического портрета казака-репатрианта. Отчасти такой подход лежит в русле исторической социологии, но и он будет промежуточным. Есть понятие «соотечественники», и его социально-правовой смысл в приемлемом варианте определён в Федеральном законе от 24 мая 1999 г., № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», где норма-дефиниция, изложенная в пункте 1 статьи 1 «Понятие соотечественника», предметно гласит: «Соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нём и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии». Однако и это понятие, на наш взгляд, отчасти разделяет наших людей. Как мы полагаем, необходимо разрабатывать модель исторического описания под рабочим названием «Казак, временно покинувший Родину», искать её смысловые пределы, прописывать дефиниенс, продумывать категориально-понятийный аппарат.

Разворот советской власти в сторону казачества в середине 1920-х гг. можно считать вполне закономерным историческим явлением, обозначаемым историками-казаковедами понятием **«политика «лицом к казачеству»**. На наш взгляд, в понятийном плане оно означает региональную конвертацию большевистского партийного курса «лицом к деревне», который осуществлялся в бывших казачьих областях в течение 1925–1927 гг. и был тактическим курсом правящей партии, направленным на достижение социального компромисса с казачеством путём его вовлечения в местные органы советской власти. Среди самих казаков резкое

изменение политики советской власти воспринималась нередко как капитуляция большевиков на фоне обострения международной обстановки. Всесторонняя поддержка власти всего казачьего в публичном пространстве оказалась кратковременной, в связи с вызывавшим беспокойство большевиков нарастанием социального доминирования казаков на местах.

Политика «лицом к казачеству» и сегодня нередко теряется в попытках некоторых недобросовестных профессиональных историков, общественных деятелей и публицистов доказывать глобальные масштабы советского рассказывания в 1920-е – 1930-е гг. Политику «лицом к казачеству» стремятся, как бы не замечать, пропускать как нечто не существенное, не значительное. Более того, постулат о глобальных масштабах советского рассказывания в 1920-е – 1930-е гг. неоднократно озвучивали даже первые лица Российской Федерации. На наш взгляд, следует говорить о двух циклах государственной политики по отношению к казачеству в 1920-е – 1930-е гг., что мы и доказывали в одной из своих научных статей [36, с. 102–113]. Каждый цикл складывается из следующих четырёх стадий: 1) социальный протест казаков, борьба с советской властью; 2) репрессии большевиков (антиказачьи акции); 3) резкий переход власти к политической лояльности в отношении казачества; 4) благожелательная реакция казаков и налаживание сотрудничества с властями.

Вместе с тем, подчеркнём, поставленные большевистским руководством цели и ожидаемые им результаты от политики «лицом к казачеству» оказались в значительной мере противоположны тем итогам, которые были получены в ходе реализации указанного политического курса. Наряду с ожидаемым распространением и усилением просоветских настроений в станицах и хуторах, на Дону наблюдалось и совершенно нетерпимая для большевиков активизация критики в их адрес со стороны широких слоёв казачества, попытки казаков (в значительной мере успешные в условиях относительной свободы выборов) заполнить органы местного самоуправления отнюдь не коммунистами и представителями их социальной базы в лице бедняков и батраков, а инициативными земледельцами, многие из которых относились к зажиточной верхушке станицы. Одновременно, в казачьих районах обострилась сословная вражда между казаками и иногородними, так как первые расценили политику «лицом к казачеству» как ослабление позиций компартии. Достаточно вспомнить случай с казаками станицы Кочетовской. В 1926 г. казаки станицы Кочетовской поехали на юртовую землю, требовать от «хохлов» (иногородних) аренду за землю (посажённую плату?!), требуя срочной выплаты, начиная с 1919 г., но «хохлы», вместо денег, избили казаков вилами [37, л. 23]. Печальные итоги политики «лицом к деревне» были прогнозируемы, поскольку компартия не собиралась отказываться от безусловной монополии на власть, и её лидеры негативно восприняли последовавший в середине 1920-х гг. относительно незначительный рост самостоятельности и самостоятельности казаков Дона, когда «казак попёр в советы[,] и у нас спрашивать не стал» [1, с. 472].

Профессор А.В. Баранов предложил уточнить «датировку политики «лицом к казачеству». Полагаем, она началась осенью 1924 г. (с докладной записки Н.И. Бухарина, Г.Я. Сокольников и др.), т.е., с осени 1924 по начало 1927 г. (до арестов и расстрелов в связи с «военной тревогой»). Против такого уточнения мы, в общем-то, не возражаем. Действительно, Москва поднимает вопрос

осенью 1924 г., но в казачьих регионах проблема поднимается только в марте 1925 г. Ключевым же становится апрельский пленум ЦК РКП(б) 1925 г., что весьма профессионально в своё время доказано Я.А. Переховым [38]. Также размыт вопрос о затухании этой политики. Видимо, лучше говорить весна 1927 года, поскольку 1 июня 1927 г. ЦК ВКП(б) выпустил обращение «Ко всем организациям ВКП(б). Ко всем рабочим и крестьянам», в котором сообщил о возникшей угрозе империалистического вторжения. После чего о каких-либо либеральных послаблениях уже говорить не приходилось.

Более долговременной, нежели политика «лицом к казачеству» оказалась **кампания «за советское казачество»** – это исторический период в годы советской власти (1935–1941 гг.), когда правящая партия большевиков и органы советской власти на основе публичного признания ими коренного изменения социального поведения казаков и полного их перехода на сторону советской власти объявили казачество советским. Это признание, в том числе, вылилось в создание казачьих территориальных воинских частей, развёртывание военной подготовки казачьей молодёжи (в частности, с поддержкой властями клубов «ворошиловских кавалеристов»), проведение массовых мероприятий с участием казаков (обязательно в традиционном казачьем костюме), проявление повышенного внимания к развитию казачьей культуры. Устойчивыми в повседневном общении и на официальном уровне стали такие словосочетания: «советские казаки», «казаки-колхозники», «казачьи колхозы». В казачьих областях произошло частичное показачивание иногороднего населения.

Кампания «за советское казачество» зачастую понимается утилитарно, когда обычно говорят и пишут о возобновлении существования казачьих кавалерийских частей и отмене ограничений для казаков на службу в РККА, которых, как это не удивительно звучит, не вводилось. Подчеркнём, в кампании «за советское казачество», которую мы рассматривали в своей докторской диссертации [2], наличествует целый спектр разнообразных сюжетов: деятельность казачьих колхозов, социалистическое соревнование между казачьими регионами, движение «ворошиловских кавалеристов», повышенное внимание к казачьей культуре (функционирование театра казачьей молодёжи в станице Вёшенской), конные переходы, массовые казачьи праздники, посвящение региональных и московских большевиков в казаки, и многое другое. Главная публичная констатация социально-политической кампании «за советское казачество» гласит так: казаки окончательно перешли на сторону советской власти, казачество теперь стало советским «по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству». Теперь «основная и подавляющая масса казачества сжилась и сроднилась с колхозным строем, сжилась и сроднилась с советской властью, покончив с проклятым прошлым, когда казачьи районы, особенно Дон и Кубань, были оплотом контрреволюции и гнездом антисоветского саботажа» [39]. Кроме того, не стоит забывать и о том, жизнь простого казака действительно становится лучше во второй половине 1930-х гг. В активную повседневную деятельность входят поколения казаков, воспитанных и рождённых при советской власти, поэтому эта часть казачьего сообщества с большим удовлетворением встретила кампанию «за советское казачество».

С началом Великой Отечественной войны появляется особая группа казаков, получившая название **казаки-коллаборационисты** – это социальная группа казачества, дополненная иногородними и казаками-эмигрантами, открыто перешедшая

на сторону фашистского политического режима в результате оккупации территорий казачьих регионов Юга России фашистской Германией и её сателлитами, принявшая на себя добровольно обязанности военно-полицейской и иной службы преимущественно на возмездной основе, выполнявшая задания немецкого командования и рассчитывавшая на лояльное отношение германских завоевателей к автономии казачества. Казаки-коллорабационисты, при всех возможных различиях в их жизненных траекториях, запятнали себя участием в преступных деяниях нацистского оккупационного режима и фашистской администрации, а так же, как правило, понесли за них законное наказание.

Вначале эту дефиницию мы хотели включить в третью группу понятий, подверженных политической конъюнктуре, но заметно усиливающаяся в современной историографии тенденция достаточно взвешенного подхода к коллаборационизму подтолкнула нас к другому варианту. Прежде всего, следует подчеркнуть, что эта группа казачества довольно сильно пополнялась в годы фашистской оккупации иногородними. В ней также смешивались различные группы казачества: донское, кубанское, терское и др. Казаки-коллорабационисты при установлении их общей численности нередко считались и считаются исследователями вместе со своими семьями. В этой группе при формировании частей вермахта интегрировались казаки, прожившие два десятилетия в условиях господства советской власти и казаки-эмигранты, соединялись идейные противники большевиков и рядовые обыватели. К тому же общая численность казаков-коллорабационистов не идёт ни в какое сравнение с казаками, вставшими на защиту своего Отечества и добровольно вступившими в ряды РККА, более 500 тыс. только донских казаков. Максимальное количество казаков-коллорабационистов оценивается не более 100 тыс. человек. В среде казачьей эмиграции фигурирует другая цифра в 250–300 тыс. человек, и российских исследователей казаки русского зарубежья прямо обвиняют в недостаточном внимании к проблеме казачьего коллаборационизма и в недооценке количественных параметров этой группы казачества. Дополнение о запятнанной чести и законном наказании казаков-коллорабационистов внесено в определение данного понятия по предложению профессора Кубанского государственного университета А.В. Баранова.

С развёртыванием коллективизации сельского хозяйства появляется в казачьих регионах, ранее не характерное для казачьих регионов, понятие **«казаки-колхозники»** – это казаки, вступившие в колхозы, признававшиеся советской властью своими сторонниками, сохранявшие в быту и в общественном пространстве в дозволенной властями форме казачьи традиции. Исторически понятие активно использовалось в период с начала 1930-х до середины 1950-х гг.

Понятие «казаки-колхозники», как мы доказываем в своих работах, получило широкое распространение в 1930-е гг. и имело хождение в быденной практике до середины 1950-х гг. Оно исчезает в связи с постановкой целей и задач коммунистического строительства, когда дробление советского общества на подобные группы стало признаваться не целесообразным и не нужным в стройных рядах строителей коммунизма. Однако следует отличать официальное общественное пространство и историческую повседневность станичников, где в казачьей среде хорошо помнили, кто и при каких обстоятельствах вступал в местный колхоз, кто в станице или хуторе считался «кулаком», а кто был «кулацким подпевалой».

Итак, мы представили все дефиниции, которые рассматривались на трёх заседаниях научного семинара «Казачество и казаковедение в современной России:

южный регион», проходивших в ЮНЦ РАН, несомненно, ставших историографическим фактом, и обсуждавшиеся на них понятия о казачестве ныне могут выступать исходным контентом для историков-казачеведов в их исследовательском творчестве, в том числе для дискуссий. Тем самым данный историографический факт одновременно выступает историографическим источником, наряду с проанализированными в нашей статье материалами Донского казачевского научного семинара. Оба рассмотренных научных семинара раскрывают процесс приращения исторических знаний, позволяющий определить базовые историографические тенденции в современном российском казачеведении. Мы получили совокупность толкований многих актуальных проблем исторического казачеведения, как в плане привлечения конкретно-исторических массивов данных, так и вариантов их осмысления.

Эффективность форм профессиональной межличностной коммуникации, в том числе, научных семинаров, зависит от способностей их организаторов привлечь исследователей к общению в определённом историографическом направлении, и это подтверждает наш опыт проведения научной конференции «Российская государственность в судьбах народов Кавказа» в Пятигорском государственном университете, где много лет мы являемся модераторами вместе с профессором Юрием Юрьевичем Клычниковым и где, несмотря на региональный статус, уже прошло 13 памятных встреч с развёрнутыми дискуссиями, с апробациями диссертаций, монографий, рейтинговых статей, с изданием итоговых сборников с обширными материалами. Другое дело, что научный семинар при правильной его организации по определению способен обеспечить обстоятельную дискуссию по заданной проблеме для относительно узкого профессионального исторического сообщества, каким в нашем случае выступают историки-казачеведы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Панкова-Козочкина Т.В. Казаки и крестьяне Юга России в 1920-х годах: социально-политическая жизнь и хозяйственно-экономическая деятельность. Дис... докт. ист. наук: 07.00.02. Новочеркасск, 2016. 617 с.
2. Скорик А.П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований. Дис... докт. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2009. 540 с.
3. Krinko E., Skorik A., Shadrina A. The Don and Kuban Regions During Famine: The Authorities, the Cossacks, and the Church in the 1921–1922 and 1932–1933 // Nationalities Papers. 2020. Т. 48. № 3. С. 569–584.
4. Скорик А.П., Бондарев В.А., Матишов Г.Г. Казачество Юга России в советскую эпоху: проблемы и перспективы научного исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 5. С. 219–236.
5. Рвачёва О.В. Возрождение казачества на юге России в советский период (середина 1920-х-начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.): историко-сравнительный анализ. Дис... докт. ист. наук: 5.6.1. Волгоград, 2022. 582 с.
6. Лысенко Н.Н. Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918–1933 гг. Опыт этнополитического исследования. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2017. 636 с.
7. Сень Д.В. Научные реконструкции биографии Степана Разина: достижения, проблемы, перспективы // Славяноведение. 2022. № 4. С. 67–81.
8. Мауль В.Я. «Измена во имя царя»: полковник И.Н. Дзиньковский и Разинский бунт // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2022. Вып. 7. С. 167–172.
9. Дюкарев А.В. Казачьи генеалогии в историко-культурном контексте Кубани: на материалах родословной атамана В.Г. Науменко. Дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Армавир, 2017. 211 с.
10. Сень Д.В. О перспективах Донского казачевского научного семинара: «ДКНС сегодня: от идеи – к концепции» // URL: <https://dzen.ru/video/watch/660a9cd3ae5b393530dbce77> (Дата обращения: 18.04.2024).

11. Комсомольская правда. 2002. 1 марта.
12. Лукичев П.Н., Скорик А.П. Лингвокультурная дихотомия «право» – «лево» в социальной терминологии индоевропейцев // Социологические исследования (Социс). 2011. № 9. С. 131–140.
13. Интервью атамана Всевеликого Войска Донского, командующего казачьей национальной гвардией Козицына Николая Ивановича к казакам 23 декабря 2023 г. // URL: <https://rutube.ru/video/71a60fe7c8a493dbb120b6fd07a4f82f/> (Дата обращения: 19.04.2024).
14. Козлов А.И. Ряженые: Возрождение казачества: мифы и реальность // Родина. 2004. № 11. С. 11–14.
15. Маркедонов С.М. Феномен российского неоказачества // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы: Сборник статей по материалам науч.-практ. конф., 30 мая 2001 г. М.: Ин-т политического и военного анализа, 2001. С. 106–119.
16. Лукичев П.Н., Скорик А.П. Квазигосударственность // Политические исследования (Полис). 1994. № 5. С. 139–142.
17. Скорик А.П., Федина И.М. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII – первая треть XX вв.). Новочеркасск: Лик, 2016. 420 с.: ил.
18. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 574 с.
19. Федина И.М. Исторические формы поселений и поселенческий уклад казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII – начале XX веков. Дис... докт. ист. наук: 5.6.1. Краснодар, 2023. 595 с.
20. Скорик А.П. Атаманы и казаки Константиновского юрта в постсоветской России. М.: Древлехранилище, 2019. 224 с.
21. Скорик А.П. Казачья корпорация на Дону как современный социальный проект // Клио. 2006. № 1 (32). С. 167–176.
22. Водолацкий В.П. Казачество в современном обществе: социологическое измерение: Автореф. дис... докт. социол. наук: 22.00.04. Ростов-на-Дону, 2011. 49 с.
23. Скорик А.П. Первый Донской округ: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск: Лик, 2012. 520 с.
24. Болдырев И.М. Институционализация казачьей элиты: на примере войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское». Автореф. дис... канд. политических наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2013. 21 с.
25. Озеров А.А. Возрождение казачества: идеи и социальная практика (социально-философский аспект). Автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2003. 23 с.
26. Скорик А.П. Казакия: постулаты, власть, практика // История государства и права. 2015. № 6. С. 58–64.
27. Циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП (б) «Об отношении к казакам» 24 января 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 176–178.
28. Венков А.В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» // Новое прошлое (The New Past). 2018. № 1. С. 275–290.
29. Пеньковский Д.Д. Репрессии Советской власти против казачества в ходе и после Гражданской войны в России (1918–1937 гг.) // Вестник Национального института бизнеса. 2018. № 32. С. 159–164.
30. Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920–1922 гг. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1998. № 3. С. 3–12.
31. Стройло И.С. Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа // Красная Армия. 1921. № 9. С. 55–65.
32. Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории Северо-Кавказского военного округа по данным к... : [Совершенно секретно]. [Б. м.]: [Б. и.], 1921–1922. 21 см. 1-му декабря 1921 г.: 1-му декабря 1921 г.: За октябрь и ноябрь 1921 г. [19--]. 27 с.
33. Грищенко А.Н. Антибольшевистское повстанческое движение в Донской области в 1920–1922 годах. Дис... канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов-на-Дону, 2009. 229 с.
34. Ратушняк О.В. Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни (1920-е – 1960-е гг.). Дис... докт. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2017. 533 с.
35. Скорик А.П. Качели судьбы донского казака-репатрианта Утишева: опыт исторической биографии // Российская государственность в судьбах народов Кавказа–XI. Материалы региональной науч.-практ. конф. Пятигорск, 26 апреля 2019 г. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 276–303.
36. Скорик А.П. Рассказывание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 102–113.
37. Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 174.

38. *Перехов Я.А.* Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов-на-Дону: Гефест, 1997. 137 с.
 39. Советские казаки // Правда. 1936. 18 февраля.

REFERENCES:

1. *Pankova-Kozochkina T.V.* Kazaki i krest'yane Yuga Rossii v 1920-h godah: social'no-politicheskaya zhizn' i hozyajstvenno-ekonomicheskaya deyatel'nost'. Dis... dokt. ist. nauk [Cossacks and peasants of Southern Russia in the 1920s: socio-political life and economic activity. Dissertation of the Doctor of Historical Sciences]: 07.00.02. Novocherkassk, 2016. 617 p.
2. *Skorik A.P.* Kazachestvo Yuga Rossii v 30-e gody XX veka: istoricheskie kollizii i opyt preobrazovaniy. Dis... dokt. ist. nauk [Cossacks of the South of Russia in the 30s of the twentieth century: historical collisions and experience of transformations. Dissertation of the Doctor of Historical Sciences]: 07.00.02. Stavropol, 2009. 540 p.
3. *Krinko E., Skorik A., Shadrina A.* The Don and Kuban Regions During Famine: The Authorities, the Cossacks, and the Church in the 1921-1922 and 1932-1933 // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48. No. 3. pp. 569-584.
4. *Skorik A.P., Bondarev V.A., Matishov G.G.* Kazachestvo Yuga Rossii v sovetskuyu epohu: problemy i perspektivy nauchnogo issledovaniya [The Cossacks of Southern Russia in the Soviet era: problems and prospects of scientific research] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4, The Story. Regional studies. International relations]. 2022. Vol. 27, No. 5. pp. 219-236.
5. *Rvacheva O.V.* Vozrozhdenie kazachestva na yuge Rossii v sovetskij period (seredina 1920-h-nachalo 1940-h gg.) i v postsovetskij period (1990-e – 2000-e gg.): istoriko-sravnitel'nyy analiz. Dis... dokt. ist. nauk [The revival of the Cossacks in southern Russia during the Soviet period (mid-1920s-early 1940s) and in the post-Soviet period (1990s – 2000s): historical and comparative analysis. Dissertation of the Doctor of Historical Science]: 5.6.1. Volgograd, 2022. 582 p.
6. *Lysenko N.N.* Genocid kazakov v Sovetskoj Rossii i SSSR: 1918–1933 gg. Opyt etnopoliticheskogo issledovaniya [The genocide of the Cossacks in Soviet Russia and the USSR: 1918-1933. The experience of ethnopolitical research]. Rostov-on-Don: Altair, 2017. 636 p.
7. *Sen D.V.* Nauchnye rekonstrukcii biografii Stepana Razina: dostizheniya, problemy, perspektivy [Scientific reconstructions of Stepan Razin's biography: achievements, problems, prospects] // Slavyanovedenie [Slavic Studies]. 2022. No. 4. pp. 67-81.
8. *Maul V.Ya.* «Izmena vo imya carya»: polkovnik I.N. Dzin'kovskij i Razinskij bunt [“Treason in the name of the tsar”: Colonel I.N. Dzinkovsky and the Razinsky revolt] // Belgorodskaya cherta: Sbornik statej i materialov po istorii Belgorodskoj oboronitel'noj cherty [Belgorod line: A collection of articles and materials on the history of the Belgorod defensive line]. Belgorod, 2022. Issue 7. pp. 167-172.
9. *Dyukarev A.V.* Kazach'i genealogii v istoriko-kul'turnom kontekste Kubani: na materialah rodoslovnoj atamana V.G. Naumenko. Dis... kand. ist. nauk [Cossack genealogies in the historical and cultural context of Kuban: based on the pedigree of Ataman V.G. Naumenko. PhD in Historical Sciences]: 07.00.02. Armavir, 2017. 211 p.
10. *Sen. D.V.* O perspektivah Donskogo kazakovedcheskogo nauchnogo seminar: «DKNS segodnya: ot idei – k koncepcii» [About the prospects of the Don Cossack Studies scientific seminar: “DKNS today: from idea to concept”] // URL: <https://dzen.ru/video/watch/660a9cd3ae5b393530dbce77> (Date of reference: 04/18/2024).
11. Komsomolskaya Pravda. 2002. March 1st.
12. *Lukichev P.N., Skorik A.P.* Lingvokul'turnaya dihotomiya «pravo» – «levo» v social'noj terminologii indoevropejcev [The linguocultural dichotomy “right” – “left” in the social terminology of the Indo-Europeans] // Sociologicheskie issledovaniya (Socis) [Sociological Research (Socis)]. 2011. No. 9. pp. 131-140.
13. Interv'yu atamana Vsevelikogo Vojska Donskogo, komanduyushchego kazach'ej nacional'noj gvardiej Kozitsyna Nikolaya Ivanovicha k kazakam 23 dekabrya 2023 g. [Interview of Nikolai Ivanovich Kozitsyn, ataman of the All-Great Don Army, commander of the Cossack National Guard, to the Cossacks on December 23, 2023] // URL: <https://rutube.ru/video/71a60fe7c8a493dbb120b6fd07a4f82f/> (Date of reference: 04/19/2024).
14. *Kozlov A.I.* Ryazhenye: Vozrozhdenie kazachestva: mify i real'nost' [Mummers: The Renaissance of the Cossacks: myths and reality] // Rodina [Homeland]. 2004. No. 11. pp. 11-14.
15. *Markedonov S.M.* Fenomen rossijskogo neokazachestva [The phenomenon of Russian neocasticism] // Social'no-politicheskaya situaciya na Kavkaze: istoriya, sovremennost', perspektivy: Sbornik statej po materialam nauch.-prakt. konf., 30 maya 2001 g. [Socio-political situation in the Caucasus: history, modernity, prospects: Collection of articles based on the materials of the Scientific and Practical conference, May 30, 2001]. Moscow: Institute of Political and Military Analysis, 2001. pp. 106-119.

16. *Lukichev P.N., Skorik A.P.* Kvazigosudarstvennost' [Quasi-statehood] // Politicheskie issledovaniya (Polis) [Political Studies (Polis)]. 1994. No. 5. pp. 139-142.
17. *Skorik A.P., Fedina I.M.* Kubanskij hutor: fazy i povsednevnost' topohronnoj evolyucii (konec XVIII – pervaya tret' XX vv.) [Kubansky khutor: phases and everyday life of toponchronic evolution (late XVIII – first third of XX centuries)]. Novocheerkassk: Lik, 2016. 420 p.: ill.
18. *Milov L.V.* Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa [The Great Russian plowman and the peculiarities of the Russian historical process]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 574 p.
19. *Fedina I.M.* Istoricheskie formy poselenij i poselencheskij uklad kazakov-pereselencev na Kuban' v konce XVIII – nachale XX vekov. Dis... dokt. ist. nauk [Historical forms of settlements and the settlement pattern of the Cossacks who migrated to the Kuban in the late XVIII – early XX centuries. Dissertation of the Doctor of Historical Sciences]: 5.6.1. Krasnodar, 2023. 595 p.
20. *Skorik A.P.* Atamany i kazaki Konstantinovskogo yurta v postsovetsoj Rossii [Atamans and Cossacks of the Konstantinovskiy yurt in post-Soviet Russia]. Moscow: Drevlekhranishche, 2019. 224 p.
21. *Skorik A.P.* Kazach'ya korporaciya na Donu kak sovremennyy social'nyj proekt [Cossack corporation on the Don as a modern social project] // Klio [Klio]. 2006. No. 1 (32). pp. 167-176.
22. *Vodolatsky V.P.* Kazachestvo v sovremenom obshchestve: sociologicheskoe izmerenie: Avtoref. dis... dokt. sociolog. nauk [Cossacks in modern society: a sociological dimension: Abstract of the dissertation... doct. Social Sciences]: 22.00.04. Rostov-on-Don, 2011. 49 p.
23. *Skorik A.P.* Pervyj Donskoj okrug: opyt istoricheskoy rekonstrukcii [The First Don district: the experience of historical reconstruction]. Novocheerkassk: Lik, 2012. 520 p.
24. *Boldyrev I.M.* Institucionalizaciya kazach'ej elity: na primere vojskovogo kazach'ego obshchestva «Vsevelikoe vojsko Donskoe». Avtoref. dis... kand. politicheskikh nauk [Institutionalization of the Cossack elite: on the example of the military Cossack society "The Great Army of the Don". Abstract of the dissertation.. Candidate of Political Sciences]: 23.00.02. Rostov-on-Don, 2013. 21 p.
25. *Ozerov A.A.* Vozrozhdenie kazachestva: idei i social'naya praktika (social'no-filosofskij aspekt). Avtoref. dis... kand. filos. nauk [The revival of the Cossacks: ideas and social practice (socio-philosophical aspect). Abstract of the dissertation.. PhD in Philology. Sciences]: 09.00.11. Rostov-on-Don, 2003. 23 p.
26. *Skorik A.P.* Kazakiya: postulaty, vlast', praktika [Cossacks state: postulates, power, practice] // Istoriya gosudarstva i prava [History of the State and law]. 2015. No. 6. pp. 58-64.
27. Cirkulyarnoe pis'mo Orgbyuro CK RKP (b) «Ob otnoshenii k kazakam» 24 yanvarya 1919 g. [Circular letter of the Organizational Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (b) "On the attitude towards the Cossacks" on January 24, 1919] // Izvestiya CK KPSS [News of the Central Committee of the CPSU]. 1989. No. 6. pp. 176-178.
28. *Venkov A.V.* Genocid, golodomor i drugie uzhasy v istorii «kazackogo naroda» [Genocide, Holodomor and other horrors in the history of the "Cossack people"] // Novoe proshloe [The New Past]. 2018. No. 1. pp. 275-290.
29. *Penkovsky D.D.* Repressii Sovetskoj vlasti protiv kazachestva v hode i posle Grazhdanskoj vojny v Rossii (1918–1937 gg.) [Repressions of the Soviet government against the Cossacks during and after the Civil War in Russia (1918-1937)] // Vestnik Nacional'nogo instituta biznesa [Bulletin of the National Institute of Business]. 2018. No. 32. pp. 159-164.
30. *Chernopitsky P.G.* Povstancheskoe dvizhenie krest'yan i kazakov Dona v 1920–1922 gg. [The insurrectionary movement of peasants and Cossacks of the Don in 1920-1922]. // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki [Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Social sciences]. Rostov-on-Don, 1998. No. 3. pp. 3-12.
31. *Stroilo I.S.* Povstancheskoe dvizhenie na territorii Severo-Kavkazskogo voennogo okruga [The insurgent movement in the territory of the North Caucasian Military District] // Krasnaya Armiya [Red Army]. 1921. No. 9. pp. 55-65.
32. Kratkij periodicheskij obzor povstancheskogo dvizheniya na territorii Severo-Kavkazskogo voennogo okruga po dannym k... [A brief periodic review of the insurgent movement in the territory of the North Caucasian Military District according to ...]: [Top secret]. [w.p.]: [w.p.h.], 1921-1922. 21 see December 1, 1921: December 1, 1921: For October and November 1921 [19--]. 27 p.
33. *Grishchenko A.N.* Antibol'shevistskoe povstancheskoe dvizhenie v Donskoj oblasti v 1920–1922 godah. Dis... kand. ist. nauk [The anti-Bolshevik insurgency in the Don region in 1920-1922. PhD in Historical Sciences]: 07.00.02. Rostov-on-Don, 2009. 229 p.
34. *Ratushnyak O.V.* Kazach'e zarubezh'e kak social'no-istoricheskij fenomen: obrazovanie, struktura, problemy obshchestvenno-politicheskoy, social'no-ekonomicheskoy i kul'turnoj zhizni (1920-e – 1960-e gg.). Dis... dokt. ist. nauk

[The Cossack diaspora as a socio-historical phenomenon: education, structure, problems of socio-political, socio-economic and cultural life (1920s – 1960s). Dissertation of the Doctor of Historical Sciences]: 07.00.02. Krasnodar, 2017. 533 p.

35. *Skorik A.P.* Kacheli sud'by donskogo kazaka-repatrianta Utisheva: opyt istoricheskoy biografii [The swing of fate of the Don Cossack repatriate Utishev: the experience of historical biography] // Rossijskaya gosudarstvennost' v sud'bah narodov Kavkaza–XI. Materialy regional'noj nauch.-prakt. konf. Pyatigorsk, 26 aprelya 2019 g. [Russian Statehood in the destinies of the peoples of the Caucasus–XI. Materials of the regional scientific and practical conference. Pyatigorsk, April 26, 2019] Pyatigorsk: PSU, 2019. pp. 276-303.

36. *Skorik A.P.* Raskazachivanie kak politika i social'nyj process na Donu v 1920-e gody ["Raskazachivanie" as a policy and social process on the Don in the 1920s] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4, The Story. Regional studies. International relations]. 2019. Vol. 24, No. 4. pp. 102-113.

37. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian State Military Archive]. F. 33987. Op. 3. D. 174.

38. *Perekhov Ya.A.* Vlast' i kazachestvo: poisk soglasiya (1920–1926 gg.) [Power and the Cossacks: the search for harmony (1920-1926)]. Rostov-on-Don: Hephaestus, 1997. 137 p.

39. Sovetskie kazaki [The Soviet Cossacks] // Pravda [Truth]. 1936. February 18.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Скорик Александр Павлович, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, ул. Просвещения, 132, 345428 г. Новочеркасск, Российская Федерация, s_a_p@mail.ru

© Скорик А.П., 2024.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

УДК

ВОСПОМИНАНИЯ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ОБОРОНЫ ЦАРИЦЫНА Т.М. СЕРЕГИНА О ПЕРВЫХ БОЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВО ВТОРОМ ДОНСКОМ ОКРУГЕ ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО¹

© 2025 г. Тюменцев И.О.

Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Автором подготовлена публикация воспоминаний Т.М. Серегина – одного из героев революционных событий и обороны Царицына в 1917–1918 гг. В конце 20-х – начале 30-х годов XX в. он занимал высокие посты в Краевом и Областном архивном управлениях, являлся секретарем Сталинградской организации истпарта и проделал колоссальную работу по сбору источников по истории трех русских революций и гражданской войне и написал ценные воспоминания о пережитом. Из всего его творческого наследия были опубликованы: статья в газете и статья в научном сборнике, которые подверглись значительной редакторской правке. Большинство сочинений Т. М. Сергеева остались неизвестными из-за репрессий, которым был подвергнут автор. Впервые вводятся в научный оборот воспоминания Т.М. Серегина о первых походах красногвардейских отрядов Царицына в Область Войска Донского и начале гражданской войны в крае.

Ключевые слова: революционные события и оборона Царицына 1917–1918 гг., Царицынский (Сталинградский) истпарт, член штаба обороны Царицына Т.М. Серегин. Походы красногвардейцев Царицына на Дон. Воспоминания.

MEMOIRS OF THE DEPUTY CHIEF OF THE TSARITSYN DEFENSE STAFF, T.M. SEREGIN, ABOUT THE FIRST BATTLES OF THE CIVIL WAR IN THE SECOND DON DISTRICT OF THE ALL-GREAT DON ARMY

Tyumentsev I.O.

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don)

Abstract. The author has prepared a publication of the memoirs of T. M. Seregin, one of the heroes of the revolutionary events and the defense of Tsaritsyn in 1917-1918. In the late 20s and early 30s of the twentieth century, he held high positions in the Regional and Regional Archival Administrations, was secretary of the Stalingrad Organization of the East Art and did a tremendous job collecting sources on the history of the three Russian revolutions and the civil war and wrote valuable memoirs about his experiences. Of his entire creative legacy, the following have been published: an article in a newspaper and an article in a scientific collection, which have undergone significant editorial changes. Most of T.M. Sergeev's writings remained unknown due to the repressions to which the author was subjected. For the first time, the memoirs of T.M. Seregin about the first campaigns of the Tsaritsyn Red Guard detachments in the Region of the Don Army and the beginning of the civil war in the region are introduced into scientific circulation.

Keywords: revolutionary events and the defense of Tsaritsyn in 1917-1918, Tsaritsyn (Stalingrad) Institute, member of the Tsaritsyn Defense Staff T.M. Seregin. Campaigns of Tsaritsyn's Red Guards on the Don. Memories.

¹ Публикация подготовлена по теме НИР «Казачество в цивилизационном освоении России южного фронта» в соответствии с Государственным заданием ЮНЦ РАН на 2024 г. (00-234-15, № 124012200178-4, направление ПФНИ 6.1.2.8).

Оборона Царицына в 1918-1919 гг., с которой началось восхождение к власти И.В. Сталина в 30-50-х годах XX в. считалась главным, переломным сражением гражданской войны в советской историографии [1-7]. «Гений» вождя и его главного соратника «красного маршала» К.Е. Ворошилова затмили деятельность реальных руководителей большевиков Царицына разгромивших контрреволюционные силы в городе в 1917-1918 гг. и выдержавших первые самые тяжелые бои за город. Одни из них, как С. К. Минин, были объявлены сумасшедшими, другие - подверглись репрессиям. Издание Царицынским (Сталинградским) испартом документов и материалов по истории революции и гражданской войне во второй половине 30-х годов XX в. были свернуты [8-17], а сами сотрудники репрессированы [18-22]. Собранные ими документы материалы частично погибли, а то что осталось ныне находится в фондах Государственного архива Волгоградской области и в Научно-вспомогательном архиве Музея-панорамы «Сталинградская битва» [23-25].

Самой яркой личностью среди сталинградских архивистов и испартовцев 30-х гг. прошлого века являлся бывший товарищ (заместитель) председателя Штаба обороны Царицына, заведующий Сталинградским архивным управлением, секретарь местного *Тимофей Михайлович Серегин*. Он родился (13 (17).02.1894, ст. Протасово Саратовской губернии в семье крестьянина. Осиротел 9 лет., батрачил на кулака Ермолова. По вечерам в 1908-1912 гг. обучался в церковно-приходской школе, которую успешно окончил. В 1912–1915 гг. трудился ремонтным рабочим, грузчиком, разнорабочим на станции Ртищево ЮВЖД. В 1915-1917 гг. служил в Императорской армии в 4-й Запасной артиллерийской батарее. Затем воевал в 17-м Тяжелом артиллерийском дивизионе в чине фейерверкера (унтер-офицер). В 13.05.1917 г. вступил в РКП(б). Два месяца обучался в Ленинском кружке. На этом его обучение завершилось. Отсидел несколько месяцев в тюрьме [18, 20].

Во время большевистского восстания в Октябрьские дни в Саратове был комиссаром сводной артиллерийской батареи Красной Гвардии. 13 ноября 1917 г. в составе Первого сводного батальона Красной Гвардии батарея выехала в Царицын. На второй день по прибытии в город Т. М. Серегин был избран членом Военной секции Губкома. В годы Гражданской войны являлся товарищем (заместителем) Председателя Штаба обороны, затем официальным представителем 10 и 11 Советских армий в Москве [18, 26-27].

В 1920-1924 гг. Тимофей Михайлович возглавлял Царицынский губернский комитет продовольствия. В 1924-1926 гг. руководил Сталинградским собесом. В 1926-1929 гг. был отправлен в Котельниковский район заведующим потребкооперацией. Перевод с областного на районный уровень был явным понижением в должности. Судя по всему, перевод был связан с тем, что в ходе «партийной чистки» он получил «общественное порицание». В 1927 г. Т. М. Серегин добился снятия взыскания. Был награжден несколькими грамотами и денежным поощрением [18].

В 1929-1932 гг. вернулся на работу на ЮВЖД на должность заместителя, а затем начальника станции Сталинград. 2.04.1930 г. во время очередной партийной чистки был обвинен в бюрократизме и нечутком отношении к требованиям рабочих, зажиме самокритики, бесхозяйственности... Причем, члены партийной комиссии признали, что Т.М. Серегин *Политически развитый, идеологически выдержан, к производству относится хорошо, авторитетом пользуется....* Последовал строгий выговор, который Т.М. Серегин оспорил в очередной апелляции. На заседании Комиссии 30 октября 1930 г. Т.М. Серегина обвинили в фальсификации

трудового стажа и «присвоении должности помощника начальника Штаба Оборона Царицына». Однако, Тимофей Михайлович представил все необходимые документы и партийное взыскание было с него снято [18].

Сбор документов для представления Тройке, по всей видимости, побудил Т.М. Сергеева написать свои воспоминания о революции и гражданской войне, которые он назвал «Откуда добывали оружие и как Штаб Оборона Советов гор[ода] Царицына [Сталинграда] снабжал таковыми Красногвардейские отряды, рабочих и бедноту сельских местностей в 1917–1918 годы», которые направил в Сталинградскую «пятерку» испарта. В конце рукописи он написал простым карандашом свой домашний адрес и сделал приписку: «Прошу, что не сумеете использовать, возвратите обратно» [36]. В рукописи Тимофей Михайлович рассказывал, как формировались на заводах и предприятиях Царицына отряды Красной гвардии, как они вооружались сначала со склада запасного полка, а затем за счет разоружения ехавших домой полков Императорской армии, о первых боях с поднимающей голову контрреволюцией. Привел список членов Царицынского штаба обороны [36].

В 1928 г., в связи с образованием Нижневолжского края, Сталинградский испарт переведен в административный центр нового образования – Саратов. В Сталинграде осталась небольшая ячейка испарта «пятерка», которая по мере сил и возможностей продолжила собирание источников по истории революционного движения и гражданской войны. Партийное руководство города высоко оценили труд Т. М. Серегина. Ему предложили профессионально заняться сбором материалов по истории революции и гражданской войны. В 1932-1934 гг. трудился заведующим отделом [18, 20].

В январе 1934 г. столицей Нижне-Волжского края стал Сталинград. Встал вопрос о преобразовании «пятерки» в краевой испарт. Т. М. Серегин был назначен 1934 г. заместителем управляющего, а в 1935 г. управляющим Нижне-Волжским краевым архивным управлением и секретарем Испарта. За эти годы он проделал колоссальную работу по подбору кадров, комплектованию архивов, упорядочению документов и по организации районных архивов. Публиковался в местной печати, в основном, на темы революции и гражданской войны [20].

Вступив в должность секретаря Сталинградского испарта Тимофей Михайлович продолжил работу над своими воспоминаниями. О том, как он попал в Царицын и какую роль в начальный период сыграли руководимые им артиллеристы Т. М. Серегин рассказал в очерке «История 1-ой Сводной Революционной батареи» [26]. Споры вокруг личных заслуг руководителей Красногвардейского штаба обороны Советов, командиров красногвардейских отрядов, видимо, подвигли автора на более детальное описание его структуры и личного состава в статье «Как организовался штаб обороны советов города Царицына (Сталинграда) в 1917 году. Что заставило создать такой штаб. Какова была его структура и состав членов Штаба Оборона» [27]. Тимофей Михайлович написал краткие биографии своих товарищей - наиболее ярких руководителей царицынской красной гвардии: Я. З. Ермана, Г. Ф. Арзамасцева, Т. И. Козьмина, М. А. Кириченко, И. В. Тулака и др [28]. О том, как создавались и вооружались отряды красной гвардии в Царицыне он рассказал в очерке «Откуда добывали оружие и как Штаб Оборона Советов города Царицына [Сталинграда] снабжал таковыми Красногвардейские отряды» [29].

На свою беду в том же декабре 1934 г. Т. М. Серегин опубликовал в газете «Приволжская правда» статью «Поход на Нижне-Чирскую», в которой он описал первый

поход царицынских красногвардейцев под командованием В. В. Сергеева, репрессированного чекистами любимце опального С. К. Минина [30]. Волгоградская исследовательница Е. В. Булюлина в своей монографии о ГАВО отметила, что Т. М. Серегин будто бы проявил мужество и заступился за репрессированного товарища в своей статье [20, с. 33–36]. В действительности, бонапартизм В. В. Сергеева в полной мере проявился во время второго похода на Нижне-Чирскую, а во время первого похода красногвардейцы успешно разгромили белоказаков. В рукописи статьи Т. М. Серегин критиковал В. В. Сергеева за то, что он, не добив врагов, увел отряд в Царицын, чем спровоцировал новый подъем движения белоказаков [31]. Редактор газеты убрал эту критику. Само упоминание этого человека в контексте событий тех лет вызвали негативную реакцию властей.

Пытаясь оправдаться Тимофей Михайлович написал короткие газетные заметки: «Второй поход красногвардейского отряда на Нижне-Чирскую: авантюра В.В. Сергеева» [32] и «Кто такой был Вениамин Сергеев» [33]. На всякий случай, он более подробно рассказал о своем конфликте с начальником бронепоезда Я.В. Околотиным (Колотиным по другому списку, - И.Т.) «Один из выпадов начальника бронепоезда Околотина» [34]. Не помогла и идеологически выверенная теоретическая статья «Наша воля – воля к победе социализма» [35]. Тучи над Т.М. Серегиним сгустились.

27 декабря 1932 г. Т. М. Сергеев принял самое активное участие в совещании Красных партизан [36], которое организовал Сталинградский горком ВКП(б), где выступил со своими воспоминаниями [37]. Местное партийное руководство было всерьез обеспокоено конфликтами между ветеранами по поводу их заслуг, месте на портфолио с И. В. Сталиным («виньетке») и наградами в связи с 15-летним юбилеем РККА [38-39] и явно пыталось выпустить пар и примирить враждующие группы ветеранов. Выступления на совещании тщательно фиксировались стенографистками [36]. По итогам совещания планировали выпустить сборник воспоминаний [24, Ед. хр. 80].

Обком получил обратный эффект. На совещании конфликт разгорелся с утроенной силой. Стали достоянием истории факты партизанщины и неприглядные факты в действиях первых красногвардейцев [38-39]. Сборник отредактировали «с пристрастием» и изрядно выхолостили его содержание. Реальные люди, события и факты были тщательно вымараны, мифологизированы и превращены в агитпроп [24, Ед. хр. 80]. Текст доклада Т. М. Серегина превратился в дидактические тезисы «Два года борьбы» [40]. Достаточно сравнить тексты стенограммы и тезисов. Тем не менее, московское руководство, формировавшее в то время культ личности И.В. Сталина, признало его ревизионистским, а местные органы НКВД возбудили дело в отношении его создателей [18-20]. Опубликован сборник тезисов не был, но рукопись в дефектном виде с перепутанными листами сохранилась в фонде Сталинградского истпарт в ГАВО. После сложной археографической работы текст удалось восстановить. Стенограмма совещания красных партизан также сохранилась в дефектном виде в трех копиях, листы которых между собой перепутаны и разбиты на четыре рукописи. Ее так же удалось восстановить. Мы планировали издать все эти материалы в 2024 г., однако, понадобилось вновь проработать весь фонд, чтобы отыскать в других рукописях недостающие фрагменты.

После более чем двухмесячных разбирательств 2.02.1935 г. была созвана партийная коллегия при уполномоченном Комиссии Партийного контроля при

ЦК ВКП(б) по Сталинградскому краю, которая объявила Т. М. Серегину строгий выговор «за политическую беспринципность». Он был снят с «ответственной» должности и был вынужден работать простым служащим в разных организациях [18].

В 1936 г. статья Т. М. Серёгина «Откуда добывали оружие...» заинтересовала нового руководителя Сталинградского истпарта директора Музея обороны Царицына, В.Н. Алексеева – одного из зачинателей советской Ленинианы, переведенного в Сталинград из Ульяновска для укрепления идеологически проверенными кадрами Музея обороны Царицына и местного испарта. Статья, как следует из пометы, «прошла проверку», отредактирована и опубликована под новым названием «Как вооружался пролетариат Царицына» [41, л. 94]. Соседство с мемуарами К.Е. Ворошилова, Г.И. Кулика, С.М. Буденного, О.И. Городовикова Т.М. Серёгина не спасло [13]. В апреле 1938 г. его арестовали. По одной из версий это было следствием персонального дела 1935 г., по другой – «вредительство в архивном деле»: отвлечение сил на ненужные работы, приведение архивных материалов в состояние безнадежной запутанности, безучетности и безнадзорности для безнаказанных хищений наиболее ценных материалов и их подделки». Согласно третьей версии Серегин пострадал из-за личной дружбы с Рувимом Яковлевичем Левиным, бывшим председателем Царицынского губернского исполкома, впоследствии заместителем председателя Госплана. 31 июля 1937 г. Р.Я. Левин был арестован, за ним потянули все его связи [18, 20]. Дорого стоила эта публикация и В.Н. Алексееву. Он был снят со всех должностей, исключен из ВКП(б), арестован и казнен [21].

Скорее всего справедливы все три версии. Персональное дело было первым звонком, после чего в Сталинград была направлена комиссия Центрального архивного управления, результаты работы которой явились непосредственным поводом к аресту. 29 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР Т. М. Серегин был осужден как «активный участник антисоветской правотроцкистской террористической организации» и расстрелян. Военная коллегия Верховного суда СССР 24 сентября 1957 г. отменила приговор и закрыла дело Т.М. Серёгина «за отсутствием состава преступления» [18, 20]. В 1963 г. волгоградский историк В.И. Томарев в одном из своих сборников документов и материалов переиздал статью Т.М. Серёгина «Как вооружался пролетариат Царицына» без ее археографического анализа [42]. Основные сочинения Тимофея Михайловича до сих пор остаются неизвестными широкому кругу историков, краеведов и всех интересующихся историей революции и гражданской войны в Царицыне.

Военная коллегия Верховного суда СССР 24 сентября 1957 г. отменила приговор и закрыла дело Т.М. Серёгина «за отсутствием состава преступления». Он был посмертно реабилитирован [18, 20].

В первом номере журнала «Казакведение» мы публикуем только воспоминания Т.М. Сергеева о походах красногвардейских отрядов в Область Войска Донского на выручку казакам-большевикам на станцию Чир и станицу Нижне-Чирскую, в которых рассказывается о первых боях гражданской войны на Верхнем Дону и в Нижнем Поволжье. Публикация всех воспоминаний Т.М. Серёгина в полностью в настоящей статье невозможна из-за их большого объема. Значительный интерес представляет характеристика личности В.В. Сергеева – любимца С.К. Минина, описание его попытки создать «Полевой штаб» и отобрать власть у Штаба обороны Царицына. Ценной является информация о зарождении повстан-

ческого движения генерала К.К. Мамонтова во Втором Донском округе и борьбе с ним большевистских казачьих ревкомов и красногвардейских отрядов.

/Л.132/

2.3.4. 1918 г. Февраль – [Первый] поход на Нижне-Чирскую: ⁴³-один исторический момент из действий Красной гвардии Царицына (Сталинграда) Штаба Оборона Советов 1918 год¹

В начале 1918 г., потерпев неудачи на ст[анциях] Котельниково и Себряково, белые избрали стратегической базой для борьбы с советской властью Нижне-Чирскую станицу. После Октябрьского переворота сюда из России стали накапливаться черные силы из царских чиновников, юнкеров, офицеров и других. Это делалось по прямой директиве генерала [А. М.] Каледина, [П. И.] Краснова и [К. К.] Мамонтова, которые лелеяли мечту о спасении единой неделимой Матушки России и Тихого Дона, [а заодно] и золотых погонов с крестами.

В январе месяце 1918 г. ставленники Белого генералитета во главе с Мамонтовым рыскали по станицам Донск[ой] област[и]. Зашевелились духовенство, буржуазия, юнкера, кадеты и вся контрреволюционная свора. Со стороны трудового казачества планы и замыслы белых вызвали глубокое негодование и протесты, но угрозы и жестокая расправа не дали пока возможности этим настроениям вылиться в открытую борьбу.

⁴³-Генералы знали, что они не успеют потушить² разгоревшийся пожар. На Дону и их³ гибель не минуема, в следствие чего ими был тогда поставлен вопрос ребром: жить или умереть за Тихий Дон и недел[имую] Россию⁴.

В феврале белая свора перешла в открытое выступление. Кадеты почувствовали себя хозяевами положения, Советы Раб[очих] Солд[атских] и Кр[естьянских] Депут[атов] оказались бессильными оказать сопротивление контрреволюции.

24 февраля по телеграфу из Чира были получены /Л. 114/ сведения, что Советы в опасности. Большевиков арестовывают и зверски убивают. Председатель казачьей секции Совета тов[арищ А.Г.] Шманов тогда же доложил Штабу Оборона о положении в Чирском районе. Он сообщил, что генерал [К.К.] Мамонтов сгруппировал юнкеров и намеревается идти в наступление на Царицын. Приехавшие из Чирской делегаты просили немедленно поддержки, иначе Власть Советов будет там свергнута.

Штаб обороны на своем заседании от 24 февраля решил: немедленно, и во всяком случае не позднее 25-го февраля, направить в Чир отряд во главе с двумя членами⁵ Штаба обороны т[оварищей В. В.] Сергеева и меня. Во исполнение этого решения на следующий день Сергеевым и мною спешно проводилась работа по формированию отряда для выезда на фронт.

Обязанности у нас между собою были распределены так: т[оварищ] Сергеев должен был командовать пехотой, я – артиллерией и пулемётами, а общие вопросы и боевые задачи должны были разрешаться совместно.

Посылка отряда в Чир представляла для нас тогда большие трудности, так как в окрестностях⁶ Царицына были и другие районы, находившиеся в угрожаемом

¹ -⁴³ Вычеркнуто.

² В тексте: «затушить».

³ В тексте: «ихняя».

⁴ -⁴³ Вычеркнуто.

⁵ В тексте: «окрестности».

положении. Штаб обороны, учитывая наличие [у] Красной гвардии, боеприпасов и обстановку в районе Царицына, нашел возможным послать наш отряд в следующем составе: пехоты (красногвар[дейцев]) – 180 челов[ек] с винтовками русского образца и по 200 штук патрон[ов] на каждого бойца, артиллеристов 1-й Сводн[ой] революц[ионной] батареи 28 чел[овек] с 2-мя оруд[иями и] 220 шт[ук] снарядов, 2 зарядными ящиками и 32 лошадьми, 20 пулеметчиков, 4-мя пулемётами и 150 бомбами.

25 февраля в 21 час ночи отряд прибыл в полной боевой готовности на ст[ан]цию Царицын Ю[го]-В[осточной] ж[елезной] д[ороги]. Для провод[ов] отряда к этому времени прибыл тов[арищ] Председателя Штаба обороны тов[арищ И.И]. Кучин, который разъяснил задачу отряда, подчеркнув, что мы должны будем очистить Волго-Донскую дорогу, разбить белогвардейский отряд и /Л. 133/ взять Чирскую. Бойцы уверили представителя Штаба обороны, что задача будет выполнена.

⁴³На проводы пришло много родных, знакомых и рабочих с производства. Проводы проходили без слез и выпивки, настроение у бойцов было бодрое. Провожавшие с восторгом воодушевляли красногвардейцев. Некоторые шутя говорили:

– Ну, посмотрим, сколько гадюк¹ привезете, а без этого не вертайтесь!

– Хорошо, хорошо, – один из бойцов ответил, – привезем, и самого гадюку² Мамонтова, но, а если что, – выручайте!³

Отряд был посажен вагон, орудия погружены на платформы и в 22 часа мы выехали из Царицына. ⁴³При отъезде бойцам было отдано распоряжение:

– Песни можно петь только до станции Воропаново, а после должна быть полная тишина. До остановки на [этой] станции т[оварищ] Сергеев бойцам рекомендовал по дороге спеть. А кто знает, придется ли петь завтра или нет?! В эту ночь с двух часов спать очевидно не придется, так как будем переезжать по опасной зоне⁴.

Мы с Сергеевым вначале ехали на платформе, на которой находились орудия, а затем перешли в крытый вагон. Поезд мчался без задержки. Большинство бойцов улеглись спать, только Львов дежурный по эшелону и дневальные Лизогубов, Кольцов и Нембуликов, увешанные с ног до головы бомбами и другим оружием, тихо разговаривали между собою, а на остановках быстро бежали на вокзал, выполняя обязанности по дежурству.

На ст[ан]ции Воропаново мы получили сведения, что белогвардейский отряд занял станцию Кр[ивую] Музгу и движется⁵ на Карповскую. Тов[арищ] Сергеев умел работать на телеграфе. Он сел к аппарату и попытался проверить полученные сведения, а также выяснить численность отряда белых и его вооружение, но ничего нового узнать не удалось.

/Л. 135/ ⁴³Товарищ Сергеев меня спрашивает, нужно ли об этом говорить бойцам или нет. Решено не говорить, но Штабу обороны об этом было доложено⁶. Важно⁷ отметить, [что] т[оварищ] Сергеев в момент разговоров по телеграфу как-то изменился. У него волосы на голове были взъерошены, а улыбка, которая всегда у него при разговоре на лице появлялась, совершенно исчезла. Сделался⁸ сердитым. Скорее

¹ В тексте: «гадюков».

² В тексте: «гадюка».

³⁻⁴³ Вычеркнуто.

⁴⁻⁴³ Вычеркнуто.

⁵ В тексте: «двигается».

⁶ В тексте: «донесено».

⁷ В тексте: «Характерно».

⁸ Далее слово зачеркнуто машинисткой.

имел вид старца. Главным образом его возмущало, что Кривая Музга отвечает, что у них никакого отряда нет. Но он по разговору догадался¹, что это ложь. Лицо тов[арища] Сергеева то краснело, то белело, а сам он часто вскакивал со стула и быстро расхаживал по комнате дежурного по станции.

Было решено сделать небольшое совещание, на котором присутствовали Сергеев, Я, Львов и командир роты, где решался вопрос как мы лучше должны лучше двигаться и не просить ли из Царицына на всякий случай подкрепление. Решено: Царицын не беспокоить и в дальнейшем двигаться в прежнем порядке².

Перед отходом поезда на Воропоново к пулемётам было поставлено по два пулеметчика, а мы с тов[арищем] Сергеевым сели в разные вагоны. Я ехал на платформе, которая находилась около паровоза и была загружена орудиями. Сергеев сел в вагон задней части эшелона. Дежурный Львов находился по-прежнему в среднем вагоне поезда, а на паровоз был послан из артиллеристов наблюдатель, которому было приказано о результатах наблюдения сообщать мне.

Не доезжая трех км. до ст[анции] Карповской, машинисту было отдано распоряжение вести поезд тихим ходом, с таким расчётом, чтобы, в случае появления белых, бойцы могли бы выйти из вагонов. У семафора эшелон был остановлен, на станцию послали раз/Л. 136/ведку, а вслед за ней в пешем порядке отправился я со взводом пехоты. Выяснилось, что белых на станции не было.⁴³ Но д[истанционный] служащий нам сообщил, что неизвестные для них личности в количестве около 16 человек 25 февраля, вечером, разгуливали по станции и что-то промышляли. Причем, было заметно, [что] они общались с интеллигенцией [и] с рабочими в переговоры не вступали³.

Эшелону был дан условный сигнал, и он прибыл на станцию. Когда мы спросили служащих знали ли они о нашем выезде, они ответили:

– Как же, ещё вчера ходили слухи, что из Царицына направляются три эшелона во главе со Штабом обороны. Поэтому «кадюки» и не заняли нашу станцию. Оказалось, что член Штаба обороны, заведующий агитационно-разведывательным отделом [Теофил] Козьмин через свою разведку умышленно пустил сведения преувеличившие наши силы для того, чтобы морально ударить по белогвардейскому отряду и воодушевить население. Мы использовали эти выгодные для нас сведения и говорили, что за нами двигаются ещё два эшелона.

Тов[арищ] Сергеев в сторону противника, как будто бы ошибочно, по телеграфу этим перед противником даже козырнул. Такая политика на белых подействовала: белые также приняли эти сведения за чистую монету, в следствие чего ими был снят телеграфный аппарат и испорчена железнодорожная связь на ст[анции] Кр[ивая] Музга, и они отступили к Донскому мосту. Ст[анция] Кр[ивая] Музга [именно поэтому] на наш вызов долго не отвечала. Мы послали разведку из артиллеристов во главе с т[оварищем] Кудрявцевым⁴³ из пяти человек, чтобы выяснить в чем дело. Час прошел, но известий не подучили. Бойцы по-разному рассуждали. Некоторые говорили, что им не вернуться, другие заявляли⁴: всех не перебьют: один да должен вернуться, а мы с товарищем Сергеевым договорились⁵ о высадке отряда и высылке пешей⁶ /Л. 137/ разведки.

¹В тексте: «догадывается».

²⁻⁴³ Вычеркнуто.

³⁻⁴³ Вычеркнуто.

⁴Повтор: «говорили».

⁵В тексте: «планировали».

⁶Далее несколько слов зачеркнуто машинисткой.

А в это время посланная конная разведка находилась на ст[анции] Кр[ивая] Музга. Они действовали так: подъехали к станции, трое из них спешили, лошадей передали, а сами пешим порядком отправились на станцию. Но на станции было все мертво. Служащих никого на дежурстве не застали, и поэтому узнать, что-либо об отряде было нельзя. Тогда им пришлось пойти в поселок, но и там, кроме кидавшихся на них собак они никого не видели. Они тогда решили сесть на коней, разбиться на две группы и открыть ружейную стрельбу, с целью выявить есть ли отряд или нет. Отряда не оказалось. Тогда разведка отыскала н[ачальни]ка станции и телеграфистов, наладили связь и¹ донесли нам о том, что противник отступил поездом, а не пешим порядком. Причем, численность отряда по рассказам ж[елезно]д[орожных] служащих около 500 человек. Все вооружены винтовками, и имеются пулеметы. Отступление предприняли² ⁴³⁻ в следствие приближения трех красногвардейских эшелонов численностью около 2000 человек. С Кривой Музги, после того как наладили связь, просили нас убедительно, ни минуты не медля, выехать к ним, так как промедление грозит взрывом Донского моста. Такими действиями разведки отряд был очень доволен, и мы немедленно отправились в путь³.

⁴³⁻Поезд шел полным ходом, и лишь у семафора приостановился на несколько минут, после чего отряд прибыл на станцию. Жители Кривой Музги, переполошенные стрельбой разведки в большинстве не спали. Многие из них пришли на вокзал⁴, были рады нашему прибытию и предлагали свои услуги нашему отряду.

⁴³⁻Наш отряд в это время находился в полном боевом порядке и был готов вступить в бой в любую минуту⁵. Некоторые из бойцов предлагали немедленно двинуться догонять противника. Такое предложение принять было нельзя, так как мы получили сведения, что белые укрепились и были готовы дать нам встречный бой. Было решено в вагонах от ст[ануции] Кривой /Л. 138/ ехать только до семафора, затем произвести высадку, сформировать из артиллеристов конный отряд, при поезде оставить одну роту бойцов с оружием и два пулемета, а остальным бойцам в развернутом порядке двигаться вдоль полотна ж[елезной] д[ороги] к Донскому мосту. ⁴³⁻ Поезду следовать за отрядом, взяв интервал 2 км.

После⁶ остановки у семафора поезда намеченный план проведен⁷ в действие. Отряд тронулся. Впереди шел дозор и конная разведка. В эшелоне был оставлен ком[андир] взвода арт[иллерийской] батареи Шевалдин. Впереди пехоты шел тов[арищ] Сергеев, а я выехал с разведкой. Погода была хорошая. Ветру не было. Ночь темная. Под ногами издали слышались от шагавших кр[асногвардей]цев хруст и скрип снега.

Паровоз то ходил, то двигался вперед, стараясь приглушить⁸ свое дыхание, но, благодаря тихой погоде, дыхание⁹ и стук колес паровоза были [далеко] слышны. Изредка раздавались одиночные¹⁰ выстрелы. Это бойцы проверяли свои винтовки¹¹. Примерно в трех километрах от Донского моста на правом фланге началась перестрелка. Один

¹⁻⁴³ Вычеркнуто.

² В тексте: «сделали».

³⁻⁴³ Вычеркнуто.

⁴⁻⁴³ Вычеркнуто. Вместо этого: Мы двинулись на Кривую Музгу и заняли ее. Жители...».

⁵⁻⁴³ Вычеркнуто.

⁶ В тексте: «при».

⁷ В тексте: «переведен».

⁸ В тексте: «притаить».

⁹ В тексте: «вздоз».

¹⁰ В тексте: слышались отдельные.

¹¹⁻⁴³ Вычеркнуто.

из наших бойцов был сильно ранен. Стрельба [неожиданно] затихла. Стало светать. Ми приближались¹ к Донскому мосту. Белогвардейский отряд засел по обе стороны моста, а немного дальше было замечено скопление людей. Оказалось, это белые пытались взорвать мост, но сделать этого не сумели. Чтобы задержать наше продвижение вперед, белые у моста разобрали ж[елезно]д[орожный] путь, и на это место направили с Рычковского разъезда платформу с камнем. Белые основательно повредили линию, но, сочувствовавшие нам ремонтные рабочие и население быстро ее исправили.

В тот момент, когда противник разбирал путь, мы решили² вопрос: нужно ли вступить с врагом в бой или нет. Так как позиция противника была выгодней нашей, а из орудий стрелять было нельзя из-за боязни порчи /Л. 138/ моста и близости поселка, мы решили боя пока не начинать и разработали такой план:

Конному отряду было прик[азано] обойти противника с левого фланга и выйти на линию ж[елезной] д[ороги] немного дальше разъезда Рычкова. Вслед за конным отрядом мы послали две роты и два пулемета. ⁴³⁻Причем, нужно было³ долго двигаться по хребту, что идет параллельно Дону⁴ с таким расчетом, чтобы белые частично могли заметить наше продвижение, но не смог определить численность отряда⁵. Мы рассчитывали, что белые без боя оставят мост. Здесь же они без огня нашей артиллерии могли бы нас разбить, ибо численный состав противника далеко превышал силы нашего отряда.

Машинисту дано было распоряжение поезд понемногу продвигать⁶ вперед, а с ним развернутым фронтом должна идти четвертая рота.

На правый фланг была послана третья рота и один пулемет с пулеметчиками, которым дали задание обойти Донской мост с правого фланга в тыл противнику и нанести удар. ⁴³⁻Артиллерии приказано открыть огонь после взрыва двух бомб⁷.

Настроение у бойцов было воинственное. Все рвались в бой. Некоторые из них были недовольны нашим планом. Им хотелось идти на пролом без всяких обходов и разбивки на роты.

Отряд двинулся вперед Бой начался. Белая свора дрогнула. Наблюдатель передал, что в рядах белогвардейского отряда началась паника. Было видно, как отряд белых удирал с моста, а третья рота из пулемета поддавая им жару. Отступление противника [было] настолько спешным, что наш конный отряд не успел отрезать путь белым.

Противник отошел на ст[анцию] Чир. Мы двинулись за ним.

/Л. 140/ В 13 час[ов] 26 февраля на разъезде наш отряд сделал привал, предварительно послав разведку. К отряду из близ расположенных хуторов шли мирные жители, от которых мы узнали. Что противник не вызывает⁸ никакой симпатии у⁹ местного населения. Многие жители записались в наш отряд, а некоторые принесли с собой оружие. Нам рассказали, как начальник белогвардейского отряда издевался над стрелочником, который пытался задержать платформу с камнем для

¹ В тексте: «подходили».

² В тексте: «разрешили».

³ В тексте: «направление».

⁴ В тексте.

⁵⁻⁴³ Вычеркнуто.

⁶ В тексте: «двигать».

⁷⁻⁴³ Вычеркнуто.

⁸ В тексте: «пользуется».

⁹ В тексте: «со стороны»

порчи пути. Рассказывали и о том, как белые принуждали жителей идти с ними в наступление, угрожая расстрелом.

⁴³-Во время привала отряд расположился вокруг вагонов. Где и был устроен обоз. Многие из женщин бойцам несли молоко, яйца и др[угие] продукты. Угощали красногвардейцев. Говорили:

– Ешьте, ешьте, а то не скоро, возможно, придется кушать, да и веселее будет сражаться с белой бандой¹.

Днем мы слышали гудки шедшего из Чира паровоза, но поезда из-за деревьев и домов не было видно. Тов[арищ] Сергеев подал команду отряду построиться по-ротной².

⁴³-Мною дано указание выгрузить из вагонов оружие и³ дана команда:

– Батарея, к бою! По поезду противника, прямой наводкой, бомбой беглый огонь два выстрела⁴! Пулеметчикам подготовить пулеметы!

Сергеев командует⁵:

– Зарядить⁶ винтовки!

Сначала по спинам пробежали⁷ мурашки. [Затем] на лицах появилась робость. Поднялся переполох⁸, но [уже] спустя несколько минут в отряде по-прежнему чувствовалась сила, крепость, спокойствие и выдержка. Из-за верхушек деревьев завиднелся дым паровоза. Артиллеристы были наготове и с нетерпением ждали команды:

– Огонь!

Из пришедших к отряду местных жителей многие стали разбегаться, особенно женщины, но многие стояли недалеко от отряда, ждали появления поезда и дальнейших команд⁹.

/Л. 141/ А, затем появился поезд с большим белым флагом. Оказалось, приехала рабочая делегация со станции Чир, чтобы¹⁰ предупредить нас о том, что белогвардейский отряд Чир покинул, отступил по направлению к Н[ижне]-Чирской станицы, и [поэтому] путь безопасен¹¹.

Так как мы делегатов не знали, то оставили их заложниками и приступили к посадке отряда и погрузке орудий.

⁴³-Красногвардейцы и особенно артиллеристы таким оборотом событий¹² были недовольны¹³: им хотелось пострелять из пушек, еще и прямой наводкой, чтобы показать свои способности в меткой стрельбе¹⁴.

В 15 часов того же дня отряд прибыл в Чир. На станцию нас пришли встречать деповские рабочие и жители местного поселка. В отношении к нам с их стороны чувствовалось гостеприимство и искренняя симпатия. ⁴³-Отряд быстро вышел из вагонов, а кавалерийскому¹⁴ отряду дана¹⁵ команда по коням.

¹⁻⁴³ Вычеркнуто.

² В тексте: «в роту».

³ Доб. «вместе с тем».

⁴ В тексте: «патрона».

⁵ В тексте: «командует».

⁶ В тексте: «у всех ли заряжены».

⁷ В тексте: «Непрокатились».

⁸ В тексте: «Отряд был в переполохе».

⁹⁻⁴³ Вычеркнуто.

¹⁰ В тексте: «с целью».

¹¹⁻⁴³ Вычеркнуто.

¹² В тексте: «явлением».

¹³ Доб. «а это вполне понятно».

¹⁴⁻⁴³ Вычеркнуто.

¹⁵ В тексте: «конному».

¹⁶ В тексте: «подана».

Сергеев остался при отряде¹. Я с конным отрядом и с одним пулеметом, который был приспособлен для стрельбы на конях, погнались за отступавшим противником. Перед отъездом рабочие нам сказали, что, если мы быстро поедем, то сумеем настигнуть белых, так как некоторые их команды покинули Чир недавно.

⁴³Мы скакали быстро. Нам хотелось с белыми поиграться и дать им горячей припарочки. Мы сравнительно далеко отъехали от станции, но никого не догнали. Лишь на пол пути мы заметили в мелком лесочке около пяти движущихся подвод с людьми и около 50 чел[овек] пеших [идуших] в беспорядке. Было решено нагнать и открыть по ним огонь, но противник так удирал быстро², что нам удалось настичь часть белых только за рекой Чир.

/Л. 142/ Они рассыпались в цепь и открыли по нам ружейный огонь. Мы в свою очередь открыли стрельбу из пулеметов, а конным составом артиллеристов попытались отрезать их с левого фланга. Но противник уже подходил к первым зданиям станицы. Мы вынуждены были дальнейшую стрельбу и преследование прекратить. ⁴³В результате нашей погони и перестрелки с нашей стороны потерь не было, но со стороны противника, как на следующий день нам передавали, было много раненых. Вечером в темноте мы ворвались в ст[аницу Нижний] Чир³.

Когда приехали к отряду, Сергеев сообщил, что утром на следующий день в 9 часов мы двинемся в наступление. Я с этим не был согласен и внес предложение начать наступление ночью, чтобы не дать возможности противнику предпринять те или иные меры. Кроме того, я считал, что ночью мы имеем больше шансов разгромить штаб Донской контрреволюции. Сергеев со мной не согласился и настоял на своем решении.

⁴³В результате, среди⁴ бойцов нашлись такие, кто⁵ в течение этой ночи сумел познакомиться с донскими игристыми и цимлянскими душистыми винами. Поэтому вместо⁶ 9 час[ов] утра фактически выступили в 12 часов дня⁷, несмотря на то, что для сбора отряда был применен условный сигнал: три орудийных выстрела⁸. Некоторые бойцы не явились и тем самым задержали отряд.

Выступил отряд как и прежде поротно. При выходе отряд также был разбит поротно⁹. В начале мы двигались колонной по грунтовой дороге, а затем, когда прошли примерно около пяти километров, порядок следования был изменен. Первым двум ротам было приказано идти правой [стороной] дороги, а третьей и четвертой ротам – левой стороной дороги развернутым порядком. Артиллерия и пулеметы на санях двигались по дороге.

По пути нам никто не встречался, поэтому никаких сведений /Л. 143/ о противнике не имели, но предполагали, что противник нас должен встретить в мелком кустарнике леса, поэтому в эти места послали усиленную разведку. А отряд пришлось временно задержать на месте¹⁰. Через некоторое время развед-

¹⁻⁴³ Вычеркнуто.

²⁻⁴³ Вычеркнуто.

³⁻⁴³ Вычеркнуто.

⁴ В тексте: «некоторые из».

⁵ В тексте: «которые».

⁶ Доб. «того, чтобы выступить».

⁷ Доб. «даже».

⁸ Доб. «Все же...».

⁹ В тексте: «При выходе отряд также был разбит поротно».

¹⁰⁻⁴³ Вычеркнуто.

ка донесла, [что] в лесу никого нет, а арт[иллерийский] наблюдатель сообщил, что им замечено в ст[анице] Н[ижне]-Чирской на горе у юнкерского училища много людей и беспорядочная суматоха, а в гору из станицы скачут переполненные людьми подводы.

⁴³-Т[оварищ] Сергеев посмотрел в арт[иллерийскую] трубоцесу, покачал головой и сказал, а ведь они прохвосты жидки на расправу. Даже не хотят следовать¹ русской поговорке:

– В своей хате и углы помогают! Струсили мещанские душонки!

А рядом стоявший красногвардеец Почевалов добавил:

– Это они боятся «уточку», которую т[оварищ] Казьмин им подпустил

Я подумал, и верно. Значит у тов[арища] Казьмина дело насчет разведки и агитации налажено добре. В это момент ко мне обратился командир орудия тов[арищ] Ульянов и с ним еще несколько бойцов с вопросом, [чтобы] т[оварищ] командир разреши[л]² семи человекам на конях перерезать на горе грунтов[ую] дорогу, по которой белые отступают. Я им ответил:

– Да у нас лошади все в упряжи?!

– Мы отстегнем, – он говорит, – по паре от орудия и зарядного ящика. А у меня лошадь есть. А то удерут все, и не увидим, что за «гадюки»!

Тов[арищ] Сергеев засмеялся и сказал:

– Да, ведь они Вас перебьют там всех!

– Никак нет, тов[арищ] командир, – сказал Ульянов.

– Они теперь как шальные мухи или даже как бешенные собаки ничего не видят и могут нас принять за своих

Т[оварищ] Сергеев обратился ко мне:

– Ну, же, давай их желание исполним, – хлопнул по плечу тов[арища] Ульянова.

– Ну, кто еще с тобой пойдет? Можете отправляться! Но только уши Вы держите «морковкой» и особенно на рожон не лезьте. А в общем, там Вам виднее будет.

– Час добрый!

Лошади были немедленно отстегнуты. Храбрецы, быстро подогнав стремени, сели на коней [и] помчались напрямик галопом. Бойцы отряда все смотрели им /Л. 154/ в след³.

Первой и второй ротам тов[арищ] Сергеев [от]дал приказ как можно быстрее выйти правей станицы на гору, чтобы не дать противнику отступить. Мы с остальной частью отряда стали двигаться в прежнем направлении.

⁴³- Около часа спустя, мы подходили с левой стороны вплотную к станице. Погода была ясная и для наблюдения благоприятная, поэтому передвижения и⁴ суматоха у противника были хорошо видны. Нам было понятно, и мы были глубоко убеждены, что противник решил свой очаг, где находился оплот контрреволюции, гнездо белогвардейской гадюки Мамонтова, сдать без боя. Поэтому наш отряд смело подступил к станице⁵.

Через несколько часов мы были уже у станицы. ⁴³-Мы с тов[арищем] Сергеевым на паре лошадей ехали быстро впереди отряда, а за нами артиллерия. Доехав до моста, который был проложен через реку Чир, мы увидели⁶ у домов станицы боль-

¹ В тексте: «подражаит и подражать».

² Доб. «по».

³⁻⁴³ Вычеркнуто.

⁴ В тексте: «а также».

⁵⁻⁴³ Вычеркнуто.

⁶ В тексте: «нам было видно».

шое скопление людей. Затем¹ эти люди вдруг забежали по улицам и началась редкая беспорядочная винтовочная стрельба. Мы были в недоумении. Я громко подал команду:

– Орудие с передков батареи. К бою!²

Но в этот момент из-за угла появился белый флаг, и к нам для встречи вышли станичные казаки с хлебом-солью и сообщили, что белые все разбежались.

Наша группа перерезала³ дорогу, по которой отступали белые. Завязалась схватка. Белые в панике стали разбегаться, бросая повозки, оружие, а не успевшие выехать из станицы белогвардейцы открыли стрельбу из-за углов и чердаков. Подоспевшие с правого фланга первая и вторая роты заставили белых прекратить сопротивление⁴. Наша группа гналась за белыми около 15-ти км. и изрубила много кадетов. Красногвардейцам особенно хотелось догнать самого Мамонтова, но не удалось. Взяли лишь брошенную им лошадь.

Из нашей конной группы сильно⁵ пострадал один. Двое были легко ранены. Семерка вернулась к отряду лишь вечером, в 22 часа.

⁴³⁻Когда отряд вошел в станицу, было решено сделать привал до особого распоряжения у церкви на базарной площади, где сейчас памятник [и] братская могила. У этой же церкви был назначен парк для орудий и пулеметов⁶. Тов[арищ] Сергеев тотчас отправился на телеграф, но он оказался неисправным. Начальнику почты было предложено в течение 2-3 часов привести телеграф в порядок. Сам [я с бойцами] поспешил в юнкерское училище. Когда подходили к училищу, мы увидели, [что] у здания валялось много мебели, брошенные повозки, груды разных бумаг – все это находилось в беспорядочном состоянии. По приступкам и в самом здании все [было] обрызгано кровью - результат⁷ схватки красных бойцов с остатками захваченных [врасплох] юнкеров⁸.

В канцелярии юнкерского училища первая рота поставила караул для охраны арестованных юнкеров, ожидая нашего распоряжения. ⁴³⁻А когда мы появились в школе, находящиеся там красногвардейцы не сдержались. Одного, как выяснилось после, из работников белогвардейского штаба, изрубили как капуста⁹.

Из допроса арестованных мы выяснили, что из Чирской отступило около 300 человек, находящихся в отряде, и около 100 кулаков.

⁴³⁻ В станице [все] затихло, стрельба прекратилась. Настала ночь. В конном порядке с 24 часов ночи был назначен караул для охраны из числа артиллеристов и целиком третья рота. Последняя была назначена /Л. 147/ по тем соображениям, что ей меньше всех других рот пришлось быть в переплете. Причем караульное помещение и место нахождения первой и в строй рот было избрано в юнкерском училище. Остальные люди отряда были размещены в других помещениях станицы. Я и Сергеев находились всю ночь на телеграфе¹⁰.

¹ Доб. «некоторое время спустя».

²⁻⁴³ Вычеркнуто.

³ В тексте: «отрезала».

⁴ В тексте: «свои действия»

⁵ В тексте: «тяжело».:

⁶⁻⁴³ Вычеркнуто.

⁷ В тексте: «это подтверждает».

⁸⁻⁴³ Вычеркнуто.

⁹⁻⁴³ Вычеркнуто.

¹⁰⁻⁴³ Вычеркнуто.

В 2 часа ночи 28 февраля телеграф был восстановлен, и мы вызвали Царицын. Подошёл Председатель Совета Раб[очих], С[олдатских] и К[естьянских] Деп[утатов Я. З.] Ерман, которым мы сделали доклад об операции. Он был очень доволен и благодарил отряд за подвиги. Он обещал прислать представителя от Штаба обороны.

Ночь прошла спокойно. Белые нас не тревожили. Мы провели совещание с местными жителями, на котором было 2 члена РКП(б), 4 б[ывших] членов Совета и несколько человек актива. Но совещании было решено созвать митинг, избрать Ревком и произвести запись в Красногвардейский отряд.⁴³ Все присутствующие на совещании решили вооружиться и явиться в дежурную роту для охраны станицы от белых в ночное время.

На другой день утром для бойцов отряда в ресторане был приготовлен обед, на который к полудню¹ они собрались. В этот момент, неожиданно, из пулемета, находящегося в парке, открыта по вышке жилого кирпичного дома стрельба. Из ресторана и других концов улиц сбежались красногвардейцы. Видя, что пулемет строчит по вышке дома, не узнав в чем дело, в свою очередь, тоже стали стрелять из винтовок по этой же цели. Артиллеристы пытались дать залп из орудий, но часовой Цембуликов этого не допустил. Среди населения началась паника. Отряд в это время находился в самом беспорядочном состоянии. Стрельба усиливалась². Трудно ее было остановить, так как подаваемая мною и Сергеевым команды из-за гула выстрелов не были слышны. Остановить³ [ее] удалось, после организации группы из самих бойцов, с которой нам, несмотря на рикошет пуль, при/Л. 148/шлось чуть ли от каждого потребовать прекращения стрельбы. Наконец огонь был прекращен и население успокоилось. Во время паники никаких несчастных случаев не было, если не считать легкого ранения одного из местных жителей⁴ и трагических переживаний жильцов находящегося под обстрелом дома.

Как выяснилось⁵, это было сделано агентами контрреволюции умышленно. Обманутый пулеметчик первым открывший бесцельную стрельбу из-за того, что⁶ якобы на вышке находится белогвардейский пулемет с пулеметчиками, тогда как ничего подобного там не было. Провокатор, которым оказался доктор Попов, пытался скрыться, но был убит из винтовки на базарной площади.

Контрреволюция это сделала по двум основным соображениям: во-первых, для того, чтобы настроить⁷ население против нашего отряда, а с другой стороны, белые знали, что у каждого бойца имелось по 200 штук патрон[ов], которые бесцельно хотели уничтожить, чем самым обезоружить нас, боясь дальнейшего наступления и погони за Мамонтовым⁸.

На другой день в 10 часов дня получаем по телеграфу запрос Минина:

– Не пробовал ли Мамонтов перейти в наступление?

Сергеев ответил:

– Нет! Все благополучно. Мамонтов находится в районе Нагавской⁹.

Мы спросили Минина по телеграфу

¹ В тексте: «в это время»

² В тексте: «увеличилась».

³ В тексте: «приостановить».

⁴ В тексте: «жильцов».

⁵ Доб. «и установлено».

⁶ В тексте: «по причине».

⁷ В тексте: «восстановить».

⁸⁻⁴³ Вычеркнуто.

⁹ В тексте: «Ноговской!»

– Что дальше делать отряду?

Минин ответил:

– Отряду выехать в Царицын!

30 (?)¹ февраля [1918 г.] на Кресто-Воздвиженской площади был собран общегражданский митинг. Выступавшие благодарили царицынский пролетариат за посылку Красногвардейского² отряда, а отряд за его операцию.

На митинге был избран первый Ревком в составе 25 человек. Организован из жителей Красногвардейский отряд и избран его командир - тов[арищ] Филиппов.

Ревком Н[ижне]-Чирской станицы просил Штаб Оборона оставить наш отряд в Чирской на 10-15 дней, но в этой просьбе ему было отказано. Отряд выехал в Царицын.

/Л. 149/. В этом вопросе со стороны Штаба Оборона в лице тов[арища] Минина была допущена ошибка, ибо, если бы наш отряд бы оставлен в Чирской, как просил Ревком, и, если бы продолжена погоня за Мамонтовым, несомненно наша борьба с белыми облегчилась бы. Мамонтов узнал, что за ним погони нет, спокойно в станицах Суровикинской, Нагавской и др[угих] произвел всеобщую мобилизацию, скомплектовал отряды, связался с Красновым и несколько недель спустя двинулся в наступление. Белые заняли Н[ижне]-Чирскую. Причем, при ее захвате зверски замучили 18 человек членов Ревкома, убили командира отряда т[оварища] Филиппова много красногвардейцев и мирных жителей.

Под Чирской Мамонтов настолько укрепился, что посланный из Царицына крупный Красногвардейский отряд с ним не справился. Мамонтов перешел в наступление и подходил к Царицыну. Если бы не подошла армия тов[арища] Ворошилова, и, если бы не взял бы военное руководство т[оварищ] Сталин, Мамонтов в 1918 г. бесспорно занял бы Царицын.

Воспоминания сохранились в трех списках, которые напечатаны на листах пожелтевшей бумаги формата А4 через копирку 2 или 3 копии.

Первый список редакторской правки не содержит. Действующая «203-209 об.» и старая «413-420» пагинации написаны простым карандашом в правом верхнем углу лицевых листов.

ГАВО Р 346. Оп. 1 Испарт. Ед. хр. 122. Л. 203-209 об.

Во втором списке действующая пагинация «132-149» и две зачеркнутых старых пагинации «131-148» и «366-383» написаны простым карандашом в правом верхнем углу листов. На верхнем поле листа 131 карандашом почерком Т.М. Серегина написано и подчеркнуто волнистой линией: «Серегин Поход на Нижне-Чирскую». В правом верхнем углу фиолетовыми чернилами перьевой ручкой написано «№ 499-500». Этими же чернилами и ручкой почерком Т.М. Сергеева в текст рукописи, видимо для публикации статьи в газете «Борьба» внесена редакторская правка и сокращения. В основу публикации мы положили оба списка, внесли редакторскую правку автора и оговорили сделанные им сокращения.

ГАВО Р 346. Оп. 1 Испарт. Ед. хр. 13. Л. 132-149.

Документ напечатан на 2-х поврежденных пожелтевших листах из приходно-расходной книги в лист под фиолетовую копирку. Оригинальная пагинация

¹ Так в тексте.

² В тексте: «Красный».

напечатана посередине верхнего поля листов «1-4». Простым карандашом в правом углу листов проставлены действующая пагинация «111-115» и старая «110-112». На верхнем поле первого листа рукописи фиолетовыми чернилами написано название: «Первый поход в 1918 г.». Далее слова «Первый поход» зачеркнуты, после даты написано «Авантюра Сергеева».

ГАВО. Р 346. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 113. 112.

Опубликовано в сильно сокращенном и переработанном виде: Серегин Т.М. Поход на Нижне-Чирскую // Поволжская правда. 1934 г. декабрь.

115

2.3.5. 1918 г. Апрель - Второй поход красногвардейского отряда на Нижне-Чирскую: авантюра В. В. Сергеева

... [В]¹ Нижнечирской генерал Мамонтов сильно укрепился. Посланным вторично [из] Царицына крупный отряд красногвардейцев под командованием [Василия Васильевича] Крачковского² [с н]им уже не мог справиться. Мамонтов, перейдя в наступление подошел даже к Царицыну.

В Царицыне в это время была полная неразбериха. Городу угрожала со стороны белых прямая опасность. В городе появилась много офицерства и провокаторов. Эсеры и меньшевики усиленно распространяли свои эсеровские газеты, в городе умножились³ грабежи. Анархист [Иван] Петренко с двумя эшелонами вооруженных солдат старой армии с награбленным золотом и военным имуществом пытался прорваться⁴ на территорию, занятую Красновскими бандами. Штаб Обороны решил Петренко разоружить, в результате чего на улицах завязалась вооруженная схватка, город обстреливается артиллерией Петренко.

Для того, чтобы приостановить продвижение Мамонтова в Н[ижне]-Чирскую, посылается летучий отряд во главе с Вениамином Сергеевым⁵. Но Сергеев затеял авантюру: по⁶ пути Царицын-Н[ижне]-Чирская он организует полевой штаб, телеграфирует Штабу Обороны о том, что этот полевой штаб Царицынским властям в дальнейшем подчиняться не намерен и военное руководство Царицынского фронта всецело переходит к Полевому штабу.

Помощники Сергеева Стан и др[угие] занялись мародерством. В штабе Северо-Кавказского военного округа засели генералы, присланные [Л.Д.] Троцким, которые занялись изменнической работой. Это все вместе взятое еще больше внесло путаницу и дезорганизацию, вследствие чего в Царицыне создалось самое тя-

¹ Большую часть статьи составляет сильно сокращенное и отредактированное описание первого похода на Нижне-Чирскую. В публикуемой рукописи 1-3 лист сильно поврежден. Только 4 лист с описанием второго похода на Нижне-Чирскую сохранился относительно в неплохом состоянии. По этой причине мы воспроизводим только окончание рукописи.

² В тексте: «Крючковский». Фамилия командира в документах и воспоминаниях воспроизводится искаженно., поэтому мы воспроизводим в наиболее часто встречающемся варианте.

³ В тексте повтор: «усилились».

⁴ В тексте: «пробраться».

⁵ Подчеркнуто фиолетовыми чернилами перьевой ручкой.

⁶ В тексте: «в».

желое положение. Оружия не дают, снарядов и патронов нет. Действия отрядов и штабов - военных организаций проводятся в разнбой. Железнодорожная связь то и дело прерывалась¹.

В этот тяжелый и [без]выходный для нас момент к нам на помощь 6 июня [1918 г.] прибыл[и] тов[арищ] Сталин и немного позже тов[арищ] Ворошилов. [Я] очень хорошо помню, как тов[арищ] Сталин энергично, смело, настойчиво и умело разрешал неразрешимые для нас до его прибытия вопросы. Буквально за² несколько дней т[оварищ] Сталин сумел проверить и изучить работу военных организаций и городских учреждений.

Штаб Северо-Кавказского военного округа товарищем Сталиным был реорганизован и взамен его был создан³ Революционный [Военный] Совет. «Генералье», которое занималось изменнической работой, было арестовано. Негодные [руководители были] замены проверенными работниками. Из мелких разрозненных Красногвардейских отрядов тов[арищ] Сталин в несколько дней сорганизовал более крупные Красногвардейские отряды, а затем - части X-й Красной Армии.

Тов[арищ] Сталин очень великое дело сделал в области обеспечения отрядов и частей X-й армии боеприпасами и интендантским снабжением. В короткий срок из Москвы с его непосредственной помощью мы получили десятки эшелонов разного вооружения и обмундирования.

По инициативе тов[арища] Сталина и с его повседневной помощью при политделах X-й армии была организована газета «Солдат Революции», редактором которой тов[арищ] Сталин назначил т[оварища Б.И.] Магидова. Эта газета сыграла огромную роль в обороне Царицына.

В общем, во всех областях работы тов. Сталин внес новую, бодрую и здоровую струю, поэтому⁴ каждый работник и боец тогда исполняли⁵ [поручения] с большой готовностью.

[Товарищ] Сталин у царицынского пролетариата и бойцов, командиров и начальствующего состава пользовался неограниченной любовью. Однажды при 2-м окружении [п]оложение было чрезвычайно тяжелое. Наши части нуждались в немедленном пополнении. Из других городов помощи получить было невозможно, так как Царицын [был] отрезан и окружен противником, а на заводах людей осталось мало. И тогда, я помню, тов[арищ] Сталин и тов[арищ] Ворошилов выехали на заводы, где на митингах лучшая рабочая молодежь и жены рабочих заявили тов[арищу] Сталину⁶, что мы все как один встанем под винтовку и до последней капли крови будем защищать Царицын. И действительно, на другой день мы увидели большой приток новых сил в наших отрядах. И это во имя любви к тов[арищу] Ленину, который также просил царицынский пролетариат стойко защищать Царицын.

С приездом на наш фронт тов[арища] Сталина, белая свора палачей дрогнула. В их рядах получилось замешательство⁷. Зато у нас в Царицыне и на фронте боеспособность с каждым часом крепла. В результате чего от обороны мы перешли в наступление, и противник от Ц[арицына был] отброшен.

Роспись /СЕРЕГИН/

¹ Доб. «и вот».

² В тексте: «в».

³ В тексте: «организован».

⁴ В тексте: «что».

⁵ В тексте: «встретили»

⁶ Доб. «о том».

⁷ Доб. «но».

Документ напечатан на 4-х поврежденных пожелтевших листах из приходно-расходной книги в лист под фиолетовую копирку. Оригинальная пагинация напечатана посередине верхнего поля листов «1-4». Простым карандашом в правом углу листов проставлены действующая пагинация «111-115» и старая «110-112». На верхнем поле первого листа рукописи фиолетовыми чернилами написано название: «Первый поход в 1918 г.». Далее слова «Первый поход» зачеркнуты, после даты написано «Авантюра Сергеева».

ГАВО. Р 346. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 114-115.

/Л. 1/107/

2.4.5. Кто такой был Вениамин Сергеев¹.

В 1917 году Сергеев одно время был редактором газеты² «Борьба», в начале 1918 года он являлся членом Совета, командиром летучего отряда и членом Штаба обороны. В то время ему было 22 года, Сергеев себя выдавал за студента и носил длинные белокурые волосы.

Сергеев любил занимать много должностей и в то же время страдал манией величия и являлся бесподобным типичным и ярким карьеристом и подхалимом. Если в 1917 году, в дни пребывания в Царицыне карательного отряда полков[ника] Корвина-Крюковского, и при первом походе на Нижне-Чирскую, Сергеев показал себя активным, то наряду с этим Сергеев творил безобразия, которые часто переходили в явный бандитизм. Особенно Сергеев отличился в аванюре при втором апрельском походе на Мамонтова.

Дело было так: 4 апреля из Сталинграда на Нижне-Чирскую был послан отряд под командованием В. Сергеева. Дня за два до отъезда на фронт Сергеев уже себя показал враждебно настроенным против Штаба Обороны и военной секции, упрекая их в неработоспособности, держал себя вызывающе. Указания должностных лиц Штаба Обороны выполнять не желал. Кроме командированных ему в отряд бойцов Штабами Красной Гвардии, Сергеев сам лично к себе в отряд принимал проходимцев, жуликов, требуя им вооружения и обмундирования. В день выезда, несмотря на то, что его отряд был полностью вооружен, Сергеев потребовал от дежурного Штаба Обороны выдачи ему всех имеющихся в арсенале Штаба Обороны револьверов, а когда дежурный попытался доказать ему нецелесообразность получения этого оружия, Сергеев под угрозой расстрела, все же забрал 42 револьвера и раздал их бойцам, кому по роду войск не должны иметь такое оружие».

На фронт вместе с Сергеевым выехало до 30 человек членов Штаба Красной Армии. В пути на фронт в войне Сергеев совместно с членами Штаба Красной Армии организует полевой оперативный штаб, начальником которого выбран Сергеев, членами [М.И.] Потапов, Капустин, [А.Н.] Воронков и др.

По прибытии отряда в Карповку с целью реквизиции продуктов [и фу]ража в станицу выезжает Сергеев, Потапов и Стан с 20 пехот[инцами]³ /Л. 2/108/ И в станицу Стан арестовал местного священника – вл[адельца]⁴ мельницы, как контр-революционера и потребовал с него [контрибуцию]⁵ угрожая в противном случае

¹ Продолжение воспоминаний / см. № 294 от 22 декабря – Прим. Т. М. Серегина. Фамилия Сергеева подчеркнута красным карандашом.

² Здесь и далее подчеркивания простым карандашом.

³ Текст поврежден. Чтение предположительное.

⁴ Текст поврежден. Чтение предположительное.

⁵ Текст поврежден. Чтение предположительное.

расстрелом. Стан, имея по[ручение]¹ Сергеева, начинает творить мерзкие дела. Им арестовывается известный царицынский сыщик Резников, которого он за выкуп освобождает. Кроме того, на глазах у Сергеева, Стан самым беспорядочным образом начинает производить у крестьян реквизицию лошадей, продуктов² и налагать контрибуции. Эти сведения дошли до бойцов отряда и вызвали большое недовольство. По распоряжению т[оварища] Потапова сыщик Резников вторично был арестован, и³ по постановлению общего собрания отряда, был расстрелян.

5 апреля, по инициативе Сергеева создается Чрезвычайный Военный Комитет. Штабу Обороне послана телеграмма, в которой говорилось, что вследствие отрицательной роли Штаба Обороне в оперативных действиях против контрреволюционных банд, в районе Нижне-Чирской, где несколько дней тому назад потерпел большие потери отряд III Интернационала, и во избежание⁴ этого в дальнейшем, создан Чрезвычайный Военный Комитет с передачей ему всех функций военной власти в г[ороде] Царицыне и прилегающих к нему районах.

Постановления и распоряжения этого комитета обязательны и действительны без всяких санкций Штаба Обороне и Исполнительного комитета Советов. На второй день для вновь созданного Совета были изготовлены штампы и печати.

С созданием этого Совета Сергеев и Стан усилили свои незаконные действия по сбору контрибуции и реквизиции, из станиц в Штаб Обороне поступали сведения, что на фронте участились грабежи, обостряются отношения с крестьянами.

Штаб Обороне 6 апреля решил создать оперативный отдел из 5 человек, которому и предложено было срочно выехать на фронт. Сергеева решено было отозвать с фронта, и заклеить его действия, если же он не подчинится, то объявить его действующим против советской власти и сообщить отрядам, чтобы не исполняли его приказания⁵.

В это время отряд Сергеева находился на ст[анции] Чир, там же был и Морозовский отряд [Е. А.] Щаденко. К вечеру отряд повел наступление, руководство боевыми действиями взял на себя один Сергеев, не считаясь с мнением командиров подразделений⁶, приказы часто⁷ изменялись, в общем, Сергеев в этом походе, кроме /Л. 3/109/ дезорганизации и разложения среди честных и революционных пролетариев других частей ничего не делал⁸.

Верхне-Чирская была занята без боя, все силы белогвардейцев были сосредоточены в Нижне-Чирской. Что должны были делать бойцы и командиры совершенно не знали. Некоторые части повернули обратно к ж[елезной] д[ороге], а другие, дойдя до Верхнего Чира, останавливались выяснить, как поступить в дальнейшем, но ни от кого ничего нельзя было узнать.

Началось отступление обратно к эшелону, которое происходило самым беспорядочным образом. Позиция была выбрана невыгодная. Со снабжением дело было налажено плохо, командирского и хозяйского глаза не чувствовалось, получилась паника, хотя это ничем не вызывалось, а этому послужили преступные действия

¹ Текст поврежден. Чтение предположительное.

² В тексте: «продукты».

³ В тексте: «но».

⁴ В тексте: «в целях избежания»

⁵ Заседания Штаба Обороне 8-10 апреля 1918 года. – Прим. Т. М. Серёгина. Примечание подчеркнуто красным карандашом.

⁶ В тексте: «подразделял».

⁷ В тексте: «часть»

⁸ В тексте: «давал».

Сергеева. Тогда как, в отряде Сергеева было много стойких бойцов и командиров, с которыми было бы можно при правильном руководстве перейти и в наступление.

Отряд Сергеева при отступлении 14 апреля был встречен [И.В.] Тулаком на ст[анции] Садовая и разоружен¹. Сам Сергеев с командирами были арестованы и посажены в тюрьму, а Стан был расстрелян Тулаком². Сергеева, как явного и злостного контрреволюционера и изменника родины надо было несомненно тоже расстрелять, и он был бы расстрелян, если бы председатель Штаба Оборона [С.К.] Минин его не взял под свою опеку³. [С.К.] Минин поступил так, как троцкист и дал возможность [В.В.] Сергееву и в дальнейшем творить грязные дела⁴.

Принимая во внимание защиту [С.К.] Минина на суде [В.В.] Сергееву было вынесено только порицание⁵ и лишение его права занимать ответственные посты, течение трех месяцев⁶.

[В.В.] Сергеев из Царицына выехал на Украину⁷, где также продолжал контрреволюционные действия⁸, где он и был расстрелян Одесским ЧК за предательство и выдачу белым подпольных работников в Одессе⁹.

Настоящее писано¹⁰ письмо по архивным материалам и личных моих воспоминаний.

/Серегин/

Документ напечатан на 3-х поврежденных пожелтевших листах формата А4 под фиолетовую копиру. Оригинальная пагинация напечатана посередине верхнего поля листов «1-3». Простым карандашом в правом углу листов представлены действующая пагинация «107-109» и старая «105-107». На верхнем поле первого листа рукописи фиолетовыми чернилами написано название: «Первый поход в 1918 г.». Далее слова «Первый поход» зачеркнуты, после даты написано «Авантюра Сергеева».

Р 346. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 107-109.

2.4.6. Один из выпадов начальника бронепоезда [Я.В.] Околотина

Однажды на фронте под Калачом в первых числах мая месяца 1918 года [Яков Васильевич] Околотин по своей инициативе собрал на митинг отряды и предложил им поехать с ним в Царицын с целью уничтожения штаба обороны за то, что он арестовал комиссара бронепоезда. Но красногвардейцы отказались исполнить такое предложение. Тогда Околотин заявил:

– Если не хотите ехать со мной, то я с бронепоездом поеду сам и разобью штаб обороны, а Вы оставайтесь на месте: когда Тулак будет возвращаться с отрядом, то

¹ Подчеркнуто простым и красным карандашом.

² Подчеркнуто простым карандашом.

³ Подчеркнуто красным карандашом.

⁴ Подчеркнуто простым карандашом.

⁵ Подчеркнуто красным карандашом.

⁶ Подчеркнуто красным карандашом.

⁷ Подчеркнуто красным карандашом.

⁸ Подчеркнуто простым карандашом.

⁹ Подчеркнуто простым карандашом.

¹⁰ В тексте: «письмо»

вы разберете ему путь, чтобы он не мог продвинуться в Царицын. В это же время Околотин свирепо угрожал калачовцам, говоря:

– Если вы не сделаете этого, то я вам задам перцу.

Калачевцы вместо исполнения донесли об этом нам в Царицын, где мы своевременно предприняли ряд мероприятий против Околотина.

Этот антицарицынский выпад Околотина возник, как потом выяснилось, из-за того, что почему Тулак назначен командующим, а не он.

Т. Серегин

Воспоминание напечатано на 1 листе формата А 4 2 или 3 закладка под копирку. В левом нижнем углу видны роспись Е. Серегина и еще нескольких человек. Пагинация проставлена простым карандашом в правом верхнем углу: новая «14» и старая «30».

ГАВО Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Великая годовщина. Сталинград: Обл. из-во, 1937. 88 с.
- Великий поход армии Ворошилова от Луганска к Царицыну и героическая оборона Царицына. М.: ГВИ МО СССР, 1938. 299 с.
- Генкина Э.Б. Приезд товарища Сталина в Царицын. Сталинград: Краевое из-во, 1937. 55 с.
- Генкина Э.Б. Борьба за Царицын в 1918 году М.: Политиздат, 1940. 220 с.
- Рабинович С. История гражданской войны. Краткий очерк. М: ГСЭИ, 1935. 288 с.
- Хмельков А.И. К. Е. Ворошилов на Царицынском фронте. Сталинград: Облкнигоизд-во, 1941. 116 с.
- Хмельков А.И. Сталин в Царицыне. Сталинград: Облкнигоизд-во, 1940. 72 с.
- 1905 год в Сталинградской губернии: [Историко-революционный сборник] / Под ред. Г.Т. Гаврилова, Н.Н. Соколова и М.М. Щербакова; Комис. Сталинградск. губисполкома по организации празднования 20-летия Революции 1905 года. и Истпартотд. Сталинградск. губкома РКП(б). – Сталинград: [Истпарт Сталинградск. губкома РКП(б)], 1925. 177 с.
- 1917 год в Сталинградской губернии: (Хроника событий) / Составил Г. Т. Гаврилов; Под ред. Н. Н. Соколова; Истпартотд. Сталинградск. губкома ВКП(б). – Сталинград: [Губком ВКП(б)], типо-лит. Полиграфпром ГСНХ, 1927. 274 с.
- В боях за диктатуру пролетариата [Текст]: Сборник воспоминаний участников Октября и гражданской войны в Нижнем Поволжье / Истпарт Н.-Волж. крайкома ВКП(б). – Саратов: Парт. изд. Н.-В. краев. отд-ние, 1933. 72 с.
- Наш край: Историко-революционный сборник царицынского испарта. Вып. 1. – Царицын: Изд-во истпарта при Губкоме, 1924. 84 с.
- Наше прошлое [Текст]: Из истории Сталинградской организации ВЛКСМ: Сборник статей и документов / Ист-парт. Отдел Сталинградск. ГК ВКП(б). – Сталинград: Губ. ком. ВКП(б), 1928. 160 с.
- Оборона Царицына [Текст]: Сборник статей и документов / Сост: В.Алексеев. К. Нефедов; Истпартотдел Сталингр. крайкома ВКП(б). Сталинград: Краев. кн-во, 1937. 348 с.
- Романов И., Соколов Н. Очерк истории революции 1917 года в Царицыне (Сталинграде) [Текст]. – Саратов: Парт. изд-во. Н.-В. краев. отд-ние, 1932. 104 с.
- Синеоков Н.А. Сталинград в гражданскую войну. Сталинград н/В.: СOMP, 1929. 16 с.
- Синеоков Н.А. Указатель материалов по истории революционного движения Сталинградского края 1905–1922 гг. / Н.А. Синеоков; Сталин. окр. музей революции. Сталинград: [тип.] Полиграфпром ОСНХ, 1930. 31 с
- Соколов Н.Н., Синеоков Н.А., Ургалов А.Н. Революционный Сталинград: сборник статей по истории Гражданской войны и социалистического строительства в округе. Сталинград, 1930. 77 с.

Архивная справка ЦДНИВО для Энциклопедии Волгоградской области на основании // Центр документальных коллекций новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 59. Ед. хр. 531.

Дело Н.Н. Соколова, И.Г. Романова, Н.А. Синеокова // ЦДНИВО. Ф. 110 Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) по Сталинградской области. Оп. 1. Д. 6258. Л. 2-8.

Булжулина Е.В. Очерки истории государственного архива Волгоградской области (1923-2000). Волгоград: ВолГУ, 2024. 158 с.

Аргасцева С.А. Первый директор: Папка с делом № 15265 пролила свет на судьбу В. Н. Алексеева // Музей: Страницы истории через призму современности: материалы науч.практ. конф., посвященной 70-летию музея. – Волгоград, 2007. – С. 76-82.

Чигиринская К.Б. Репрессии 1930-х годов в отношении участников обороны Царицына // Вопросы краеведения. Волгоград, 2008. С. 221-224.

Научно вспомогательный фонд Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва». См.: картотеку Музея обороны Царицына.

Сталинградская комиссия по сбору и обработке документальных материалов по истории Октябрьской революции и Гражданской войны 1931–1940 гг. // ГАВО. Фонд Р-346.

Волгоградский государственный музей обороны (1936-[1985] гг.) // ГАВО. Ф. Р-6527, Оп. 1, 2341 ед. хр., 1918-1980.

Серегин Т. М. История 1-ой Сводной Революционной батареи // ГАВО Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 176-183; Ед. хр. 122. Л. 199-208.

Серегин Т.М. Как организовался штаб обороны советов города Царицына (Сталинграда) в 1917 году. Что заставило создать такой штаб. Какова была его структура и состав членов Штаба Обороны // ГАВО Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 149-155.

Серегин Т.М. Биографии членов Штаба Обороны Советов города Царицына (Сталинграда) 1917-1919 годы // ГАВО Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 164-168; Ед. хр. 122. Л. 197-198.

Серегин Т.М. Откуда добывали оружие и как Штаб Обороны Советов гор[ода] Царицына [Сталинграда] снабжал таковыми Красногвардейские отряды, рабочих и бедноту сельских местностей в 1917-1918 годы // ГАВО Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 26. Лл 36-56; Ед. хр. 122. Л. 185-196.

Серегин Т.М. Поход на Нижне-Чирскую // Приволжская Правда. 1934 г. декабрь.

Серегин Т.М. Первый поход на Нижне-Чирскую: один исторический момент из действий Красной гвардии Царицына (Сталинграда) Штаба Обороны Советов 1918 год // ГАВО Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 152-175; Ед. хр. 122. Л. 203-210.

Серегин Т.М. Второй поход красногвардейского отряда на Нижне-Чирскую: авантюра В. В. Сергеева // Р 346. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 113-115.

Серегин Т.М. Кто такой был Вениамин Сергеев // ГАВО Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 107-109.

Серегин Т.М. Один из выпадов начальника бронепоезда Околотина // ГАВО Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 14.

Серегин Т.М. Наша воля – воля к победе социализма // ГАВО. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 38А. Л. 154-157.

Стенограмма совещания Красных партизан 27.12.1934 г. в Сталинградском горкоме ВКП(б) // ГАВО Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 73-74

Серегин Т.М. Выступление с воспоминаниями на совещании Красных партизан в Сталинграде при крайкоме ВКП (б) от 27 декабря 1932 года // ГАВО. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 51-61.

Тюменцев И.О. Герои революции и обороны Царицына в 1917-1918 гг. по версии Сталинградского истпарта // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 2. С. 172-190.

Тюменцев И.О. Награды руководителей большевиков – организаторов Октябрьских событий и обороны Царицына по документам Сталинградского испарта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 2. С. 66-80.

Серегин Т.М. Два года борьбы // ГАВО Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 49-51.

Серегин Т.М. Как вооружался пролетариат Царицына // ГАВО Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 75-94.

Дорогой борьбы и побед / Сборник воспоминаний и статей к 60-летию КПСС под ред. В. И. Томарева. Волгоград: Волг. Кн. из-во, 1963. 387 с.

REFERENCES

1. Velikaya godovshchina. [The Great anniversary]. Stalingrad: Regional Publishing House, 1937. 88 p.
2. Velikij pohod armii Voroshilova ot Luganska k Caricynu i geroicheskaya oborona Caricyna [The great march of Voroshilov's army from Lugansk to Tsaritsyn and the heroic defense of Tsaritsyn]. Moscow: SMPH DM USSR, 1938. 299 p.

3. *Genkina E.B.* Priezd tovarishcha Stalina v Caricyn [The arrival of Comrade Stalin in Tsaritsyn]. Stalingrad: Regional Publishing House, 1937. 55 p.
4. *Genkina E.B.* Bor'ba za Caricyn v 1918 godu [The struggle for Tsaritsyn in 1918]. Moscow: Politizdat, 1940. 220 p.
5. *Rabinovich S.* Istoriya grazhdanskoj vojny. Kratkij ocherk [The history of the Civil War. A short essay]. Moscow: SSEPH, 1935. 288 p.
6. *Khmelkov A.I.* K. E. Voroshilov na Caricynskom fronte [Voroshilov on the Tsaritsyn front]. Stalingrad: Regional Book Publishing House, 1941. 116 p.
7. *Khmelkov A.I.* Stalin v Caricyne [Stalin in Tsaritsyn]. Stalingrad: Regional Book Publishing House, 1940. 72 p.
8. 1905 god v Stalingradskoj gubernii [1905 in the Stalingrad province]: [Historical and revolutionary collection] / Edited by G. T. Gavrilov, N. N. Sokolov and M. M. Shcherbakov; Comis. Stalingrad. The provincial Executive committee for organizing the celebration of the 20th anniversary of the 1905 Revolution. and Eastpartotd. Stalingrad. Gubernatorial Committee of the Russian Communist Party(b). - Stalingrad: [Istpart Stalingrad. Gubernatorial Committee of the Russian Communist Party(b)], 1925. 177 p.
9. 1917 god v Stalingradskoj gubernii: (Hronika sobytij) [1917 in the Stalingrad province: (Chronicle of events)] / Compiled by G.T. Gavrilov; Edited by N. N. Sokolov; Istpartotd. Stalingrad. Gubkom of the CPSU(b). - Stalingrad: [Gubkom of the CPSU(b)], type-lit. Polygraphprom GSNH, 1927. 274 p.
10. V boyah za diktaturu proletariata [In the battles for the dictatorship of the proletariat] [Text]: A collection of memoirs of participants in October and the Civil War in the Lower Volga region / Eastpart N.-Volzh. The Regional Committee of the CPSU(b). Saratov: Part. ed. N.-V. kraev. publishing house, 1933. 72 p.
11. Nash kraj: Istoriko-revolucionnyj sbornik caricynskogo isparta [Our land: Historical and revolutionary collection of the Tsaritsyn ispart]. Issue 1. – Tsaritsyn: Publishing House of the East Department at the Gubernatorial Committee, 1924. 84 p.
12. Nashe proshloe [[Our past] [Text]: From the history of the Stalingrad Komsomol organization: Collection of articles and documents / East-part. Stalingradsk department. GK VKP(b). - Stalingrad: Gubernatorial Committee of the VKP(b), 1928. 160 p.
13. Oborona Caricyna [[Defense of Tsaritsyn] [Text]: Collection of articles and documents / Comp.: V. Alekseev. K. Nefedov; Department of History of the Stalinist Regional Committee of the CPSU(b). Stalingrad: Kraev. book, 1937. 348 p.
14. *Romanov I., Sokolov N.* Ocherk istorii revolyucii 1917 goda v Caricyne (Stalingrade) [An essay on the history of the 1917 revolution in Tsaritsyn (Stalingrad)] [Text]. - Saratov: Part. publishing house. N.-V. kraev. publishing house, 1932. 104 p.
15. *Sineokov N.A.* Stalingrad v grazhdanskuyu vojnu [Stalingrad in the Civil War]. Stalingrad N./V.: COMR, 1929. 16 p.
16. *Sineokov N.A.* Ukazatel' materialov po istorii revolyucionnogo dvizheniya Stalingradskogo kraja 1905-1922 gg. [Index of materials on the history of the revolutionary movement of the Stalingrad region in 1905-1922] / N. A. Sineokov; Stalin. okr. museum of the Revolution. Stalingrad: [type. Polygraphprom OSNH, 1930. 31 s
17. *Sokolov N.N., Sineokov N.A., Urgapov A.N.* Revolyucionnyj Stalingrad: sbornik statej po istorii Grazhdanskoj vojny i socialisticheskogo stroitel'stva v okruge [Revolutionary Stalingrad: a collection of articles on the history of the Civil War and socialist construction in the district]. Stalingrad, 1930. 77 p.
18. Arhivnaya spravka CDNIVO dlya Enciklopedii Volgogradskoj oblasti na osnovanii [Archival reference of the Central Research Institute for the Encyclopedia of the Volgograd region based on] // Centr dokumental'nyh kolekcij novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (CDNIVO) [Center for Documentary Collections of the modern History of the Volgograd region (Central Research Institute)]. F. 113. Op. 59. Ed. hr. 531.
19. *Delo N.N. Sokolova, I.G. Romanova, N.A. Sineokova* [The case of N. N. Sokolov, I. G. Romanov, N. A. Sineokov] // CDNIVO [Central Research Institute]. F. 110 The Party Committee of the CPC under the Central Committee of the CPSU(b) in the Stalingrad region. Op. 1. 6258. L. 2-8.
20. *Bululina E.V.* Ocherki istorii gosudarstvennogo arhiva Volgogradskoj oblasti (1923-2000) [Essays on the history of the State Archive of the Volgograd region (1923-2000)]. Volgograd: Volga State University, 2024. 158 p.
21. *Argastseva S.A.* Pervyj direktor: Papka s delom № 15265 prolila svet na sud'bu V. N. Alekseeva [The first director: The folder with case No. 15265 shed light on the fate of V. N. Alekseev] // Muzej: Stranicy istorii cherez prizmu sovremenosti: materialy nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj 70-letiyu muzeya [Museum: Pages of history through the prism of modernity: materials of scientific research.practical conference dedicated to the 70th anniversary of the museum]. Volgograd, 2007. pp. 76-82.
22. *Chigirinskaya K.B.* Repressii 1930-h godov v otnoshenii uchastnikov oborony Caricyna [Repressions of the 1930s against participants in the defense of Tsaritsyn] // Voprosy kraevedeniya [Issues of local history]. Volgograd, 2008. pp. 221-224.

23. Nauchno vspomogatel'nyj fond Gosudarstvennogo istoriko-memorial'nogo muzeya-zapovednika «Stalingradskaya bitva». Sm.: kartoteku Muzeya oborony Caricyna [Scientific Auxiliary Fund of the State Historical and Memorial Museum-Reserve "Battle of Stalingrad". See: the card file of the Tsaritsyn Defense Museum].
24. Stalingradskaya komissiya po sboru i obrabotke dokumental'nyh materialov po istorii Oktyabr'skoj revolyucii i Grazhdanskoj vojny 1931–1940 gg. [The Stalingrad Commission for the collection and processing of documentary materials on the history of the October Revolution and the Civil War of 1931-1940] // GAVO [SAVR]. Fund R-346.
25. Volgogradskij gosudarstvennyj muzej oborony (1936-[1985] gg.) [Volgograd State Defense Museum (1936-[1985])] // GAVO[SAVR]. F. R-6527, Op. 1, 2341 units, 1918-1980.
26. *Seregin T.M.* Istoriya 1-oj Svodnoj Revolyucionnoj batarei [History of the 1st Consolidated Revolutionary Battery] // GAVO [SAVR]. R-346. Op. 1. Ed. hr. 30. l. 176-183; Ed. hr. 122. l. 199-208.
27. *Seregin T.M.* Kak organizovalsya shtab oborony sovetov goroda Caricyna (Stalingrada) v 1917 godu. Chto zastavilo sozdat' takoj shtab. Kakova byla ego struktura i sostav chlenov Shtaba Oborony [How the headquarters of the defense of the Soviets of Tsaritsyn (Stalingrad) was organized in 1917. What made it necessary to create such a headquarters. What was its structure and composition of the members of the Defense Staff] // GAVO[SAVR]. R-346. Op. 1. Ed. hr. 26. l. 149-155.
28. *Seregin T.M.* Biografii chlenov Shtaba Oborony Sovetov goroda Caricyna (Stalingrada) 1917-1919 gody [Biographies of members of the Defense Staff of the Soviets of Tsaritsyn (Stalingrad) 1917-1919] // GAVO[SAVR]. R-346. Op. 1. Ed. hr. 26. l. 164-168; Ed. ch. 122. l. 197-198.
29. *Seregin T.M.* Otkuda dobyvali oruzhie i kak Shtab Oborony Sovetov gor[oda] Caricyna [Stalingrada] snabzhal takovymi Krasnogvardejskie otryady, rabochih i bednotu sel'skih mestnostej v 1917-1918 gody [From where weapons were obtained and how the Headquarters of the Defense of the Soviets of Tsaritsyn [Stalingrad] supplied Red Guard detachments, workers and the poor of rural areas in 1917-1918] // GAVO[SAVR]. R-346. Op. 1. Ed. ch. 26. l. 36-56; Ed. ch. 122. l. 185-196.
30. *Seregin T.M.* Pohod na Nizhne-Chirskuyu [A campaign on Nizhne-Chirskaya] // Privolzhskaya Pravda [Privolzhskaya Pravda]. December 31, 1934.
31. *Seregin T.M.* Pervyj pohod na Nizhne-Chirskuyu: odin istoricheskij moment iz dejstvij Krasnoj gvardii Caricyna (Stalingrada) Shtaba Oborony Sovetov 1918 god [The first campaign against Nizhne-Chirskaya: one historical moment from the actions of the Tsaritsyn (Stalingrad) Red Guard of the Soviet Defense Headquarters in 1918] // GAVO[SAVR]. R-346. Op. 1. Ed. hr. 30. l. 152-175; Ed. hr. 122. l. 203-210.
32. *Seregin T.M.* Vtoroj pohod krasnogvardejskogo otryada na Nizhne-Chirskuyu: avantjura V. V. Sergeeva [The second campaign of the Red Guard detachment on Nizhne-Chirskaya: the adventure of V. V. Sergeev] // GAVO[SAVR]. R 346. Op. 1. Ed. hr. 123. l. 113-115.
33. *Seregin T.M.* Kto takoj byl Veniamin Sergeev [Who was Veniamin Sergeev] // GAVO[SAVR]. R-346. Op. 1. Ed. hr 113. l. 107-109.
34. *Seregin T.M.* Odin iz vypadov nachal'nika bronepoezda Okolotina [One of the attacks of the chief of the Okolotin armored train] // GAVO[SAVR]. R-346. Op. 1. Ed. hr. 30. l. 14.
35. *Seregin T.M.* Nasha volya – volya k pobede socializma [Our will is the will to victory of socialism] // GAVO[SAVR]. R-346. Op. 1. Ed. hr. 38A. l. 154-157.
36. Stenogramma soveshchaniya Krasnyh partizan 27.12.1934 g. v Stalingradskom gorkome VKP(b) [Transcript of the meeting of the Red partisans on December 27, 1934 in the Stalingrad City Committee of the UCP(b)] // GAVO[SAVR]. R-346. Op. 1. Ed. hr. 73-74
37. *Seregin T.M.* Vystuplenie s vospominanijami na soveshchanii Krasnyh partizan v Stalingrade pri krajnome VKP (b) ot 27 dekabrya 1932 goda [A speech with memoirs at a meeting of the Red partisans in Stalingrad at the regional Committee of the CPSU (b) on December 27, 1932] // GAVO[SAVR]. R-346. Op. 1. Ed. hr. 73. l. 51-61.
38. *Tyumentsev I.O.* Geroi revolyucii i oborony Caricyna v 1917-1918 gg. po versii Stalingradskogo istparta [Heroes of the Revolution and defense of Tsaritsyn in 1917-1918. versions of the Stalingrad Histpart] //Vestnik VolGU [Bulletin of the Volgograd State University]. Episode 4. History. Regional studies. International Relations. 2023. Vol. 28. No. 2. pp. 172-190.
39. *Tyumentsev I.O.* Nagrady rukovoditelej bol'shevikov – organizatorov Oktyabr'skih sobytij i oborony Caricyna po dokumentam Stalingradskogo isparta [Awards of the leaders of the Bolsheviks – organizers of the October events and the defense of Tsaritsyn according to the documents of the Stalingrad ispart] // Vestnik VolGU [Bulletin of the Volgograd State University]. Episode 4, The Story. Regional studies. International relations. 2024. Vol. 29. No. 2. pp. 66-80.
40. *Seregin T.M.* Dva goda bor'by [Two years of struggle] // GAVO[SAVR]. R-346. Op. 1. Ed. hr. 80. l. 49-51.
41. *Seregin T. M.* Kak vooruzhalsya proletariat Caricyna [How the proletariat of Tsaritsyn was armed] // GAVO[SAVR].R-346. Op. 1.Ed. ch. 74. l. 75-94.

42. Dorogoj bor'by i pobed / Sbornik vospominanij i statej k 60-letiju KPSS pod red. V. I. Tomareva [The pass of struggle and victory / Collection of memoirs and articles dedicated to the 60th anniversary of the CPSU, edited by V. I. Tomarev]. Volgograd: Volga Publishing House, 1963. 387 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Игорь Олегович Тюменцев, доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории казачества Южного научного центра Российской академии наук, ул. Чехова 41, 344006, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, tjumencev@mail.ru; orcid.org/0000-0002-8762-9308

Igor Tyumentsev, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Laboratory of Cossacks of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 41 Chekhov St., 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation, tjumencev@mail.ru ; orcid.org/0000-0002-8762-9308.

ИЗЫСКАНИЯ КРАЕВЕДОВ

СТАРОБЕЛЬСКИЙ ФРОНТ (1918–1919 гг. БОРЬБА В СТАРОБЕЛЬСКОМ УЕЗДЕ)

© 2025 г. Федичев В.В.

Член межрегионального союза писателей, г. Луганск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются сложности противостояния частей Донской армии с большевистскими войсками и повстанческими формированиями крестьян Старобельского уезда в конце 1918 – начале 1919 гг. Трудности мобилизации и призыва крестьян в Донскую армию. Восстание жителей Беловодской волости и его подавление. Наступление Красной армии на Донбасс, к Луганску. Освобождение Беловодской волости и Старобельского уезда частями Белой армии в июне 1919 г. Установление власти ВСУР на территории Старобельского уезда летом 1919 г. **Ключевые слова:** уезд, волость, село, повстанцы, казаки, есаул, сотник, хорунжий, мобилизация, восстание.

STAROBELSKY FRONT (1918 – 1919 Y. FIGHT IN STAROBELSK DISTRICT)

Fedichev V.V.

Member of interregional union of writers

Abstract. The article examines the difficulties of the confrontation between units of the Don Army and Bolshevik troops and rebel formations of peasants of Starobelsk district at the end of 1918 – beginning of 1919. Difficulties of mobilization and conscription of peasants into the Don Army. The uprising of the residents of the Belovodskaya volost, and its suppression. The offensive of the Red Army in Donbass towards Lugansk. Liberation of Belovodsk volost and Starobelsky district by units of the White Army in June 1919. Establishment of power of the AFSR on the territory of Starobelsky district.

Keywords: district, parish, village, rebels, Cossacks, esaul, centurion, horned, mobilization, rebellion.

1. В духе революционного времени

Летом 1917 года в сёлах Старобельского уезда¹ стали появляться, так называемые, «крестьянские отряды самообороны». В период Временного правительства чуть ли не каждое российское село считало необходимым иметь свой собственный отряд: цель – защита односельчан от грабежей и реквизиций. А защищать старобельцам было что. Еще не исчерпаны запасы 1916 года, а урожай 1917 года оказался неслыханным: амбары забиты зерном, скот и птица – в теле, овощи – в избытке. Защита собственных сёл подразумевала противодействие любым силам, посягавшим на крестьянскую свободу, – всё в духе революционного времени. Обычно, в такие отряды записывались сельские маргиналы, не желающие трудиться, личности имеющие проблемы с законом, а чаще всего солдаты – дезертиры, бежавшие с фронта империалистической войны, прихватившие личное оружие и патроны. В отрядах им было проще скрывать свой стыд, когда задавался вопрос: «А с какого перепуга ты самовольно покинул фронт, бросил своих товарищей, и имел ли на то совесть или разрешение начальства?». Таких, скрывающихся солдат, местные обыватели называли «хорьками». По численности и идейному

смыслу старобельские отряды были различными: в основном по 15–20 человек. Но были и сильные отряды, объединенных сёл, по 100–200 человек. К примеру, отряд петлюровца Дмитрия Щербака, организованный на основе украинской национальной идеи, назывался «Охочий козацький курень», насчитывал более 200 бойцов, контролировал район Шульгинки-Смоляниновки-Байдовки [1, л.15]. (После Гражданской войны Щербак служил начальником милиции г. Старобельска – Авт.). Отряд Самуила Коваленко действовал в районе Царёвки-Спиваковки; отряд Григория Щеловского – в Райгородке; отряд Александра Клочко в Петропавловке. Беловодский отряд состоял из мелких отрядов ближайших сёл: Дикивский, Лебедивский, Коваливский, Довгаливский и Базарный. Пополнялись крестьянские отряды не только за счет местных жителей, но и прибывавших беженцев из центральной Украины, спасавшихся от немецкой оккупации. Последние – охотно вливались в ряды сельских защитников для прокорма. Так, новоприбывшие «защитники» придали селянской идее оттенки партизанщины, большевизма, петлюровщины, эсеровщины, анархизма, а часто и уголовщины. В апреле-мае 1918 года Старобельские отряды стали пополняться выходцами из донских казаков станицы Луганской. В мае на Дону началась активная мобилизация населения в Донскую армию, но не все станичники стремились попасть в строй: нашлись «шкурники», «ждуны» и сочувствующие большевизму, они и «подались в бега». Одним из первых, в отряд села Верхнебогдановка, явился Семён Иванович Стехин – казак хутора Верхне-Тёплого. За ним бежали, скрывающиеся от призыва: Стехин И.И. (ст. Луганская); Кузюбердин П.П. (х. Колесников); Фокин А.Н. (х. Гандиловский); Ломанов Ф.М. и Черепяхин В.И. (х. Погорелов); Зенцев И.Ф. и Ивановский И.П. (х. Верхне-Тёплый); Цыганков Т.С. (х. Болотенный); Пономарёв И.А. (село Петропавловка-Караяшник) [2, с. 315–330].

(Справка: Стехин Семен Иванович, казак х. Нижне-Тёплый (по другим сведениям – х. Минченкова) станицы Луганской, 1885 г.р. Вахмистр и член ревкома 10-й запасной казачьей сотни, участник съезда революционного казачества в ст. Каменской в январе 1918 года. Соратник руководителей Донревкома: Ф. Подтёлкова и М. Кривошлыкова – Авт.)

Извечная крестьянская психология, мечта о свободе и светлом рае на земле оправдывала стремление селян к анархо-коммунизму. Им нравилась идея «грабь награбленное», «земля – крестьянам», но не нравились новые большевистские нормы: «революционная дисциплина» и «продразвёрстка». Нежелание кому-либо подчиняться не могло устраивать никакую вышестоящую власть, а потому, и советская и контрреволюционная власти, всегда относились к слабоуправляемым отрядам, как к бандам. Это о них писал начальник гарнизона революционного Луганска как о «боеспособных шайках грабителей и убийц». Крестьянская идея была простая и понятная старобельцам, они с одобрением приняли ленинский Декрет о земле и отказывались поддерживать белогвардейцев.

2. Поведения требуют хорошего

В апреле 1918 года (согласно условиям Брестского мира) вся линия Сватово – Старобельск – Беловодск – Чертково занималась немецкой кавалерией. Нельзя считать, что командование большевиков бездействовало и не препятствовало оккупации. 18 апреля революционному штабу в Чертково было предписано направ-

вить сформированные революционные части к Беловодску, и попытаться занять оборонительное положение по реке Деркул, выдвинув разъезды к Старобельску. 23 апреля в этот район были направлены «острогожские» кавалерийские отряды Меркулова и Васильева (150 сабель и 5 пулемётов). Прибывшие в Беловодск острогожские кавалеристы сходу перепились и открыли беспорядочную стрельбу. С чрезвычайными усилиями командиру сводного революционного полка Назарову удалось вывести красных бойцов на Новоалександровский завод, где были заняты позиции по реке Ёвсуг. Вскоре получили сведения, что из Евсуга двигаются две германские колонны с артиллерией. Под влиянием слухов, что «немцы обходят», красные бойцы разбежались куда попало, часть пехоты отошла к Стрельцовке и Великоцку. Лишь горстка смельчаков осталась на позициях, но ушли, как только увидели немецкие передовые отряды [3, с. 243–259, 277–278].

Германские войска вошли в Старобельск в конце апреля 1918 года. День выдался жаркий, многие селяне трудились в поле. А тут, со стороны Сватово – конный отряд немцев. Подъехавших к управе немцев торжественно встречает председатель уездной управы Владимир Абрамов, делегация людей из волостей, местная элита в составе: начальника гарнизона, полковника Лебедева, помещиков Кармазина, Трофимова, Руднева, Ковтунова и других. Немецкие егеря поят в Айдаре своих лошадей. А к полудню на главной площади города и волостных правлениях уже висит приказ о роспуске т. н. сельских отрядов самообороны и добровольной сдачи оружия населением. Неуправляемые «бандформирования» немцам не нужны. Поведения требуют хорошего. Приказа на русском и немецком языках, как будто и не было здесь «просвиты и ридной мовы». И это были не дежурные декларации. После всего, если немец находил у крестьянина винтовку или патроны, того тут же ставили к стенке и без всякого суда расстреливали на месте, в присутствии всей семьи и соседей [4, 263–264]. В Евсуге показательно расстреляли 14 чел.; в Ново-Астрахани – 6 чел.; в Марковке – 7 чел.; в Старобельске – 20 чел. Мера возымела действие. Немецкие оккупационные власти считали большевиков возбудителями бунтов и беспорядков, прежде всего ликвидировали Советы, а все «товарищи» были вынуждены прятаться в подполье. Так, члены Беловодского волостного ревкома, недавние солдаты-дезертиры, товарищи А.М. Дяченко, Н.Ф. Белик, И. Нижник, В. Щербак успели скрыться в селе Боровское, а позже перебрались в отряд села Смоляниновка. А вот председатель волостного ревкома тов. Кузютов Ф.П. был арестован немцами, препровожден в Старобельск, позже этапирован в тюрьму Брест-Литовска.

Банды в уезде поутихли, а немцы получили возможность беспрепятственно вывозить в Германию сельхозпродукты, как плату за услуги оккупации. Ежедневно на станцию Сватово пребывали груженные автомобили, везущие зерно, муку, мясо, птицу, подсолнечное масло, яйца. Враги-немцы разрешают русским офицерам носить свою форму, погоны и награды. Нижние чины – герои войны ходят в старых гимнастёрках с Георгиевскими крестами на черно-оранжевых лентах. А немецкие солдаты-резервисты, изголодавшиеся у себя на родине, толпятся у городских магазинов, глазуют на витрины с копчёными окороками, жареными гусями и поросятами, скупают на рынке сало и тут же его жуют. В уезде установилась тишь и спокойствие. Лишь к одному из местных военных формирований Старобельска немцы отнеслись лояльно, не пожелали его роспуска и разоружения. Это был «Старобельский офицерский отряд» (первоначально именовался «Офицерской дружиной»). Отряд был

сформирован осенью 1917 года из числа бывших офицеров, юнкеров, добровольцев и чиновников военного ведомства, насчитывал 108 бойцов при двух пулеметах и семи конных. Отряд отличался заметной дисциплиной и представлял собой высокоорганизованную боевую единицу. Внутренняя атмосфера в отряде основывалась на антибольшевистской идее, и это особо устраивало педантичных немцев, а потому такое надёжное формирование они сочли необходимым сохранить и использовать для несения охранной и сторожевой службы на территории уезда. Одним из главных организаторов Старобельского отряда был офицер, сын Лыма-ревского дворянина Виталий Трофименко [4, с. 264]. Все немецкие приказы и распоряжения на Украине издавались на немецком и русском языках – немцы официально игнорировали внутреннюю политику «украинизации» и не употребляли «ридну мову». Не распустили и гетманскую «Державную Варту» (украинских полицейских). Её использовали для поддержания порядка. «Вартовые» носили «синезупанную» форму и погоны с желтыми буквами «ДВ».

3. Выстрелы прозвучали

Оккупация длилась не долго. В ноябре 1918 года немцы ушли на «фатерлянд» – в Германию революция. Всё рухнуло и в «нэзалежной»: Украинская держава, могла держаться только на немецких штыках. Директория подняла восстание. Пошли слухи, что *«в Киеве убивают офицеров. А за что? Не известно. С одной стороны петлюровцы, а с другой – кацапы: в Харькове некий Саенко взял 20 больших домов, в подвалах сидят тысячи людей, каждый день расстреливают, а кого, сколько – сведений нет. Со стороны Купянска красные идут на Старобельск»*.

(Справка: Саенко Степан Афанасьевич, 1886 г.р. Дезертир-шкурник, бежал с фронта в феврале 1917 года. В 1918–1919 годах-комендант Харьковского ЧК. Активный проводник «красного террора», садист, говорил, что из всех яблок больше всех любит глазные. Расстрелял епископа Никодима (Кононова). Брат Саенко был повешен белыми в 1919 году, а он сам, в советские годы благополучно дожил до пенсии. – Авт.)

Старобельск – город вольный, без шахт и заводов – теперь представлен самому себе. Германцев нет. Явились петлюровцы – их встретил вооруженный «Старобельский офицерский отряд». Бить офицеров трудно – у них два пулемёта. Жидов может? Не разрешили. Постояли немного: «так ходимо хлопцы», и ушли. Появились ингуши со своим князем (командиром): суровые, молчаливые. Штаб-ротмистр гусарского полка объяснил, что следуют они в состав Южной армии. Чья власть в городе, было непонятно. На второй день, после ухода немцев, в окрестностях Старобельска прозвучали выстрелы. В центре Старобельска солдаты-дезертиры забили ногами насмерть молодого прапорщика-фронтовика из сельских учителей, который не успел (или не захотел) снять офицерские погоны. При немцах ношение русской военной было дозволено, а «товарищам» старорежимные символы не нравились. (Уместно вспомнить, что в современной Украине после 2014 года подобную ярость вызывала Георгиевская ленточка- знак победы над фашизмом. Такая же реакция в 1918 году была у большевиков на офицерские погоны – Авт.)

Непонимая кому теперь подчиняться, власти Старобельска обратились к Донскому атаману Краснову П.Н. с просьбой включить Старобельский уезд со всем населением в зону влияния Войска Донского и ввести на территорию казачьего войска. Атаман принял

просьбу и в скорое с стороны Черткова в Старобельск прибыл полковник Фицхелауров² с тремя сотнями 12-го Донского казачьего полка: 1-я сотня 96-го ДКП вошла в село Кривулино; штаб 96-го полка и 4-я сотня 78-го ДКП, 3-я сотня 84-го полка, Мигулинская сотня заняли село Митрофаново; 2-я сотня 88-го ДКП – село Сафоново; 1-я сотня 78-го ДКП – село Кулаково; два орудия с obsługой 11-й конной батареи – село Михайловка; 21-й Конный батальон – село Журавка [1, л. 95]. На старобельском направлении действовал донской бронепоезд «Ермак». Теперь белым приходилось иметь дело не только с хорошо вооруженными и оснащенными силами Красной армии, но и с оживившимися повстанческими, партизанскими отрядами Луганщины, готовыми действовать и повсюду наносить удары белым не только в спину, но и со всех сторон. Повстанцы говорили: «...Лучше служить с «товарищами» чем с казаками» [1, л. 141]. Оказалось, что у белых надёжного тыла нет. 10 ноября, в газете «Донские ведомости» (№ 54) был опубликован приказ по Всевеликому Войску Донскому № 1458 от 08.11.1918 г., атаман Краснов П.Н. упоминал об очередном политическом кризисе на Украине и падении власти гетмана Скоропадского. *«В «незалежной» снова хаос. Стало известно, что соседние с Донской областью, города Харьков, Лозовая, Екатеринослав и другие уже захвачены войсками Петлюры и Винниченко, «мечтающие уничтожить Русскую Украину». Подняли голову и большевики: «снова начались расправы над честными и законопослушными людьми. Чтобы большевистские банды не смогли проникнуть на территорию Войска Донского, принято решение ввести войска Постоянной Армии в ряд населённых пунктов Донбасса и Украины в том числе: Луганск, Юзовку, Дебальцево, Мариуполь, Беловодск»* [5].

Когда в Беловодск вошли донцы, местные «ревкомовцы» бежали в село Боровское под Лисичанск [6, л.2]. На здании волостного правления еще висел красный флаг – сигнал кому симпатизирует местное население. Казакам пришлось снимать его с купола. И это был не просто сигнал. Если при жёстком германском оккупационном режиме крестьянские отряды находились в «спящем» режиме, то теперь они оживились и всячески старались содействовать скорейшему приходу Красной армии. Оставив в Беловодске мобилизационную комиссию, состоящую из 8 офицеров с вестовыми и несколько десятков молодых казаков караульного взвода, основной отряд проследовал в Старобельск. Весь гарнизон Беловодска во главе с комендантом, есаулом Свенилкиным насчитывал около 50–60 человек. Штабом и основным местом квартирования гарнизона стал «дом Дугина». Часть казаков взяли к себе на постой зажиточные беловодчане. В начале декабря 1918 года в Беловодске на несколько дней останавливался 10-й полк 3-й Донской казачьей дивизии полковника Михаила Шляхтина, оставил в слободе десяток заболевших (подозревали тиф) казаков. Заработала Беловодская мобилизационная комиссия, расположившаяся в здании волостной управы и вместе с волостным старшиной составляла списки мужчин 1886–1896 годов рождения для призыва в Донскую армию.

Первые, тревожные сведения поступили из Сватово. По агентурным донесениям там, на железнодорожной станции, разгрузились части 3-го Запасного краснопартизанского полка из группы Кожевникова, численностью 250 штыков. 3 декабря их дополнил повстанческий отряд товарища Крюкова – 76 человек с двумя орудиями, вошедший со стороны Валук [7]. Сведения, полученные белыми, не представляли полной ясности о противнике. 16 декабря полковник Д.С. Кривов доносил

полковнику Фицхелаурову о захвате Сватово *«петлюровской бандой при помощи местных жителей, в которой много большевиков-шпионов. Банда большая – 250 человек, 3 пулемёта и 2 орудия».*

(Справка: Кривов Дмитрий Степанович, родился 28.10.1869 года, казак Луковской станицы ОВД, окончил Урюпинское реальное училище и НКЮУ (1892 г), офицер 13-го ДКП. В Донской армии-командир 12-го ДКП. С 31.01.1919 года генерал-майор, до сентября 1919 года – начальник 3-й Донской казачьей дивизии –Авт.)

4. Казаки – люди великочестные

Боевые донесения в штаб генерала Фицхелаурова говорили о начале полномасштабной крестьянской войны против казаков, отмечалась повсеместная активизация крестьянских сил: *«К западу от Старобельска, в районе сёл Тимановка и Александровка замечена активность «банд» от 10 до 20 человек. На позициях 9-го и 10-го полков еще 17 декабря всё было относительно спокойно, теперь же поступили сведения, что в селе Ольховатка произошли столкновения, убит один бандит «наводивший панику на население и стрелявший в казаков»* [1, л. 17]. 14 декабря первое боевое крещение получил 12-й полк в деле у слободы Новая Астрахань. Второе, более серьёзное столкновение «при наступлении шайки бандитов» со стороны Шульгинки и Байдовки произошло 16–17 декабря. В Шульгинке повстанцы выставили 3 пулемёта. В это время Офицерская дружина Старобельска наступала со стороны гати, одновременно ведя наблюдение за Лозовой дорогой. 12-й полк атаковал противника со стороны Байдовки-Толоковки, повстанцы были выбиты из села, потеряв половину личного состава. В приказе от 17.12.1918 г. по 12-му Донскому казачьему полку объявлена благодарность за мужество есаулу Растегаеву *«и всем другим лихим и смелым гг. офицерам и казакам...великое спасибо моим молодцам. Не забывают, что вы казаки – великочестные люди...».* Приказ подписан полковником Кривовым Д.С. и подъесаулом Жирковым [1, л.27]. По сведениям беженцев, «бандитские» отряды отступили, поспешно покинув Шульгинку. На следующий день, в 8–00 утра белоказаки вошли в Шульгинку, отметив в боевом донесении: *«банды отступили, но имеют намерение прорваться на слободу Шарово и Александровку. Из Шульгинки с бандой ушло 60 человек, на 30 человек имеются списки».* «Варта» поселка Белолуцка сообщала, что *«большие банды зашли в Танюшевку, Шарово, Александровку, Воеводск силами 50 на 100 человек, двинулись Белолуцк».* «Вартовики» бежали из Белолуцка [1, л. 29].

5. Настроение жителей – антиказачье

Из Луганска в Старобельск белым прибыло пополнение-50 человек луганских офицеров *«из числа уже давших подписку на службу в Донской армии»* [1, л. 35]. К 22 декабря повстанческие отряды «разбрелись» по слободам и хуторам с оружием. В уезде полный хаос. В районе Штурмово казаки 12 полка были обстреляны со стороны Спиваковки, но в стычке отбили кассу с немецкими деньгами в сумме 3000 марок. В этот же день полковник Кривов докладывал в Старобельск: *«...Разъезды из Нового Айдара и Гайдуковки сообщают, что настроение местных жителей – антиказачье. Из Нового Айдара с бандой ушло 199 человек, в районе села Смолянинова появилась большая банда 500 человек. На Новоастраханском направле-*

нии – тихо. В Мостках банда 200 чел. обстреляла наш разъезд ружейным и пулемётным огнём. В 7 верстах от Гайдуковки, в деревнях Покровское и Криничное разъезды противника по 18 коней; со стороны Алексеевки слышна пулемётная стрельба. Из Новопскова, Марковки и Беловодска не явилось ни одного призывника. В Богдановке и Большечерниговке пока спокойно...». Командир 2-й сотни 96-го полка сотник Гавриков докладывал: «...27 декабря в слободу Павловка из хутора Рудова вошли 20 человек неизвестных людей, вооруженных винтовками. Направились к волостному правлению, открыли стрельбу, арестовали голову сельской рады Фоменко. В виду того, что район Павловки контролируют большевистские войска, оказать воздействие невозможно». В Муратовской волости неизвестная шайка, именуемая себя «петлюровцами», разграбила имение землевладельца Экка Эдуарда Николаевича, вывезла весь заготовленный корм для скота. Замечено оживление большевиков со стороны села Мостки, здесь разъезд поручика Молчанова столкнулся с вражеской разведкой (5 конных), которые, заметив белых, бросились назад [1, л. 106-107].

6. Отряд Большечерниговки

В селе Большечерниговка (Старобельский уезд) собрался наиболее численный партизанский отряд (400 чел.), размещался в домах Долженкова Е.А., Родионова Е.М. и в других соседних хатах. Особой активности отряд не предпринимал (в сводках белых он никак не отмечен.) По воспоминаниям жителя села Большечерниговка Родионова Якова Ефимовича оружие и патроны партизаны добывали у «Варты» и в хуторах станицы Луганской: «казак хутора Верхне-Минченкова Шестаков Стефан Стефанович доставлял оружие прямо в нашу хату». Донские казаки Минченковских хуторов были хорошо осведомлены о Большечерниговском отряде и вливались в его ряды. Кроме Шестакова С.С., в отряд пришли Шестаков Тарас Стефанович; братья Филатовы Ефим и Зиновий; Зотов Егор Дмитриевич; Петровский Трофим; Севастьянов Леон Николаевич; Севастьянов Лука Савельевич с зятем Шереметьевым Иваном; Боровской Тимофеем Гаврилович. Из других хуторов – Волокиткин Василий; Ивановский Владимир Павлович; Рябов Сергей Степанович; Пшеничнов Василий Потапович и др. [8].

7. Кто их призывает?

В середине декабря в Старобельском уезде белые предприняли очередные меры по мобилизации в Белую армию мужского населения 1886–1896 годов рождения. Результат оказался малозначительным. Поставить в строй удалось немногих, но и те оказались ненадёжными бойцами. Казаки отмечали, что «иногороднические сотни разбегаются при первом же случае, унося с собой винтовки и патроны». Мобилизация призывников Новопскова, Большечерниговки и Беловодска⁴ проводилась крайне неудачно, крестьяне отказывались являться на сборные пункты и открыто проявляли недовольства властям. Командир 2-й сотни 96-го казачьего полка сотник Гаврилов докладывал: «Сегодня, в 11–00, по набату жители селения Беловодска собрались на митинг для решения вопроса «кто их призывает» [1, л. 91-94]. Когда члены призывной комиссии Беловодска стали угрожать уклонистам, те набросились на членов комиссию с ку-

лаками и стали их избивать. Инициатором стычки оказался бывший матрос Чупахин Даниил Назарович (1891 г.р.). Некий Поликарп Михайличенко из села Очкуровки с двумя товарищами захватили ручной пулемет, выставленный на площади для охраны комиссии. В нападении также участвовали Василий Оноприенко, Павел Бейда, Василий Жданов и Василий Шпота. После этого бунтовщики разогнали комиссию, вскрыли ружейную комнату, завладев резервными винтовками и патронами. Всего взяли 50 винтовок и 3000 патронов. Для наведения порядка, в центре слободы, начал построение комендантский взвод, сформированный из 18-летних местных крестьянских парней, но восставшие успели с нападением и стали избивать молодых солдат «иногороднического» взвода. Подоспела казачья сотня. Крестьяне разбежались по домам, побросав большинство винтовок на улице, пулемёт утопили в реке. Шестерых зачинщиков беспорядков задержали, Чупахина Д.Н., Литвиненко Ф.П. и Павла Бейду расстреляли в яру (у нынешнего газового участка). В расстреле принимал участие житель Беловодска, прапорщик Зинченко. Аналогичная картина наблюдалась и по другим населённым пунктам. В селе Баранівка, взбунтовавшиеся крестьяне также набросились на членов призывной комиссии, избили их, досталось подъесаулу Кудинову и хорунжему Зимину. Казаки арестовали около тридцати жителей села, всех закрыли в подвале дома купца Суворова, молодых бунтарей выпороли нагайками. В Большечерниговке волостная власть несколько раз пыталась собрать жителей у сельского правления, но никто из призывников не являлся на площадь. Я.Е. Родионов вспоминал: «...Помню, в одно воскресенье «Варта» с оружием разъезжала по селу и сгоняла людей на сход... Требовали тех, кто недавно пришел с фронта. Но многие уже ушли в партизаны. Собравшиеся напали на «Варту» и разоружили вартовиков ...» [8].

8. Положение – чрезвычайно трудное

25 декабря в 13–00 полк регулярной Красной армии, (600 чел.) при 6 пулемётах и 2-х орудиях со стороны Мостков повёл наступление на Старобельск. Крестьянские отряды разработали свой автономный план захвата уездного города. В полночь отряд Д. Щербака выслал группу партизан с Фёдором Горбачевым и Иваном Табакиным в тыл противника установить засаду у моста через реку Айдар. Отряд Самуила Коваленко наступал по направлению села В. Покровка – Старобельск. Сам же Щербак намеривался двинуться на Беседовку, ударить во фланг и зайти в город с юга. Из Калмыковки должен наступать Валуйский отряд Крюкова и ударить на Старобельск с севера. Но Фицхелауров разгадал планы партизан. Отряд Самуила Коваленко понёс большие потери. В тот же день 96-й полк ударил со стороны Ивановки и вытеснил наступающий полк красных на Богданово, однако в Новоайдаре превосходящими силами партизан был удачно атакован 9-й полк. В Алексеевку вошла банда 50 человек. Крестьянский бунт охватил уже весь уезд, восстали жители Никольской волости, Зоринки, Баранівки, волостные правления все разгромлены. 26 декабря в Новоайдаре выгрузился прибывший 10-й казачий полк. Отряд 2-го Конного полка Южной армии полковника Дублянського занял Лымаревский конный завод. Но погасить очаги восстания не удалось. Красные, объединёнными силами до 1000 человек, предприняли попытку овладеть дорогой Старобельск-Беловодск, отрезая белым путь к отступлению. Общее положение Старобельского гарнизона намечалось как безнадёжное. Днём ранее, 25 декабря, в районе Нового Айдара был атакован отряд

96-го казачьего полка, потеряли двух казаков, предположительно были захвачены в плен. На День Рождества отряд Щербака из Райгородки двинулся на Славносербск, его передовые разъезды заняли село Трёхизбенку³, далее пошли на Евсуг, где убили двух местных офицеров, старосту села, волостного писаря и несколько полицейских чинов из села Литвиновка. У Спиваковки крестьяне атаковали казачий отряд и ранили одного казака [1, л. 107]. Повсеместная активность «партизан» проявлялась на фоне, продолжающегося наступления регулярных частей Красной армии на Донбасс, они уже вторглись в северные волости уезда. Старобельцам помог Воронежский полк ВЧК¹⁰. Среди белых началась паника. Достойный отпор наступающим частям Красной армии они дать не могли и готовились уходить в Донскую область. Для наблюдения за противником, на главный шлях со стороны села Алексеевка была выставлена всего лишь одна малочисленная застава из шести бойцов Старобельской Офицерской дружины: два прапорщика, три юнкера и доброволец Царевский. Командование посчитало, что застава из местных лучше справится с задачей. Но что могли сделать шесть человек? Застава расположилась в хате лесника, выставив на ночь часового. На утро вышли все, и тут же попали под ружейный огонь. Убиты прапорщик Попович и доброволец Царевский, ранен прапорщик Маркус. Прикомандированный к заставе повозчик – бежал. Уходили по левому берегу Айдара ни сделав ни единого выстрела, но потеряли половину состава заставы. Отметили движение красных и со стороны села Мостки... Вот и Старобельск, подъехали к штабу. Но штаба нет. На улицах неразбериха, весь гарнизон ушел на Беловодск-Чертково. Сдали коня, сани, раненого Маркуса передали семье. Вышли вслед отступающей колонне и вскоре её догнали [9]. 31 декабря 1918 года, полковник Фицхелауров отметил в приказе по войскам: «... Сотни 12-го полка и варты прикрывают район Гайдуковки. 12-й полк разбросан по всему уезду. Создалось чрезвычайно трудное положение. Вынужден покинуть Старобельск и отойти к Беловодску...» [10, л. 2]. В тот же день ушли. К вечеру в город вошел Старобельский краснопартизанский отряд. На следующий день ВРК Старобельского уезда переименовал этот отряд в 1-й Старобельский революционный полк: (командиры – Терещенко, С.К. Коваленко; комиссар – В. Иванов (Ивановский); начштаба – Ткаченко. В январе 1919 года, по приказу начальника Федора Дыбенко, полк влит в состав 4-й партизанской дивизии как штатный 372-й Стрелковый полк.).

9. Порядок навёл хорунжий Попов

Декабрь 1918 года на Украине был морозным, со снегопадами. Большевики уже заняли Харьков. Из Старобельска начался исход гражданского населения, бежали купцы, учителя, чиновники с семьями, гимназисты, жены офицеров т. е. – «буржуазный элемент», к ним присоединились другие обыватели – бегущие из Харькова, Купянска, Чугуева от пролетарской ненависти. Поля и степь слобожанщины оказались сильно заметены снегом. Отступающая колонна Фицхелаурова застряла в непроходимых сугробах в Ореховом Яру, что рядом с Беловодском. Одних только беженцев насчитывалось до тысячи человек – в основном женщины и дети. Инструментов для расчистки снега не оказалось. Требовалась срочная помощь. Послали в соседнее село Евсуг двух офицеров, поручика Вагнера и поручика Денисова, чтобы организовать крестьян с лопатами и лошадьми для ликвидации снежной ловушки. У поручи-

ка Вагнера при себе 3000 рублей для оплаты крестьянам, которые согласились бы с расчисткой и выделить конные упряжки. Явившись в сельское правление, офицеры были схвачены и избиты местными активистами, деньги отобрали. Стефан (Степан) Коваль вспоминал: «Офицеров мы разоружили. Затем, Матвей Ткаченко крикнул «бей их». Офицеров вывели на кладбище и прикололи штыками. Был также убит начальник местной «Варты» (урядник Кислый). В этом преступлении участвовали Трофим Фоменко, Матвей Ткаченко, Степан Коваль и еще ряд селян. Наказать убийц послали отряд во главе с хорунжим Поповым. Участники расправы были схвачены. Удалось скрыться только Матвею Ткаченко, но хорунжий Попов расстрелял его сыновей – Дмитрия и Николая; кроме них – Т. Фоменко, П. Овчарова, П. Закутного, А. Обода, Г. Ковалья и еще нескольких жителей села. Всё это происходило в дни празднования Рождества Христова. Как раз, в эти праздничные дни в Беловодске было назначено большое крестьянское выступление против белоказakov.

10. Проба ножа и топора

До сих пор беловодские историки не имеют точного представления о подготовке восстания: было оно стихийным, или организованным. Н.Ф. Дьяченко в книге «Прошлое и настоящее старинного города» упоминает о его стихийности. Поводом послужил расстрел казаками одного из жителей села Гончаровки. Другие утверждают, что всё началось с «пьяного кутежа». А сивухи к Рождеству крестьяне нагнали вдоволь. В Литвиновке, после праздничной выпивки, жители села во главе с Иваном Лысенко захватили волостную управу, убили волостного писаря, волостного старшину и двух стражников «варты». Существует также версия, что восстание было хорошо подготовлено. Накануне в Беловодск поступило известие о взятии Старобельска частями Красной армии. Для руководства восстанием из Луганска в Беловодск прибыли двое рабочих-большевиков. Слухи, что в день Рождества произойдёт захват Старобельска частями Красной армии на деле, подтвердились. Засланные большевистские агитаторы убедили местные крестьянские отряды поддержать общее восстание в белом тылу с привлечением как можно большего числа гражданского населения. Козырем большевиков оставались обещания передать крестьянам помещичьи земли, купеческие и церковные наделы, а также земли государственных конезаводов. Кроме того, большевики пообещали завести в уезд ситцу и спичек по две копейки. За такие обещания беловодские крестьяне были готовы поддержать любую власть. В ту же ночь на Галатовке мужики разоружили конный патруль (2-х казаков) – об этом докладывал полковнику Д. Кривову комендант Беловодска есаул Свенилкин, – *«Утром выслан взвод сотника Богаевского. Виновные в разоружении схвачены и главный зачинщик (кто именно не указано – Авт.) расстрелян на площади Беловодска, «расстреляли в яру за женской гимназией»* [10, л. 174]. Но эта мера никого не останавливала: одновременно группа крестьян ограбила, эвакуировавшуюся из Старобельска «Кладовую уездного начальства», был убит пристав Кузьменко. Беспощадные крестьянские расправы, как по команде, начались в Беловодске, было убито много казаков и офицеров. К казакам крестьяне Беловодской волости во все времена относились враждебно, а теперь они проявили особую жестокость. Был убит местный священник о. Иоан, который призывал восставших к «разуму и порядку» и был уличен в сочувствии казакам. Священнику сначала обрезали волосы, а затем

человек из Гончаровки в него выстрелил. Местные жители свидетельствовали, что не все служители церкви поддерживали белых: о. Анатолий, о. Леонид и о. Сергей заняли сторону восставших.

28.12.1918 года (8.01.1919 г.) был убит начальник Лымаревского конезавода генерал-майор А.Н. Чаплин⁵. Взять генерала «с наскока» не получилось: при нападении генерал из личного браунинга успел уложить руководителя банды Ивана Колокольцева, еще двух бандитов, а Н. Пелиха и П. Кузнецова ранил. Нападала на конезавод группа из 10 человек, захватили здание управления завода, избили и разоружили помощников управляющего – прапорщика Зёрнышкина Григория и писаря Стефана Пилюченка. На место выехали есаул Свенилкин с двумя казаками, а также начальник волостной «Варты» С. Пугач с пятью «стражниками». Но на хуторе Царевка они попали в засаду. Есаул и начальник «Варты» были убиты, их тела пустили под лёд реки Деркул, остальных расстреляли за хутором Очкуров (ныне – село Семикозовка). Настоящая трагедия с элементами уголовщины разыгралась возле хутора Третьякова, где жители этого хутора и слободы Поповки, перехватили санный экипаж, в котором ехали бывший воинский начальник Старобельского уезда полковник Иван Алексеевич Лебедев, его жена и дочь. «Всех, кроме кучера – писал в своей анкете «красный партизан» Иван Бережной – расстреляли, а тела пустили под лёд реки Деркул» [11, л. 171-172]. В Беловодске от рук толпы погибли: известный в России организатор коннозаводского дела, управляющий Деркульским конезаводом Сергей Леонидович Носович⁶; продолжатель дела В.В. Докучаева в Деркульском лесничестве Константин Иванович Юницкий⁷. С убитых были сняты все вещи и одежда; убили и сожгли тела местных купцов Митченко и Бердника. В новогоднюю ночь была зверски вырезана семья известного и уважаемого беловодского купца – Семёна Ивановича Дугина. Это было начало провинциального бандитизма – проба ножа и топора, а точнее – следствие революционной анархии. С целью «мести буржуям» крестьяне разорили маслобойню, пивоварню и дом Меркулова. Группа «царёвских» и «лебедевских» повстанцев во главе с Захаром Приходько, Василием Щербаком и Митрофаном Коваленко попытались возле Николаевской церкви захватить санный разъезд сотника Богаевского. Завязалась перестрелка, которая закончилась потерями в рядах «повстанцев»: был смертельно ранен М. Коваленко, ещё двое убиты и восемь ранены. Казаки отошли к домам Кирилла Бердника и Федора Митченко (ныне – район Агростроя), перестрелка возобновилась. Восставшие потеряли еще двух товарищей. В отместку они сожгли оба дома, в огне погибло несколько казаков. Остальные отошли в центр Беловодска. Чтобы занять центр Беловодска, восставшим нужна была помощь «соседей». Василий Адаменко с двумя товарищами отправился в Литвиновку, Шуликовку и Брусовку, Павел Саенко и Савелий Безсальный в Городище и Богдановку. К утру в слободу на санях прибыли десятки крестьян из соседних сёл. Сводный отряд «литвиновцев», «гончаровцев», «лебедевцев» и прочих возглавил Петр Чумак. На «Диковке» отряд сформировал Григорий Ткаченко. «Городищан» и «даниловцев» привел Литвинов. По различным сведениям, в беловодском восстании принимало участие 5000 селян из Семикозовки, Очкуровки, Третьяковки, Даниловки, Городище, Поповки, Гончаровки, Деркульского конезавода, Барановки. Упоминается и другая цифра – 20 000 человек.

На перекрестке улиц Довгаливки и Широкой сформировались две группы во главе с Антоном Филоненко и Иваном Шуликой. Они перехватили казачий разъезд, под-

стрелили несколько кавалеристов и по свидетельству «богдановца» Дмитрия Петрова утопили их в реке Деркул. «Санитар» очень энергично пускал тела под лёд и приговаривал: *«домой, в Донскую область»* [12, л. 3]. Двухэтажный дом Бердника был подожжен с помощью керосина и спирта. Аналогичное случилось и с домом Митченко. Но осажденные каждый раз тушили огонь и продолжали оказывать сопротивление. В двухэтажном доме Дугина находились почти все офицеры. Повстанцы пытались и его поджечь. Но ничего не получалось – дом был из красного кирпича, в нём осажденные продержались два дня, пока не подоспела помощь. В церкви засело около сотни казаков с пулемётом, но у них закончились патроны и все они были перебиты. Потом стали добывать пленных и раненых казаков, содержащихся в доме гражданина Шпака – их прикололи штыками. Еще одного раненого казака прикончил повстанец Холяйка – убил деревянным кием, «чтоб не тратить патроны». Андрей Курка выгонял из домов жителей Довгалёвки от 16 до 60 лет для участия в восстании. Но те не спешили ввязываться в схватку.

Через день, утром, после рождества, разведка повстанцев сообщила, что со стороны Старобельска к Беловодску подходит крупный белогвардейский отряд Фицхелаурова и 3-й Донской пограничный полк станицы Каменской. Началась атака слободы. Командовал боем сам Фицхелауров, а донцов отдал «под руку» брата – войскового старшины. Старобельский офицерский отряд повел в бой штабс-капитан Расказов [4, с. 268]. В начале боя восставшие залегли у Меловой горы и оказывали достойное сопротивление. Но вот со стороны Водяного яра прозвучал орудийный выстрел, первый снаряд разорвался на Базарной площади. А когда казаки полностью накрыли повстанцев артиллерией, тех охватила паника, к тому же у повстанцев заканчивались патроны. Все стали бросать оружие и разбегаться. Остатки крестьянских отрядов, используя до 100 санных повозок, спешно покинули слободу и направились на Литвиновку, Бараниковку и Третьяковку. Попытки захвата домов Дугина, Бердника и Митченко в Беловодске для повстанцев закончились потерями десятков «товарищей». Белым удалось деблокировать осаду и вызвать обороняющихся. При этом арестовали Фёдора Литвиненко и Андрея Курку, которого тут же расстреляли, зарубили ещё нескольких «товарищей». Литвиненко расстреляли чуть позже – в Городище. Участник событий на стороне белых, юнкер Чугуевского военного училища П. Мирошниченко, в журнале «Первопоходник» № 4, 1971 г. вспоминал, что при взятии Беловодска его взвод хотя и не дошел до школы, но из горящих строений выжившие офицеры были спасены. Воспоминания бывшего юнкера (позже поручика), под названием «Старобельцы» заканчивались так: «Подробности о штурме Беловодска – в следующей главе». Но этого не случилось: первую главу поручик Мирошниченко⁸ отправил в редакцию «Первопоходника» 19 октября 1971 года, а 20-го он умер.

В освобожденном Беловодске белые занялись поиском участников восстания, не успевших покинуть слободу. Тех, кого удалось захватить (а их оказалось не мало) выволакивали из домов и тут же избивали. Затем их загнали в яр, что возле земской больницы, и перекололи штыками «чтоб выстрелами не будоражить обывателей». Среди восставших погибло 500 чел., из них 82 старика, 17 женщин, 14 детей и подростков (позже местные краеведы говорили о 1600 погибших, однако установили имена только 149 чел. – Авт.); белые в целом потеряли около 200 чел.

К вечеру основные силы казаков оставили Беловодск и отошли на Бараниковку – Зеликовку, «Старобельская офицерская дружина» и обоз беженцев направились

в Стрелецкий конный завод. Удерживать Беловодск остались силы 12-го полка и 3-го Донского пограничного полка (в составе 18 офицеров, 2-х врачей, 1 священника, 687 строевых и 10 нестроевых казаков). В Литвиновку и Городище послали разведку. В Городище обнаружили три роты красных, которых с ходу удалось выбить, при этом, у казаков был ранен начальник пулемётной команды подъесаул Зубихин и еще шесть казаков, убита 1 лошадь. 3-му Пограничному полку (командир-полковник Мазанкин⁹) было предписано занять Курячевку, но встретив там большие силы красных с артиллерией и пулемётами полк отошел на Стрельцовку. Со стороны Криничной силы РККА надвигалась бригада красной пехоты. На южной окраине Беловодска появились разведывательные отряды противника [10, л. 158]. Местные крестьяне своими подводами везли на Беловодск большевистскую пехоту. Красноармейцы Воронежского полка, где было много латышей и китайцев, ударом отбросили белоказачков от слободы – были ранены поручик Николай Новиков, прапорщик Федор Алексановский, доброволец Пономаренко и два рядовых. 12 казаков были захвачены в плен и расстреляны, их трупы сбросили в реку Деркул [1, л. 126]. Начштаба Воронежского полка докладывал командованию: «(3)16 января частями нашего полка занят Беловодск». Чекисты 1-го Воронежского полка войск ВЧК еще до прибытия в Беловодск, расстреляли в Ёвсуге священника о. Георгия Пономарёва и депутата уездного собрания Дмитрия Бабкина. Это стало началом «красного террора» в крае.

В тот же день полковник Фицхелауров вывел войска и обоз с беженцами на территорию Войска Донского. В пути, в бою погиб брат полковника Д.С. Кривова – подполковник М.С. Кривов. Спасаясь от большевистских расправ, на Миллерово эвакуировались представители беловодских «эксплуататорских классов»: купцы Мягков Петр Васильевич, Семикоз Лазарь Яковлевич, руководители казначейства Николай Павлович Макухин и Федот Филиппович Стукалов, священник Косьмин Сергей Алексеевич, «добровольцы» Воркуев Павел, Михайлов Андрей, местные офицеры Зинченко и Зелинский Борис, директор гимназии Паньков, учитель Архангельский и другие.

11. «Освободители» и разочарование

4(17) января в Беловодск прибыл бывший Старобельский краснопартизанский отряд, – теперь – 372-й Стрелковый полк РККА. Местные жители стали записываться в ряды Красной армии. Записалось около 600 человек. Ранее отказ от призыва в Белую армию беловодские крестьяне объясняли нежеланием участвовать в «братоубийственной» войне, теперь часть их пополняла ряды Красной армии с желанием воевать против белых за советскую власть. Их больше не смущало понятие – «братоубийственная война». В округе еще шли бои с «белоказаками», а командование Красной армии требовало от беловодского ревкома *«прислать 100 человек, хотя бы без винтовок, но желательно с командным составом и доставить 100 пудов муки и несколько голов скота»* [13, л. 3]. Добровольцев уже не было. Военкому Ивану Волкову и его помощнику Николаю Белику пришлось срочно проводить мобилизацию молодежи. Мобилизованные новобранцы – беловодчане зачислялись в ряды бойцов 15-й («Инзенской») стрелковой дивизии (комдив Ян Лацис), 16-ю стрелковую дивизию имени В. Киквидзе (комдив С. Медведовский) и 41-ю стрелковую дивизию (комдив Н. Комаров). Из тех, кто имел лошадей, сфор-

мировали конный эскадрон, вручили красное знамя, на котором были изображены вилы, коса и лопата. Командиром эскадрона назначили Якова Хоружего. Старобельский краснопартизанский полк принял воззвание: «Господство капитала умрёт вместе с последним капиталистом, помещиком, попом, офицером». Это был явный призыв уничтожать людей по социальному признаку. Отряд Якова Хоружего принял активное участие в ликвидации антисоветского элемента в уезде, а комвзвода УЧКа тов. К. Иванченко расстреливал людей прямо в своем кабинете, так он поступил с 67-летним отставным генералом Стояновым Н.Д. С 1-м Воронежским полком ВЧК старобельцы и беловодчане 372-го полка вошли в село Городище, отбили два орудия. Но в ночь с (18 на 19 января) 31 января на 1 февраля, сотня Мигулинского полка под командой сотника Кривулина и 2-я сотня Гундоровцев под командой сотника Гаврикова неожиданно атаковала полк. Удар был настолько удачным, что казаки не испытали никакого отпора со стороны противника. Старобельцы понесли большие потери, полк был рассеян и бежал, очистив село Городище. За эту неудачу комполка тов. Терещенко был разжалован в рядового бойца, а полк возглавил бывший партизан Самуил Коваленко.

После этого старобельцы решили пробиваться в Луганск, пошли на Чугинку-Герасимовку-Кондрашовку, там был убит их командир батальона Ивашкевич. Далее переправились через Донец, вышли к Луганску и участвовали в боях за Донбасс. Однако, в боевой обстановке не проявили особой стойкости. В ненадёжности Старобельских бойцов убедились и командиры Красной армии. Помком Группы войск Курского направления и 13-й Красной армии тов. А. Сидякин, в феврале 1919 года отмечал относительно старобельских партизан: «...*Часть их, не желая нести службу в РККА, разбрелись по сёлам и хуторам уезда и позволяют себе творить бесчинства, вплоть до грабежей и убийств...*». Уже весной 1919 года, не выдержав напряженности боёв под Луганском, личный состав 372-го Старобельского полка в ультимативном порядке потребовал вернуть их домой, ссылаясь на усталость и нежелание воевать.

Под Пасху 1919 года в Беловодск прибыл чекист Саенко С.А. с группой большевистских начальников, крестьянам объявили о начале продразвёрстки, в школах из учебных планов изъяли Закон Божий. Это сильно смутило селян. Разговоры о предстоящей «развёрстке» вызывали особое неудовольствие. За что боролись? А это было только началом расплаты за полученную «свободу». Воевать за свои сёла в статусе «повстанцев» – это одно; а за советскую власть в статусе «солдат-красноармейцев» – это другое. Мелкобуржуазная крестьянская психология большевикам была хорошо известна: всегда, мечтая стать богатым, иметь много земли, российский селянин был способен только на бунт и грабежи. Понятия «революционного сознания», «социального равенства» селянам были не понятны. Члену Беловодского ревкома Павлу Вербицкому необходимо было обеспечить выполнение «продразвёрстки», у крестьян безвозмездно забирался хлеб и другое продовольствие на нужды Красной армии и для рабочих промышленных центров. Оплаты никакой, выдавали расписки, что вызывало противодействие и недовольство советской властью. Эти расписки так и остались неоплаченными. Сейчас их кипы хранятся в фондах Луганского госархива. Одновременно, по указанию председателя Старобельского уездного ВРК В. Иванова было решено восстановить в уезде «законный» орган власти – Совет крестьянских депутатов.

12. Июнь 1919 года

Уже к маю 1919 года белые освободили всю территорию Донбасса. Красные армии откатывались в глубь центральных губерний. Откатывались – не то слово, бежали. На второй день Троицы снаряды рвались уже у села Даниловка, что в Старобельском уезде. 16-я и 41-я Стрелковые дивизии Красной армии, а также конница тов. Чистякова отступали под натиском 3-й Донской казачьей дивизии генерал-майора Дмитрия Кривова (*4 месяца назад ген. Кривов воевал в Старобельском уезде в звании полковника 12-го ДКП. С апреля 1919 года-генерал-майор – Авт.*) Беловодск был атакован двумя колонами. Пройдя Деркульский конезавод, двигаясь вдоль реки Деркул, конница белых, под общим командованием полковника Поздеева, получила боевую задачу: не дать противнику отступить на Стрельцовку. Утром белая пехота под командой сотника Григория Чекунова, с офицерами: хорунжими Скалозубовым, Иловайским, сотником С.Чекуновым и есаулом Болдыревым (нач. пулеметной команды), пошла в атаку на Беловодск. Казачья конница, до этого следующая на Баранивку, круто развернулась и пошла на поддержку своей пехоте. Есаул Болдырев имел пулемёты на тачанках, опережая пеших казаков, начал расстреливать бегущих красноармейцев. К нему неожиданно подскакал большевистский комиссар со словами: «*Товарищ, что же вы делаете, стреляете по своим?*» Но увидев погоны, понял ошибку, выхватил револьвер и выстрелил в есаула, ранив его в голову. После этого ускакал. В течение часа Беловодск был захвачен. Пехотинцы взяли в плен 80 человек красных бойцов и 3 пулемета. Конница, изрубив группу, сопротивляющихся красноармейцев, взяла пленными 156 человек и 8 пулеметов. Остатки обороняющихся отошли на Бондаровку. У белых были ранены есаул Болдырев (позже скончался) и сотник С. Чекунов. 1-я Донская дивизия заняла Лымаревский конезавод, где остановилась на ночлег. На следующий день дивизия вошла в Марковку, а её 2-я бригада атаковала Бондаровку, полковник Поздеев с конницей ворвался в Курячевку, что на левом берегу Деркула, взял 50 красноармейцев пленными, 21 повозку со снарядами, хлебом и бочкой спирта. 01(14) июня был освобожден Старобельск. В Беловодск вошел Черноморский казачий полк Кубанского войска. Кубанцы сказали жителям: «Вы зимой казаков пускали под лёд? А теперь мы пришли их доставать...». Началась зачистка слободы. Кубанцы действовали жёстко. Напуганные жители быстро выдали имена всех известных участников Беловодского восстания. Их тут же арестовывали. Разыскали убийц генерала А.Н. Чаплина, полковника А.И. Лебедева и есаула Свинилкина, искали убийц С.А. Носовича и К.И. Юницкого, а также причастных к подлётным казням казаков. В июне расстреляли жителей села Новолымаревки Ивана Калюжного, его сына Григория, Ивана Степаненко и бывшего чекиста Андрея Назаренко, принимавших участие в убийстве есаула Свинилкина и генерала Чаплина. За убийство полковника Лебедева и его семьи расстреляли Логвина Паталаху, Максима Гниду и Ф. Бондаренко. Большинство виновников не ушло от расплаты. Следствие установило, что в убийствах и терроре в отношении чиновников, служащих и служителей культа Старобельского уезда явно просматривался след чекистов 1-го Воронежского полка ВЧК. В июле, на сходе граждан Беловодска, волостным старшиной был вновь избран гражданин Белик Максим Парфирьевич, который письменно дал торжественное обещание «*хранить верность службы генералу Антону Деникину*». Деникинцы в очеред-

ной раз призывали жителей слободы вступать в армию, сначала желающих было мало. Чтобы народ сознательно вступал в ряды Белой армии, его надо было убеждать. Пропаганду целей «белого движения» среди населения Беловодска возглавлял земский ученый-агроном Василий Максимович Сидякин. Нашлись желающие повоевать «За единую и неделимую». В уезде был сформирован добровольческий Старобельский пехотный батальон численностью 179 штыков, 43 сабли при 9 пулемётах под командованием полковника Павла Васильева. Батальон был включен в 3-ю Добровольческую бригаду. В 3-м Донском казачьем корпусе генерала М. Иванова служили жители Беловодска: подпоручик Захар Пелипенко и прапорщик Борис Зелинский.

16 июня железная дорога Сватово-Купянск полностью была очищена от большевиков. Это были дни, наиболее критическими для советской республики. В Харькове, на заседании городского Совета тов. А. Колонтай выступила с речью, от которой сквозило паникой: «...Товарищи! Наша революция погибла, на тридцать лет, не менее...».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. РГВА Ф.40131, оп.1 д.1;
2. *Федичев В.В.* Станица Луганская-век XX-й. Луганск: изд-во «Глобус», 2019. 683 с.
3. *Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о гражданской войне. Т. 2, М.-Л.: Гос. военное изд-во, 1928. 297 с.
4. *Волков С.* 1918 год на Украине. М.: «Центрополиграфиздат», 2001. 413 с.
5. Приказ ВВД № 1458 от 8.11.1918 г //Донские ведомости. № 54 от 10.11. 1918 г.
6. Государственный архив Луганской народной республики (ГАЛНР). Ф-143, оп. 2, д. 66.
7. ГА ЛНР ф. Р537, оп1, д 1.
8. А.Е. Родионов А.Е. Воспоминания о восстании жителей Беловодска (коллекция автора)
9. Мирошниченко П. Старобельцы.// 1918 год на Украине. М.: «Центрополиграфиздат», 2001. С. 140-144.
- 10.РГВА ф. 40137 -оп. 1, д. 2.
- 11.ГА ЛНР. Р – 1275, оп. 1, д. 5.
- 12.ГА ЛНР. П – 143, оп. 2, д. 152.
13. ГА ЛНР. П – 143, оп. 2, д. 264.

REFERENCES:

1. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian State Military Archive (RSMA)]. F. 40131, op.1 D. 1.
2. *Fedičev V.V.* Stanica Luganskaya-vek XX-j. [The station Lugansk- XX century]. Lugansk: publishing house "Globe", 2019. 683 p.
3. *Antonov-Ovseenko V.A.* Zapiski o grazhdanskoj vojne [Notes about the Civil War]. T. 2, M.-L.: Milinary publishing house, 1928. 297 p.
4. *Volkov S.* 1918 god na Ukraine [1918 year on Ukraine]. M.: "Centropoligafizdat", 2001. 413 p.
5. Prikaz VVD № 1458 ot 8.11.1918 g [The order of the Don army № 1458 from 8.11.1918]// Donskie vedomosti [Donskie Vedomosti]. № 54 from 10.11. 1918.
6. Gosudarstvennyj arhiv Luganskoj narodnoj respubliki (GALNR [The State Archive of the Lugansk People's Republic] F-143, op. 2, D. 66.
7. Gosudarstvennyj arhiv Luganskoj narodnoj respubliki (GALNR [The State Archive of the Lugansk People's Republic] F. R537, OP1, D 1.
8. *Rodionov A.E.* Vospominaniya o vosstanii zhitelej Belovodska (kollekcija avtora) [Memories of the uprising of Belovodsk residents (author's collection)]
9. Myroschnichenko P. Starobel'cy [Starobeltsy]// 1918 god na Ukraine [1918 in Ukraine]. M.: "Centropoligafizdat", 2001. P. 140-144.
10. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv [Russian State Military Archive (RSMA)]. F. 40137-op. 1, D. 2.
11. Gosudarstvennyj arhiv Luganskoj narodnoj respubliki (GALNR [The State Archive of the Lugansk People's Republic], f. R-1275, op. 1, D. 5.
12. Gosudarstvennyj arhiv Luganskoj narodnoj respubliki (GALNR [The State Archive of the Lugansk People's Republic], f. THE LNR. P – 143, op. 2, D. 152.
13. Gosudarstvennyj arhiv Luganskoj narodnoj respubliki (GALNR [The State Archive of the Lugansk People's Republic], f. P – 143, op. 2, D. 264.

1. С 1797 по 1923 год Старобельский уезд (центр – город Старобельск) был самым крупным по площади и численности населения в Харьковской губернии. Его обширные просторы тянулись от Северского Донца до границ Войска Донского на востоке и юге, и до Белгородской и Воронежской губерний на севере, что составляло 10547,25 квадратных версты. Население уезда в 1923 году превышало 466 тысяч человек. К началу XX века в уезде было 42 волости – и довольно крупные административные единицы, в т. ч. Шульгинская, Боровская, Белопуцкая, Курячевская, Литвиновская, Марковская, Беловодская Муратовская, Старо-Айдарская, Трехизбенская и др.:

2. Фицхелауров Александр Петрович. Даты жизни: 08.06.1878–28.03.1928. Православный. Из казаков ст. Новочеркасской Черкасского округа. Образование получил в Донском кадетском корпусе (1897). В службу вступил 31.08.1897. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Выпущен Хорунжим (ст. 09.08.1899) в комплект Донских каз. полков. Сотник (ст. 09.08.1902). Подъесаул (ст. 09.08.1903). Участник Русско-японской войны 1904–1905 в рядах 6-го Сибирского каз. полка. Есаул (пр. 1906; ст. 30.11.1905; за отличие).

Служил в 41-м и 6-м Донских каз. полках. Участник 1-й Мировой войны 1914–1918 гг., в рядах 20-го Донского каз. полка. Войсковой Старшина (пр. 06.05.1915; ст. 05.11.1914). Полковник (пр. 20.04.1916; ст. 09.06.1915; за боевые отличия). Командир 53-го Донского каз. полка (с 20.03.1917). Командир 36-го Донского каз. полка (с 12.07.1917). Участник Белого движения на юге России. Командовал партизанским отрядом. В Донской армии. Командир Новочеркасского пешего полка (??..04. – 09.05.1918). Генерал-майор (пр. 09.05.1918). Начальник Северного отряда Южной группы (09.05.–09.07.1918). Командующий войсками Усть-Медведицкого района (09.07.–??..09.1918). Командующий и генерал-губернатор Старобельского района (08.12.1918–02.01.1919). Командующий Чертковского района Западного фронта (02.01.–25.01.1919). Служил в 5-м Донском корпусе 3-й Донской армии (25.01.–12.05.1919). В 5-й Донской дивизии 3-го Донского корпуса (12.05. – осень 1919). Командир 9-й пластунской бригады 3-го Донского корпуса (осень 1919–24.03.1920). Командир 8-го Донского пешего полка (24.03.–01.05.1920). Командир 2-й бригады 3-й Донской каз. дивизии (01.05.–12.12.1920). Генерал-лейтенант (пр. 10.05.1920; ст. 13.12.1919). Начальник лагеря на Кабаджде (11.1920–1921). Командир 3-й бригады 2-й Донской каз. дивизии (12.12.1920–1921). Состоял в Донском офицерском резерве (1921–1928). В эмиграции в Турции, Болгарии (с 1925), Франции. Умер от туберкулеза 28 марта 1928 г. в Париже. Погребен 30.03.1928 на кладбище Иври. Позже перезахоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

3. Трехизбенка – до 1920 года – село Харьковской губернии, в Украинской ССР – центр сельского Совета Славяносербского р-на. Расположено на левом берегу Северского Донца. Дворов – 1400, населения – 3,6 тыс. человек, основана в XVII в. В 1707–1708 гг. жители приняли активное участие в восстании К. Булавина. После его подавления Трехизбенка была сожжена карательными отрядами. Село возродилось в 30-е годы XVIII в. и было заселено переселенцами из Украины и России.

4. Украинская слобода Беловодская – являлась центром Беловодской волости, Старобельского уезда, Харьковской губернии Российской империи. (ныне п.г.т. Беловодск в составе ЛНР).

5. Последний дореволюционный управляющий конного завода полковник (генерал-майор с 1917 г.) Андрей Николаевич Чаплин успешно осуществил осенью 1915 г. эвакуацию лошадей и персонала Яновского конезавода из Восточной Польши на Беловодск и в 1916 г. был назначен управляющим Лимаревским заводом. А.Н. Чаплин был строгим руководителем военного времени, привыкший в Яновском заводе к дисциплинированным работникам – полякам, но по мнению рабочих Лимаревского завода, был «деспот, регулярно пользовавшийся хлыстом конюхов за нерадивость». За что и поплатился жизнью. Во время так называемого «Беловодского крестьянского восстания», группа из 10 «новолимаревских и царёвских повстанцев», во главе с бывшим солдатом Колокольцевым Иваном Афанасьевичем и «большевиком» Николаем Пелихом, захватила здание управления завода, избила и разоружила помощников управляющего конного завода прапорщика Зёрнышкина Григория и писаря Стахия Пелюченка. При попытке арестовать генерал-майора А.Н. Чаплина произошла перестрелка. В результате были убиты А. Чаплин и И. Колокольцев, ранены Н. Пелих и П. Кузнецов [Государственный архив ЛНР, Р – 1275, оп. 1, д. 3, л. 63–64 и д. 5, л. 171–172].

6. Носович Сергей Леонидович (1865–1919) полковник, выходец из дворянской семьи; окончил Николаевское кавалеристское училище. В 1905 г. управляющий Деркульского государственного конного завода. Убит 10 января 1919 в слободе Деркульского завода и лишь 25 января было получено официальное разрешение от революционных властей на похороны тела в ограде Николаевской церкви: «Священнику церкви Деркульского завода разрешаю похоронить тело убитого управляющего заводом. Командир Старобельского Революционного полка. 25 января 1919». Жена Александра Карлова 1867–24 сентября 1917, похоронена 26 сентября в ограде Николаевской церкви. <https://baza.vgd.ru/1/23205>

7. Константин Иванович Юницкий (1860–1918 год) – русский учёный, лесничий, в честь которого назван ботанический заказник государственного значения, расположенный в Беловодском районе. Кроме научной, занимался и общественной деятельностью, был гласным земского собора. В 1913 году Юницкий получил благодарность за разработку проекта укрепления сыпучих песков. Погиб в 1918 году от рук бандитов-грабителей. Старожилы говорят: «Пана вбылы за кожух і валянки». За время своей деятельности Юницкий покрыл лесом территорию в 5 000 гектаров. Большая часть этих насаждений сохранилась до наших дней. Похоронен возле своего дома в лесничестве.

8. П. Мирошниченко – юнкер Чугуевского военного училища. Осенью 1918 года в Старобельском офицерском отряде, затем в Донской армии, Добровольческой армии и ВСЮР. Взят в плен. В 1921 году содержался в концлагере г. Тула, бежал. Поручик в эмиграции в США умер 20.10.1971 г.

9. Мазанкин Яков Михайлович (8.10.1883–21.09.1941). Офицер 10-го Донского казачьего генерала Луковина полка (на 1909 г.). Офицер 27-го Донского казачьего полка. В Донской армии с 19.05.1918. Командир группы войск Северного отряда с 19.05.1918. Командир 3-го Донского пограничного полка (1918–1919). Помощник командира 9-й Донской пластунской бригады (с 30.01.1919). В Донском офицерском резерве (на 1920). Эмиграция: в Болгарии (на 1922 г.). Переехал во Францию, умер там же (21.09.1941 г.) Его брат – Мазанкин Степан Михайлович, р. 15 января 1881 г., казак Гундоровской ст.; окончил учительскую семинарию и НКЮУ по 2 разряду с зачислением в полк № 10. На 10.01.1915 г. подъесаул полка № 10. В 1914 г. в одном из боев на Австрийском фронте был ранен в ногу и взят в плен. С пулей в ногу, вызвавшей постоянное гноетечение, он оставался в плену. В 1920 году эвакуировался из Новороссийска в Болгарию (г. Стара Загора). Став инвалидом и нера-

ботоспособным, он вернулся в СССР, в 1925 г. в х. Таловый, где жил под присмотром старшей сестры Марии. Ввиду его популярности в родных местах, власти ему предложили уехать, в частности, предлагали службу в Москве, ввиду хорошего знания немецкого языка. В 1927 г. арестован, судим в Луганске. Мария Михайловна рассказывала, что он был приговорен к расстрелу, что было затем заменено на 10 лет тюрьмы. Сидел в тюрьмах в Харькове, Киеве и Житомире. В 1930 г. из Житомира прислал последнюю открытку: «Уезжаю в неизвестном направлении».

10. 1-й Воронежский полк ВЧК под командованием Льва Абрамовича Кесселя (1800 человек при 27 пулемётах и 4 орудиях). Весной 1919 года полк оборонял Луганск на позициях левее от Острой Могилы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Владимир Васильевич Федичев

Член межрегионального союза писателей, г. Луганск, Россия

Vladimir Vasil'evich Fedichev

Member of interregional union of writers

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Статьи издаются на русском и английском языках. Работы русскоязычных авторов, написанные на английском языке, должны пройти обязательную проверку специалистом – носителем языка до подачи рукописи в журнал. Во всех случаях, включающих русский и английский текст, первым следует приводить текст на основном языке статьи, вторым – на дополнительном языке.

Рукопись представляется в электронном виде (текст, таблицы, иллюстрации и подписи к ним): текст – в расширениях doc, docx или rtf, иллюстрации в графических файлах (см. ниже).

РУКОПИСЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ОФОРМЛЕНА СЛЕДУЮЩИМ ОБРАЗОМ:

Код УДК.

Название статьи на основном языке.

Инициалы и фамилии авторов на основном языке.

Аффилиация авторов на основном языке, включающая наименование организации, почтовый адрес, населенный пункт, регион (при необходимости), индекс, страну, электронный адрес.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ:

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, пр. Чехова, 41, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Резюме (Abstract) на основном языке.

Ключевые слова (Key words) (не более 10) на основном языке.

Название статьи на дополнительном языке.

Инициалы и фамилии авторов на дополнительном языке.

Аффилиация авторов на дополнительном языке, включающая наименование организации, почтовый адрес, населенный пункт, регион (при необходимости), индекс, страну, электронный адрес.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ:

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov av., 41, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Резюме (Abstract) на дополнительном языке.

Ключевые слова (Key words) (не более 10) на дополнительном языке.

Резюме на английском языке к русскоязычной статье должно быть расширенным (100–250 слов) и отражать содержание статьи (краткое повторение структуры статьи, включающее введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение).

Основной текст статьи. Изложение материала рекомендуется вести по следующему плану:

- Введение;
- Материал и методы;
- Результаты;
- Обсуждение;
- Благодарности;
- Литература.

Требования: объем статьи не должен превышать 0,8 п.л. Статья должна быть набрана в соответствии с правилами компьютерного набора через 1 интервал, шрифтом Times New Roman, кегль 14. Поля со всех сторон 2 см, без автопереноса. Абзацный отступ – 1,25 см.

Аббревиатуры и сокращения. Все аббревиатуры, используемые в тексте, таблицах и иллюстрациях, должны быть расшифрованы. В тексте допускаются общепринятые сокращения – названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т.п. Сокращения географических терминов в основном тексте не используются независимо от языка рукописи, все географические названия следует писать полностью (Ростовская область; Среднерусская возвышенность; Northern Kazakhstan); сокращения применяются только в разделе «Материал». Перед названиями городов слова «город», «гор.», «г.» не ставятся.

Список допустимых сокращений, принятых в журнале для обозначения мест находений изученного материала: вдхр. – водохранилище; д. – деревня; кр. – край; о. – остров; о-ва – острова; обл. – область; оз. – озеро; п-ов – полуостров; пос. – поселок; р. – река; р-н – район; с. – селение, село; сл. – слобода; ст-ца – станция; х. – хутор.

В англоязычных частях рукописи для областей и краев России использовать термин «Region».

Литература / References: не менее 5 наименований.

Литературные источники приводятся в порядке упоминания в тексте в конце статьи. Оформление ссылок в виде подстраничных сносок не допускается.

Ссылки на источники в тексте оформляются в виде номера источника в квадратных скобках с указанием страниц [1, 65-67], [2, с.3, рис. 4], [3], и т.д..

При перечислении нескольких источников следует давать их в хронологическом порядке независимо от языка источника.

Список литературы должен содержать только упомянутые в статье работы.

Названия сборников и журналов следует приводить без сокращений, названия журналов набираются *курсивом*.

Библиографические ссылки должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008, ссылки на электронные источники – в соответствии с рекомендациями РНБ и РИНЦ.

Для русскоязычных работ список литературы должен быть представлен в двух вариантах: независимо от того, имеются или нет в нем источники на латинице, список литературы с русскоязычными и другими ссылками на кириллице должен быть полностью продублирован в латинском алфавите (раздел «References»).

При оформлении списка литературы на латинице («References»), а также в рукописях на английском языке:

- при переводе русского текста в латиницу следует использовать систему транслитерации BGN, рекомендуется бесплатный сайт <https://translit.ru/ru/bgn/>;

- заголовки статей на языках, не использующих латинский алфавит, должны быть даны на английском языке (при наличии в статье английского заголовка следует приводить его так, как было опубликовано, а не делать собственный перевод), в конце ссылки указать язык оригинала: (in Russian), (in Japanese) и пр.;

- названия журналов на кириллице необходимо транслитерировать, кроме имеющих официальное английское название, указанное исключительно на первой странице обложки, например:

 - *Caucasian Entomological Bulletin* (написано на обложке журнала);

 - *Zoologicheskii zhurnal* (английского названия на обложке нет, поэтому приводится транслитерация русского);

- для монографий, сборников статей и конференций на языках, не использующих латинский алфавит, нужно сначала приводить транслитерированное название, а затем в квадратных скобках – перевод на английский язык (при наличии у издания английского названия следует приводить его так, как было опубликовано, а не делать собственный перевод);

- в названиях издательств на кириллице транслитерировать следует только имена собственные (Наука – Nauka, Научная думка – Naukova dumka); для таких названий издательств, как, например, ЗИН РАН, аббревиатуры не использовать, а приводить полное наименование на английском (Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences);

- при ссылке на статьи из российских журналов, имеющих переводную версию, требуется приводить переводную версию статьи со всеми выходными данными переводного варианта.

При наличии в цитируемом источнике DOI обязательно приводить его в обоих списках литературы. Необходимо обращать внимание на то, что у русскоязычных и переводных версий статей из российских журналов DOI разные.

Таблицы. Пронумерованные арабскими цифрами таблицы (с заголовками и внутритабличным текстом на двух языках) следует располагать после разделов Список литературы / References.

Иллюстрации представляются в электронной форме в расширении TIFF или JPEG с разрешением не менее 500 dpi.

Иллюстрации нумеруются арабскими цифрами по возможности по порядку их упоминания в тексте. Несколько изображений, сведенных в одну таблицу, обозначаются последовательной нумерацией арабскими цифрами (каждое изображение

получает свой номер). Допустимы дополнительные обозначения деталей рисунков (деталей строения) латинскими буквами.

Размер иллюстраций или таблиц иллюстраций по ширине должен равняться ширине печатной полосы (16 см) или колонки (7.75 см), по высоте не превышать 21 см.

Цветные иллюстрации принимаются к опубликованию в печатном виде только по согласованию с редакцией, в онлайн-версии цветные изображения могут быть опубликованы в любом количестве.

Подписи к рисункам представляются на двух языках. Каждая таблица рисунков должна иметь общее название, детализация ко всем изображениям приводится под названием. Примеры оформления:

Сведения об авторах (не для публикации): фамилия, имя, отчество (полностью), место работы и должность, номер телефона.

Текст статьи должен быть тщательно вычитан и отредактирован. Авторы несут ответственность за содержание статей, за достоверность приведенных в статье фактов, цитат, статистических и иных данных, имен, названий и прочих сведений. Авторам необходимо проверить представленный материал в системе «Антиплагиат. Вуз». Итоговая оценка оригинальности должна быть не ниже 75%.

Рецензирование проводится членами редколлегии или приглашенными специалистами в течение месяца с момента получения статьи.

Редакция настоятельно рекомендует авторам оформлять рукописи согласно правилам журнала. Принятые работы, представленные в не соответствующем правилам виде, будут отправлены авторам для переоформления столько раз, сколько потребуется. Редакционная коллегия оставляет за собой право отказать в публикации направленных материалов в случае несоответствия требованиям, предъявляемым к данным работам.